

Раздел 3

ИСТОРИЯ

Редактора раздела:

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ – доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, академик РАГН, (г. Горно-Алтайск)

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРМИН – доктор исторических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), АлтГПА

УДК 942.074

Zotov S.A. THE BRITISH DEMOCRACY AND ITS ALTERNATIVES IN THOMAS CARLYLE'S WORKS. Thomas Carlyle, one of the greatest British thinkers of the Victorian epoch, in his compositions written in 1829-1850, consistently developed a number of arguments against strong and long existence of democratic system and doubted about real embodiment of a principle of democracy. The restoration of a priority of cultural wealth (first of all, religious bases) was, in Carlyle's opinion, the main condition of true political development: establishments of the social consent, diligent performance of the functions by all public groups, a recognition for each person of the right to a worthy life.

Key words: Victorian Britain, Thomas Carlyle, parliament democracy, industrial revolution, reform of Parliament, aristocracy of the spirit.

С.А. Зотов, канд. ист. наук, доц. каф. всемирной истории АГПИ им. А.П. Гайдара, г. Арзамас,
E-mail: kafvsem@yandex.ru

БРИТАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ЕЁ АЛЬТЕРНАТИВЫ В СОЧИНЕНИЯХ ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ

Томас Карлейль, один из крупнейших британских мыслителей Викторианской эпохи, в своих сочинениях, написанных в 1829-1850 гг., последовательно развивал ряд аргументов против прочного и длительного существования демократического строя и сомневался в реальном воплощении принципа народовластия. Именно восстановление приоритета духовных ценностей (прежде всего, религиозных основ) являлось, по мнению Карлейля, главным условием верного политического развития: установления социального согласия, добросовестного выполнения своих функций всеми общественными группами, признание за каждым человеком права на достойную жизнь.

Ключевые слова: Викторианская Британия, Томас Карлейль, парламентская демократия, промышленная революция, парламентская реформа, аристократия духа.

Тема демократии стала одной из ведущих в творчестве крупнейшего мыслителя Викторианской Британии – Томаса Карлейля (1795-1881 гг.). Его исторические и публицистические работы, выход которых становился заметным событием для современников, принесли автору известность одного из главного антидемократа XIX столетия.

Первые рассуждения о демократии появились в его очерках «Знамения времени» (1829 г.) и «Характерные черты» (1831 г.). Обе работы считаются переходными в его исследованиях: британский мыслитель перешёл от критики континентальной литературы и философии к изучению состояния современного ему общества [1]. В этих сочинениях проявилась собственная исследовательская манера Карлейля, подвигавшая «читателей к новым знаниям... путём эстетического подхода к материалу...» [2, р. 68]. Необходимо отметить также, что намеченные в этих эссе тезисы получили дальнейшее развитие во многих его последующих сочинениях.

Карлейль заявил о наступлении «Механического века», «века Машин», изменившем весь образ жизни человеческого существования. Особенностью времени являлась «исключительная вера во всеобщую значимость физических вещей», вещей внешних. Одно из выражений этой веры – всеобщий

интерес к политическому устройству. Во всех развитых странах, по Карлейлю, царило убеждение во всемогуществе институтов демократии: «Надлежащая структура законодательства, соответствующий контроль над исполнительной властью, мудрое устройство правосудия – это *всё* (курсив автора – З.С.), что требуется для человеческого счастья. Были бы законы, правительство в хорошем порядке, тогда всё будет хорошо с нами...» [3, р. 226, 231]. Однако «не учитывается нравственное, религиозное, духовное состояние людей», а лишь «их физическое, практическое, экономическое состояние». Тем самым «Политика Тела» (Body-politic) господствовала над «Политикой души» (Soul-politic). Общественная жизнь не ограничивается только лишь «демократическим участием», а зависит «от бесконечно более сложных влияний», от нравственного состояния индивидуумов. В очерке «Знамения времени» делался вывод о том, что «только основательное... исправление *себя* (курсив автора – З.С.) является тем, с чего всё начинается и завершается» [3, р. 245].

В эссе «Характерные черты» автор представил своё видение современного ему общества. Он справедливо утверждал, что «каждое Общество, каждая Политика имеет духовный принцип; является олицетворением какой-то Идеи» [4, р. 300].

Эта «Душа Государства» объединяет всех людей в одну «целостность». В британском обществе такой целостности не наблюдалось: богатство и бедность стали явно «противоположными, не сообщающимися, как силы на положительном и отрицательном полюсах». Карлейль подчёркивал социально-экономическое противоречие своей эпохи: «Печально смотреть, как на высшей стадии цивилизации» большинство людей «должны бороться в низшей битве дикого или даже животного человека, битве против Голода», хотя Британия «богатая, процветающая во всех видах роста, вне всякого примера» [4, р. 302]. В такой напряжённой социальной обстановке демократические проекты «в виде Кооперативных Обществ, Всеобщего Избирательного Права, ... Голосования с помощью избирательного бюллетеня» не являлись «панацеями». Главный вывод «Характерных черт» содержался в авторском убеждении в приоритете нравственных ценностей в обществе: «Именно не Механицизмом, а Религией; не Эгоизмом, а Любяльностью люди управляются или управляемы» [4, р. 309].

Размышления Карлейля о демократии на основе исторического материала нашли отражение в его книге «Французская революция. История» (1837 г.), принесшей автору известность как в Великобритании, так и за её пределами¹. Мыслитель указал на точку отсчёта, от которой современная демократия брала своё начало: именно война за независимость английских колоний в Северной Америке (1775-1783 гг.) возвестила «о рождении демократии», которая затем «подобно смерчу» охватила весь мир [5, с. 11, 21]. Её появление в Европе «нельзя было предвидеть», но этот процесс был закономерным в силу политических и социально-экономических причин Французской революции: день открытия Генеральных штатов (4 мая 1789 г.) стал «днём крещения демократии», которую «родило измученное время по истечении положенного срока» [5, с. 137-138]. В революции проявился фанатизм «отбрасывания формул», сметающий традиционные устои общества и сопровождавшийся кровопролитием, разгулом беззакония и падением нравственности. На наш взгляд, автор подразумевал под революционным процессом именно демократию, т.е. некий объективный переходный этап от старого общественного порядка к новому, в случае с Французской революцией, от «аристократии феодальных графов» к «аристократии денежного мешка» [5, с. 543].

Новым толчком к развитию темы демократии послужили современные Карлейлю социально-политические события на родине, в частности – чартистское движение. Pamфлет «Чартизм» (1840 г.) стал первым объёмным произведением, написанным на злобу дня. Автор передал общественный настрой конца 1830-х гг.: «Демократия... вещь, повсеместно страстно требуемая для наших дней», массы стремятся к ней «как к финальной цели и победному рубежу» [6, р. 53]. Сам чартизм назван «одним из наиболее естественных феноменов в Англии» на том основании, что вера в «расширение избирательного права» как средство спасения от всех бед являлась «древней Британской верой» [6, р. 55]. В этом сочинении Карлейль чётко сформулировал аргументы против реального и прочного существования демократического строя. Во-первых, полная победа демократии приводила в конечном итоге к нулевому результату. Демократия – это лишь «отработанная система восстания и отмены закона; она отменяет старые установления вещей и оставляет... *ноль* (курсив автора. – З.С.) и пустоту» для учреждения нового общественного порядка [6, р. 91]. Другой аргумент состоял в том, что в принципе невозможно утвердить «само-правление» большинства большинства, ибо во все времена «жизненным элементом человеческого Общества» являлось соблюдение чёткой иерархии, раз-

деление социальных функций, стремление «всех человеческих сердец повсеместно и во все времена» установить правление «мудрейших», или «лучших». Эта иерархия простиралась над каждым человеком «вверх, степенью за степенью» «до самого Неба и Бога Творца, который создал Свой мир не ради анархии, а ради правления и порядка!» [6, р. 92-93]. Политические изменения, произошедшие после парламентской реформы 1832 г., дали Карлейлю основание для высказывания третьего аргумента. Представители радикальной партии, считавшиеся выразителями чаяний простых англичан, наиболее активно боролись за реформу. Но после их прихода к власти ситуация за «эти восемь лет» не изменилась: всё то же «Не-правление» правящих кругов вследствие политики *laissez-faire*², все принятые законы лишь «тени фактов», в целом, «Реформированное Правительство» обмануло надежды народных масс. Радикалов Карлейль назвал «жирондистами». Для таких политиков избиратели только «взрывные массы для снесения Бастилий», «сырьё» для достижения собственных корыстных целей и прихода к власти. Исследователь лишь удивлялся, почему соотечественники продолжали настаивать на дальнейшем расширении избирательного права, на праве иметь «свою двадцатитысячную часть мастера языкового искусства в Национальной Говорильне» [6, р. 94-95].

Среди многих острых общественных проблем, поднятых Карлейлем в следующей книге «Прошлое и настоящее» (1843 г.), видное место принадлежало теме демократии. Новое, что появилось у мыслителя, – это чёткое выражение своего отношения к демократическим свободам. Сравнивая положение средневекового раба и современного ему наёмного рабочего, он приходил к выводу о более предпочтительных условиях жизни у первого: раб имел уверенность «по крайней мере, в ужине и в общем помещении». Таких гарантий крова и пищи каждый день рабочие не имели, хотя они рождены свободными. Это положение большинства населения названо «Свободой умереть с голода» [7, с. 257]. Такая незавидная перспектива – результат господства в обществе власти денег и политики невмешательства государства в рыночную стихию: «...Человек стоит отдельно от другого и не имеет с ним «никакого дела», кроме наличного платежа...» [7, с. 262]. Автор пришёл к выводу о том, что в атмосфере «общественного одиночества» демократические свободы, в частности, всеобщее избирательное право, не в состоянии восстановить социальное согласие и взаимную ответственность социальных групп.

Революции 1848-1849 гг. в странах континентальной Европы заставили Карлейля снова обратиться к проблеме демократии. Им было написано восемь очерков, вошедших в книгу «Памфлеты последнего дня» (1850 г.)³ и вызвавших у многих современников самую резкую критику [8]. Именно в этих социально-политических эссе, на наш взгляд, наиболее развёрнуто представлены взгляды на парламентскую демократию и её альтернативы.

Революционное движение, развернувшееся в большинстве европейских стран, стало «повсеместным восстанием» народных масс против правящих верхов, которые «делали не то

² *Laissez faire laissez passer* (фр.) – «Пусть делают всё, что хотят» – принцип «невмешательства» экономистов-фритредеров, сторонников свободы торговли и невмешательства правительства в сферу хозяйственной жизни и экономических отношений. Первоначально принципы фритредерства были разработаны в трудах французских физиократов и позднее теоретически обоснованы А. Смитом и Д. Рикардо. В 1830-х гг. движение фритредеров усилилось, а его принципы получили дальнейшее развитие в трудах представителей Манчестерской школы политэкономии (Р. Кобден, Дж. Брайт).

³ «The Present Time», «Model Prisons», «Downing Street», «The New Downing Street», «Stump Orator», «Parliaments», «Hudson's Statue», «Jesuitism» (См.: Carlyle Th. *Latter-Day Pamphlets* // *The Works of Thomas Carlyle in Thirty Volumes. Centenary Edition* / Ed. by H.D. Traill. - L., 1896-1901. Vol. 20. В русском издании (1907 г.) не вошёл второй памфлет – «Образцовые тюрьмы»).

¹ «Французская революция» только при жизни Карлейля была издана в Европе и США 17 раз (подсчитано нами по: Dyer I.W. *A Bibliography of Thomas Carlyle's Writings and Ana.* N.Y., 1968. P. 85-89).

дело» и «банкротились». «Короли и правители... поспешили убраться», а их место заняла «неизмеримая демократия». Она стала «неоспоримой действительностью», наблюдалась «во всех речах и писаниях, во всех мыслях, модах и поступках людей». Все народы, сбросившие своих «королей-призраков», обратились к британской модели парламентской демократии как «к целительному средству против всех зол» и посчитали, что после введения всеобщего голосования «явится правда и наступит золотой век». Карлейль заявил об ином понимании демократии, об её «обратной стороне» [9, с. 11-12].

Он обратил внимание современников на качественные характеристики и кадровый состав британского парламента. Высший законодательный орган перестал быть «советом действительных правителей», наделённых «терпением, набожностью, честностью, скромностью». Члены верхней палаты превратились «в жирных капиталистов, железнодорожных директоров, в гигантских торгашей, королей денежной чумы», преследовавших только корыстные интересы и имевших только «кассовые» способности. Пэрство стало предметом торговли и предоставлялось «ничтожным» людям ради состояния и связей. Депутатами нижней палаты парламента становились представители «класса высших уличных ораторов», получившие популярность у избирателей своими речами. Благодаря «искусству говорить» стало возможным достичь политического Олимпа. Эти «ораторы подмостков» обладали «жалким умом адвоката», прислуживавшие избирательному процессу и поднимавшиеся «по милости какого-нибудь влиятельного журналиста». Такие политики ценили только популярность, выступления в общественных местах и парламентские интриги: «Погружённые в мерзкую стихию, они десятилетиями барахтаются в ней, сталкиваясь друг с другом и борясь по мере сил, причём самый сильный из них или самый ловкий достигает цели и делается первым министром». Парламентская деятельность принуждала «говорить ложь, двусмысленные неясности, пышные фразы», а это значило, что политики перестали «правдиво мыслить». С другой стороны, по мере развития «вредной привычки разглагольствовать» исчезало желание работать, «всякая мысль о труде»⁴. По мнению Карлейля, парламент «сделался национальным празднословием»: в обстановке обострения социальных контрастов, угрозы взаимного истребления классов парламент «ведёт дебаты, вносит предложения и встречные предложения». Части функций этот орган власти лишился: обязанность парламентариев «заявлять о нуждах» граждан перешла к свободной прессе. Но самое главное заключалось в невозможности долее «нести функции верховной власти». Причиной стала неспособность депутатов «уменьшить парламентское красноречие», иметь единое «верное мнение» и делать дело в качестве «верховного правителя о 658 головах». Политическая практика показала тщетность пути реформирования этого органа. Парламентская реформа 1832 г. прошла безрезультатно. Власть держащие не изменили политического курса «Не-правления» (политики *laissez-faire*). Не подвергся изменениям и состав парламента: «Совершенно тот же сорт людей, которые раньше повиновались традициям тори, а теперь руководствуются теориями вигов и криками толпы» [9, с. 20]. Несмотря на критику, Карлейль признавал необходимость существования парламента. Такой орган являлся, наряду с прессой, отражением общественного мнения и был способен играть определённую роль в разработке государственной политики, но только лишь в качестве законосовещательного учреждения.

Идея ввести всеобщее избирательное право подвергалась в «Памфлетах» разносторонней критике. Авторская позиция

выражалась с самых первых страниц: «Есть вещи, которые можно решить всеобщим голосованием и относительно которых в высшей степени полезно обратиться к всеобщему голосованию. Но для правильного решения большинства дел огромной важности, в особенности относительно подбора людей, у всеобщего голосования почти нет никаких средств» [9, с. 33]. С одной стороны, «всеобщая подача голосов» никогда не могла постичь, а тем более отменить, «вечный порядок Вселенной», тайны которой лишь частично приоткрыты меньшинству, только «мудрым и благородно мыслящим умам». С другой стороны, среди избирателей насчитывалось «не мало глупцов, трусов, плутов и предателей, преследующих только свои собственные аппетиты». Такие люди могли считаться свободными в своём волеизъявлении, но их «внутренний рабский образ» не в силах принести пользу обществу в достижении его главной цели – «знать в чём должен состоять мудрый образ действий». Выборщики с имущественным цензом и, в целом, «избирательный мир с его любовью к красивым словам» не был способен верно определить подходящую кандидатуру. В эпоху «преклонения слову» не замечали «всё то, что глубоко и искренне», не узнавали мудрость, которая «отличается характером безмолвия»⁵. Не всегда всеобщее голосование вело по правильному пути согласно «божественным законам». Механический подсчёт голосов мог приводить к ошибке, к подмене «культы действительного» на «культ мнимого». Таким общественным заблуждением являлся «культ Гудзона»⁶, свидетельствовавший о глубине падения нравственности. Финансист Джеймс Гудзон согласно общественному избранию стал «самым подлинным из королей»: «Гудзон был избран народом... Они отдали свои голоса за него, покупая его облигации с барышом для него. Это не было подачей голосов в форме слова; это было подачей голосов на деле. В нём они доподлинно выразили всё, чему научил их аппетит, сметка, глупость и страсть к наживе» [9, с. 49-50].

Разрабатывая тему демократии, Карлейль использовал также исторический материал. В Афинах и Риме не было демократии, они являлись аристократическими республиками. В истории парламента только два имели успех в роли «верховного правителя» народа: «Долгий парламент» в Англии и «Якобинский Конвент» во Франции. Оба были «страшно серьёзны», так как их положение являлось «вопросом жизни и смерти»; каждый депутат был ответственным; «парламентское красноречие» было уменьшено в результате отсутствия оппозиции; в целом, их деятельность привела «к положительным результатам». Политический строй США, «символ надежды для всех народов», не являлся, по Карлейлю, образцом. В этой стране не сложилась единая нация, все основные ценности (конституция, английский язык, уважение к закону) были «в готовом виде» заимствованы «из английской старопуританской мастерской». Американцы ничего великого не совершили и не дали в духовном плане: ни «благородного дела», ни «великой души», ни «великой мысли». Америка дала лишь «хлопчатую бумагу, хлеб, доллары и полмира необработанной земли», на которой население, «уважающее Констебля», могло обойтись без правительства. Такой общественный строй назван «Анархией плюс Констебль». С точки зрения автора «Памфлетов», история свидетельствовала, что в течение долгого периода «ни одна нация не может существовать при Демократии» [9, с. 56-57].

Альтернативой развития парламентской демократии выступало усиление роли исполнительной власти, реформа «верховой корпорации правителей». По наблюдению Кар-

⁴ О теме труда в творчестве Т. Карлейля см. напр.: Осинковский И.Н. Этика труда у Томаса Карлейля // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время: межвуз. сб. науч. ст. вып. 5 / отв. ред. Е.В. Кузнецов. – Арзамас: АГПИ, 2008. С. 70-77.

⁵ О теме молчания в творчестве Т. Карлейля см. напр.: Костикова И.В. Философско-социологические взгляды Томаса Карлейля. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

⁶ Гудзон Джеймс – один из крупнейших финансистов середины XIX в. Он контролировал, в частности, половину железнодорожной сети Британии, поэтому его называли «железнодорожным королём».

лейля, «практическая организация государства» поставлена «криво и косо» и не отвечала потребностям населения: «сделать для английских граждан возможным жизнь и труд». Осуществление этих чаяний народа под силу лишь «реальной верховной власти» [9, с. 66-67]. В «Памфлетах» представлена программа практических шагов, которые должно было предпринять «новое правительство», точнее, ряд его важнейших министерств. Функции министерства иностранных дел сводились к поддержанию добрососедских отношений со всеми государствами, без вмешательства в их внутрисполитические дела. Военно-морскому ведомству следовало в мирное время организовывать «рабочие полки» из личного состава армии и обучать военному делу всех граждан. По мере развития международных связей (главным образом, экономического сотрудничества) войны становились «менее и менее неизбежными», к тому же, ведение войн «никогда не было и не будет истинной задачей Англии». Колониальному ведомству необходимо сохранять и укреплять Британскую империю. Колонии рассматривались как неотъемлемая часть страны: «Они составляют части земли, на которых теперь живут дети Англии, где боги благословили их усилия и дали им право жить». Карлейль выступал против предоставления самостоятельности и учреждения конституций для колоний. Внимание современников обращалось на кадровый вопрос: «действительное средство для поправления дела заключается в том, чтобы найти такое министерство», которое сделает колонии «нашим благодеянием». Экономические проблемы империи доказывали, с точки зрения мыслителя, что способ управления колониями «нелеп и настоятельно нуждается в реформе». Основным государственным ведомством считалось министерство внутренних дел. На него возлагалась «совершенно небывалая задача» – ликвидация пауперизма путём реформирования «организации труда». Под этой реформой Карлейль подразумевал организацию общественных работ, полное упразднение безработицы и предоставление гарантий рабочим со стороны и государства, и предпринимателей («новой», «промышленной» аристократии) – эти меры «в течение нескольких поколений» приведут к созданию «настоящего благоустроенного государства». Вся эта правительственная программа направлена на то, чтобы государство стало «действующей силой», которая направляет свои усилия на практические цели и дела» [9, с. 70-74], забытые вследствие политики *laissez-faire*.

Британский исследователь подчёркивал, что смысл любого политического режима, «всякого политического усилия» состоял в том, чтобы поставить во главе государства «способных людей», но не все политические методы подходили для этого. «Крупинки чистого золота» почти невозможно найти среди парламентариев, судя по их кадровому составу. Следовало отказаться от практики назначения на высшие государственные посты депутатов парламента, т.к. нельзя ручаться, что «искусный парламентский оратор есть в то же время и администратор, способный управлять колониями или внутренними делами». В вопросе, где найти нужных людей, автор «Памфлетов» не расходился со своими «демократическими друзьями»: «Пусть человек, которого боги одарили мудростью, доблестью и способностью быть полезным стране берётся из всех классов, не из нескольких сотен, а из нескольких миллионов» [9, с. 80]. Принципиальное расхождение состояло в способе выбора: право выбирать «среди всех английских граждан» Карлейль предоставлял «настоящему государственному человеку-реформатору, благородному ценителю и знатоку человеческого ума, наделённому талантом опытного политика». Таким государственным деятелем считался Роберт Пиль, один из лидеров либерального крыла партии тори⁷. Наличие в пра-

вительстве одного или нескольких «истинных руководителей и королей» предстаёт в качестве предварительного условия всех необходимых политических преобразований. На наш взгляд, это утверждение не даёт оснований обвинять Карлейля в приверженности авторитаризму или тоталитаризму, т.к. параллельно с этим развивался другой тезис. Появление национальных лидеров⁸ возможно лишь в результате высоко нравственного выбора каждого члена общества: «Оказывать наше уважение тому именно, кому следует, заставляя каждого из нас поступать так, чтобы почтенный человек... пользовался везде почтением, а способный попадал на то место, на которое он имеет вечное право» [9, с. 93]. Воздавать каждому по заслугам, проявлять взаимное уважение, молиться о получении «мудрости, вместо банковских билетов» – в этом состоит «социальная нравственность» для каждого гражданина в мире. Целью и идеалом таких всеобщих усилий будет установление «иерархии духа». В «Памфлетах» повсеместно присутствует призыв автора к современникам обратиться к религиозным основам, смысл которых заключался в «уважении к ценности человека, серьёзном и упорном к ней стремлении, благородной её поддержке и поощрении» [9, с. 107]. В заключении выражалась глубокая уверенность в том, что общество никоим образом не может строиться на «законах спроса и предложения», на потребительском отношении людей друг к другу: «Несомненно... это равнодушие ко всему, что не имеет отношения к Мамоне⁹, не есть естественное состояние человеческого рода. Должны быть и другие состояния или же мы никогда не бывали обществом, не было между нами и благородных деяний». Тех же, кто будет продолжать гнаться за деньгами, ждёт не человеческое счастье, а «океан тоски» [9, с. 130].

Таким образом, Томас Карлейль в своих исторических и публицистических сочинениях, написанных в 1829-1850 гг., придерживался одной определённой точки зрения относительно демократии. Мыслитель последовательно развивал ряд аргументов против прочного и длительного существования этого общественного строя и сомневался даже в реальном воплощении принципа народовластия. Он признавал демократию в качестве закономерного, но лишь временного этапа, когда в тех или иных исторических условиях происходили революционные, глубокие социальные, экономические и политические изменения в обществе, затрагивавшие интересы каждого человека. Критика парламентской демократии в работах этого мыслителя была связана, прежде всего, с исторической действительностью Британии второй четверти XIX века. В результате завершения промышленной революции в стране резко обострились социальные контрасты между меньшинством имущих и власть держащих и большинством неимущих, рухнули прежние социальные связи и нравственные нормы. Однако в обстановке роста напряжённости и падения духовности в обществе правящие круги придерживались политики невмешательства государства в социально-экономическую сферу. Парламент в этих условиях не проявил себя как орган власти, отвечавший требованиям широких слоёв населения и способный к решительному изменению государственного курса. Причиной неэффективности Карлейль считал его кадровый состав, формировавшийся или из состоятельных людей, или из политиков, добившихся дешёвой популярности у своих избирателей. Реформа парламента 1832 г. не внесла принципиальных изменений в политическую жизнь. Карлейль выступил не за дальнейшую демократизацию политического строя, а за реформирование государственной реальной политики, прежде всего, за участие государства в регули-

⁷ Роберт Пиль (1788-1850 гг.), премьер-министр в 1834-1835, 1841-1846 гг., на которого так надеялся Карлейль и с которым был лично знаком, внезапно скончался после падения с лошади, когда писался восьмой памфлет в июле 1850 г.

⁸ Подробнее концепцию «героев» Т. Карлейль изложил в книге «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841 г.). Это произведение британского автора выдержало в России пять изданий.

⁹ Мамон(а), Маммона – 1) миф. бог богатства у древних сирийцев; 2) перен. алчность, корыстолюбие.

ровании отношений труда и капитала. Осуществление этой основной задачи времени возлагалась на одного или нескольких национальных лидеров, представителей аристократии духа. Возможность их появления у власти обусловлена нравственным возрождением общества. Именно восстановление приоритета духовных ценностей (прежде всего, религиозных

основ) являлось, по мнению Карлейля, главным условием верного политического развития: установления социального согласия, добросовестного выполнения своих функций всеми общественными группами, признание за каждым человеком права на достойную жизнь.

Библиографический список

1. Rosenberg, Ph. The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. – Cam. (Mass.), 1974.
2. LaValley, A.J. Carlyle and the Idea of the Modern. Studies in Carlyle's Prophetic Literature and Its Relation to Blake, Nietzsche, Marx and Others. – New Haven etc, 1968.
3. Carlyle, Th. Signs of the Times // Carlyle Th. Scottish and Other Miscellanies. – L., 1897.
4. Carlyle, Th. Characteristics // Carlyle Th. Critical and Miscellaneous Essays. – N.Y., 1873.
5. Карлейль, Т. Французская революция. История / пер. с англ. Ю.В. Дубровина и Е.А. Мельниковой. – М.: Мысль, 1991.
6. Carlyle, Th. Chartism. – L., 1840.
7. Карлейль, Т. Прошлое и настоящее // Карлейль Т. Теперь и прежде / сост., подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой. – М.: Республика, 1994.
8. Coldberg, M.A. Universal "Howl of Execration": Carlyle's Latter-Day Pamphlets and Their Critical Reception // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of Charles Richard Sanders. – Durham, 1976.
9. Карлейль, Т. Памфлеты последнего дня / пер. с англ. А.М. Белова. – СПб., 1907.

Bibliography

1. Rosenberg, Ph. The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. – Cam. (Mass.), 1974.
2. LaValley, A.J. Carlyle and the Idea of the Modern. Studies in Carlyle's Prophetic Literature and Its Relation to Blake, Nietzsche, Marx and Others. – New Haven etc, 1968.
3. Carlyle, Th. Signs of the Times // Carlyle Th. Scottish and Other Miscellanies. – L., 1897.
4. Carlyle, Th. Characteristics // Carlyle Th. Critical and Miscellaneous Essays. – N.Y., 1873.
5. Karleyjlj, T. Francuzskaya revolyuciya. Istoriya / per. s angl. Yu.V. Dubrovina i E.A. Melnikovoy. – M.: Mihslij, 1991.
6. Carlyle, Th. Chartism. – L., 1840.
7. Karleyjlj, T. Proshloe i nastoyathee // Karleyjlj T. Teperj i prezhde / sost., podgot. teksta i primech. R.K. Medvedevoy. – M.: Respublika, 1994.
8. Coldberg, M.A. Universal "Howl of Execration": Carlyle's Latter-Day Pamphlets and Their Critical Reception // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of Charles Richard Sanders. – Durham, 1976.
9. Karleyjlj, T. Pamfletih poslednego dnya / per. s angl. A.M. Belova. – SPb., 1907.

Статья поступила в редакцию 10.06.11

УДК 947.086

Podrepy Y.I. THE BEGINNING OF THE FIGHTER MIG-25 AT THE GORKY AIRCRAFT PLANT (1962-1980-s).
The article relates to the beginning of the fighter MiG-25 at the Gorky aircraft plant No 21. Its production started in 1962 and lasted about 22 years. The MiG25 aircraft is one of the world's most renowned jet fighters.

Key words: MiG-25, aircraft, plant, technology.

Е.И. Подрепный, канд. ист.наук, доц. ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород,
E-mail: 2505575@mail.ru

МИГ-25 – НИЖЕГОРОДСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В статье на основе мемуарных и документальных источников освещаются некоторые ранее неизвестные эпизоды из истории одного из самых известных отечественных самолетов XX века – МиГ-25. Особое внимание уделяется вкладу нижегородских инженеров, конструкторов и технологов в совершенствование этой машины.

Ключевые слова: МиГ-25, авиационная промышленность, самолет, развитие, технология.

МиГ-25 – этапный самолет в истории отечественной авиационной промышленности. Этой машине посвящено немало публикаций [1, с. 131-134], однако, в последние годы вышло достаточно много воспоминаний работников Нижегородского авиастроительного завода «Сокол», которые позволяют существенно дополнить предыдущие работы по данной теме [2; 3; 8].

Серийное производство стальной машины МиГ-25 для Горьковского авиационного завода им. С. Орджоникидзе ознаменовало не только переход к очередному крылатому изделию, но и настоящую техническую революцию на предприятии. В статье В.П. Князюкова (начальник отдела 30 в 1971-1984 гг.), посвященной истории технологической службы авиазавода им. С. Орджоникидзе, отмечено: «Безусловно, освоение и производство этого новейшего самолета без снятия с производства серийно выпускаемого заводом самолета МиГ-21 потребовали решения большого числа вновь возникших проблем». [3, с. 142].

Освоение и начало серийного производства стального сварного самолета потребовало от руководства завода и тех-

нологической службы проведения глубокого анализа действующей структуры и ее совершенствования под изменившиеся во многом условия выполнения правительственного задания. В основном производстве были созданы новые цехи, участки, лаборатории. В службе главного технолога организовали новый специализированный отдел – главного сварщика. В действующих цехах открылись новые бюро. Очень важным и своевременным было перемещение цехов подготовки производства и отделов главного технолога в новый, только что построенный корпус № 102. В корпусе, кроме механических и слесарных участков, были построены и организованы термические и гальванические отделения, что позволило цехам подготовки производства изготавливать оснастку с замкнутым циклом от раскроя заготовок до окончательной сборки [3, с. 143-144].

Материалы «МиГовских чтений» позволяют лучше понять вклад отделов и служб завода в создание уникального самолета. Так, Е.С. Коровин, начальник отдела 22 (1973-1999 гг.) пишет, что «конструкторами отдела 27 спроектированы уникальные разделочные комплексы на все агрегаты самолета».

та; практически все механизмы, встроенные непосредственно в стапеля; многие манипуляторы и даже линия подвесных сварочных машин и много другое. Более того, по нашим техническим условиям под нашу технологию научно-исследовательский институт (НИАТ) спроектировал целую гамму сварочных установок с программным управлением» [4, с. 21]. Заслуженный технолог РФ П.М. Королев отмечает, что в период подготовки к производству стального самолета преобразовывалось механосборочное производство (этому производству были отданы лучшие площади); приобретено современное металлорежущее оборудование с ЧПУ. Число специализированных механосборочных цехов было доведено до 8 [5]. Архивные документы показывают, что на заводе постоянной практикой стали сверхурочные работы. Типичный пример – приказ директора завода А.И. Ярошенко № 363 от 21 ноября 1969 г. «О работе в выходной день 7 декабря 1969 г.»: «В воскресенье 7 декабря 1969 года организовать нормальный рабочий день в две смены с полетами в цехе 50 и 59» [6, л. 27.]. В 1969 году на заводе были внедрены следующие мероприятия: 1. Расширено производство точных видов заготовок литьем и штамповкой. 2. Внедрен технологический процесс плазменной резки заготовок на станках с программным управлением. 3. Расширена до 114 наименований номенклатура деталей, изготавливаемых гидроформированием [6, л. 2].

Обстановку того времени передал бывший начальник цеха 50 (Летно-испытательная станция завода – *Е.П.*) Э.Д. Юсупов: «В 60-е годы завод представлял собой стройплощадку. Строили везде: корпус для цехов и отделов главного технолога, боксы и новое здание КДП (контрольно-диспетчерский пункт – *Е.П.*) цеха 50 и т.д. Полным ходом шла подготовка к выпуску самолетов третьего поколения. Первые самолеты МиГ-25, собранные на старых площадях, были отправлены на государственные испытания в 1965 году. А завод продолжал их сборку, не дожидаясь результатов государственных испытаний.

Акт о принятии на вооружение самолетов МиГ-25Р был подписан в 1968 году. И в этом году первые «разведчики» были переданы в воинскую часть¹⁰. Госиспытания самолетов МиГ-25П продолжались, но уже в план завода 1968 года была включена сборка первой партии. Акт о принятии на вооружение самолетов МиГ-25П с приложением перечня замечаний, требующих обязательно устранения, был подписан в начале 1970 года. <...> Завод стал центром притяжения всего Министерства. Задача одна – за второй квартал доработать и облетать все самолеты, собранные за 1968-69 и 1970 годы. Начальник первого ГУ (Главного управления – *Е.П.*) МАП В.И. Давыдов находился на заводе и отсюда руководил своим управлением. Высадился «десант» конструкторов во главе с главным конструктором Н.З. Матюком. Работали представители поставщиков всех готовых изделий и агрегатов, устанавливаемых на самолетах. Здесь, на месте, принимались конструктивные, технологические и производственные решения по устранению отмеченных в приложении и возникающих в процессе наземных и летных испытаний замечаний.

В цехе организовали круглосуточную работу, не хватало рабочих мест, стоянок для самолетов. С целью сокращения потерь всем участкам и бригадам выдали велосипеды, построили и ввели в строй новую проходную (№ 28) организовали бесплатные обеды, приобрели кровати и создали условия для отдыха. Директор завода А.И. Ярошенко и районный инженер А.А. Дорохин безвылазно сидели на летно-испытательной станции и вместе решали возникающие вопросы. Напряженная

работа всего коллектива завода, смежников, конструкторов и коллектива ЛИС принесла свои плоды. За первое полугодие все имевшиеся самолеты были доработаны, отработаны, облетаны и в августе отправлены в воинские части.

За годы моей работы на заводе было много разных сложных периодов, а год 1970 – особенно тяжелый, но победный. Впервые наша авиация получила уникальные самолеты, не превзойденные никем и сегодня. С появлением этих самолетов небо над страной очистилось от чужестранцев» [8].

Большое внимание уделялось проблеме качества выпускаемой продукции. В приказе директора завода № 350 от 27 ноября 1969 г. отмечалось, что «на изделиях т.т. 02 и 84 в серийном производстве проведена большая конструктивно-технологическая работа с целью улучшения качества изделий. Проведена специализация участков цехов, по изготовлению изделий 02 и 84. Резко обновлен парк оборудования, обучены и доукомплектованы кадры ИТР и рабочих. Однако в настоящее время в некоторых цехах имеют место случаи изготовления деталей, узлов отдельных агрегатов с отклонениями от чертежей и ТУ и допускаемые в дальнейшее производство оформлением технических запросов без тщательного анализа причин отклонений от чертежей и ТУ» [6, л. 50].

Директор завода приказал начальнику ОКБ Бородину, главному технологу Мюрисеппу провести тщательную проработку выставленных вопросов производственными цехами, выдать техническую документацию и уточнить ТУ к 31 декабря 1969 года. Начальники всех производственных цехов в I квартале 1970 года были обязаны провести техническую учебу с рабочими и мастерами и по окончании учебы переаттестацию всех производственных рабочих. На основании переаттестации и результатов производственного исполнения шире практиковать выдачу персональных клейм производственным рабочим – отличникам по качеству [6, л. 51].

9 июля 1970 года на аэродроме в Шаталово приземлились три первых самолета МиГ-25Р. Их в полк перегнали заводские летчики-испытатели. А уже через неделю состоялись первые полеты МиГов. Первых летчиков готовили и выпускали в самостоятельный полет летчики-испытатели – шеф-пилот ОКБ Микояна А.В. Федотов и летчики-испытатели Горьковского авиазавода В.Г. Гордиенко и М.Н. Элькинбард. Кроме того, в первые месяцы полетов на новых МиГах на аэродроме постоянно присутствовали генералы и полковники из Главкома ВВС и ВВС МВО, представители ОКБ Микояна и заводо-изготовителей [7, с. 20].

Завод оказался в затруднительном положении с выполнением Государственного плана по выпуску самолетов МиГ-25П. Кроме 25-и самолетов МиГ-21 нужно было изготовить 10 самолетов МиГ-25П в месяц. Генеральным конструктором ОКБ им. А.И. Микояна был в то время Р.А. Беляков. На заводе, сменяя друг друга, подписывали чертежи представители ОКБ им. А.И. Микояна: М.М. Красивов, Я.Г. Кокушкин, Л.А. Агроник.

Ветеран ОКБ завода «Сокол» А. Подшивалов пишет: «Евгений Иванович вышел с предложением к директору завода Силаеву И.С. взять «в дровах» у военных самолет как бы ими уже принятый под обязательство довести его до состояния, резко отличающегося от серийных самолетов в части повышения его эксплуатационных характеристик, а заодно и производственно-технологических. Для этого должна быть разработана и утверждена программа с указанием конкретных финальных результатов. У ОКБ и завода в целом такой опыт имелся. Военные, по мнению Е.И. Миндрова, должны были бы ухватиться за это.

Почему такое могли и должны были сделать мы на серийном заводе? Почему это не сделали и не могли сделать в ОКБ им. Микояна? К тому времени уже имелись замечания к самолету и предложения с Государственных и заводских испытаний, из эксплуатирующих воинских частей, были замечания и предложения от технологических служб завода, от

¹⁰ 27 мая 1969 г. Главный штаб ВВС издал директиву, предписывающую перевооружить одну эскадрилью разведывательной авиации на новые разведчики МиГ-25Р, к серийному выпуску которых приступил Горьковский авиационный завод. Выбор командования в очередной раз пал на 47-й отдельный гвардейский разведывательный авиационный полк (Шаталово) [7].

производства были наработки творческих тем и были задумки с до конца сформулированными представлениями. Микоянцы были заняты разработкой новых перспективных самолетов, их делом было осваивать наши разработки.

Миндровым так решалась не только задача выполнения заводом Государственного плана. Так решалась задача повышения эксплуатационно-производственной технологичности самолетов» [9, с. 26].

Позже таким образом решался вопрос о выделении самолета МиГ-25РБ (№ 020703), самолета МиГ-31 (№ 010503).

По истребительно-перехватчику МиГ-25П была разработана программа по совершенствованию, которая включала 563 темы. Легко произносится цифра. Но сколько за этим труда конструкторов, технологов, производственников, и в первую очередь, Главного конструктора Евгения Ивановича Миндрова. Программу нужно было утвердить в ОКБ им. Микояна, в Управлении заказов ВВС Министерства Обороны СССР.

Начальником Управления заказами ВВС был хороший знакомый Евгения Ивановича Ефремов Виктор Романович. Они познакомились в те годы, когда Ефремов В.Р. служил еще лейтенантом в Военном представительстве № 256 на заводе № 21. В.Р. Ефремов подошел к делу по-государственному, поверив Евгению Ивановичу [9, с. 26].

И вот самолет МиГ-25П с заводским номером 841304 готов. В декабре его перегнали на аэродром Московского военного округа ПВО в Истомино (Правдинск) для оценки, для испытаний. Конструкторы, ездили туда каждый день заводским автобусом. От военных руководил работами Главный инженер авиации ПВО Московского военного округа Пахомов Владимир Романович. Самолет ему очень понравился. Он писал акт оценки, признавая, что впервые сам пишет похвальный акт оценки.

Высокая оценка была дана и интерьеру кабины самолета. Этими работами руководил бывший летчик-испытатель 1 класса Представительства заказчика № 256 Рогатнев Алексей Кондратьевич. Кто лучше А.К. Рогатнева мог знать потребности летчика, остающегося один на один с самолетом на высоте более 30 км и скоростях за 3000 км/час? Это Е.И. Миндров пригласил А.К. Рогатнева, вышедшего в отставку, поработать налетчиков ведущим конструктором в ОКБ по интерьеру кабин. А.К. Рогатнев выступал как идеолог и исполнитель,

Миндров Е.И. – как конструктор и как таран. Помогал Рогатневу Г.Д. Дробышевский [9, с. 27].

Когда улучшенные самолеты по образцу 841304 уходили в строевые части, в формуляр каждого самолета вкладывалось обращение к командиру, в котором дополнительно отражалась новизна самолета и была просьба сообщить, сколько часов самолет налетал, сколько совершил взлетов-посадок до того, как выявилась неисправность, какие есть предложения по дальнейшему совершенствованию. В то время Главный инженер авиации войск ПВО страны Виктор Иванович Суворов сказал, что усовершенствованный самолет МиГ-25П отличается от выпущенных ранее как небо от земли. При таких же обстоятельствах был получен для модернизации разведчик-бомбардировщик МиГ-25РБ № 020503, такая же была схема разработки программы совершенствования, так же работали люди, так же руководил Е.И. Миндров [9, с. 29]. Позже по заданию Горьковского авиазавода Коломенским заводом был изготовлен и смонтирован пресс усилием 24 тысячи тонн с удельным давлением 1000 кг на кв. см. для бездвухочной штамповки деталей для МиГ-25 и последующих типов самолетов. Миндров предложил и реализовал опытные образцы сварных створок перепуска воздуха в воздухозаборники самолета МиГ-25 с применением плазменной сварки. Цикл изготовления сокращался с 2-х недель до 2-х рабочих смен, экономилось 5 кг серебра на один самолет [9, с. 31].

В изготовлении самолета МиГ-25 участвовали и другие нижегородские предприятия, в первую очередь, завод № 119 «Гидромаш». Первые два комплекта шасси были отправлены на завод № 21 еще в 1966 году [10, с. 197]. В 1967 году завод разработал и внедрил в производство принципиально новый механизм рулевого управления МРК-20 для будущего МиГ-25 [10, с. 199]. В 1969 году «Гидромаш» выпустил уже 37 комплектов шасси для лучших в мире истребителей-перехватчиков МиГ-25 [10, с. 206]. В 1972 году на заводе освоили выпуск гидроаккумулятора аварийного торможения для МиГ-25 и т.д. [10, с. 215]. Бывший генеральный директор Горьковского авиазавода имени С. Орджоникидзе Владимир Михайлович Помолов отмечал, что поставки самолетов МиГ-25П и МиГ-25Р на экспорт позволяли стране заработать громадные деньги, так как каждый рубль, вложенный в самолет МиГ-25, приносил отрасли 20 долларов [11, с. 130].

Библиографический список

1. Подрепный, Е.И. Самолет МиГ-25 в публикациях 2000-х годов // Материалы «Миговских чтений», посвященных жизни и судьбе знаменитого истребителя МиГ-25 (в честь 70-летия завода и 35-летия первого полета МиГ-25) 22-23 января 2002 г. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2002.
2. См. об этом, например: Агафонов, Ю.И. Жизнь, отданная МиГам. Посвящается 90-летию со дня рождения Талгата Фатыховича Сейфи. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2006; Ярошенко, Л.А. Александр Ильич Ярошенко в воспоминаниях дочери. – Нижний Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2007; Евгений Иванович Миндров. К 100-летию со дня рождения. Воспоминания о Главном конструкторе Горьковского авиационного завода. – Нижний Новгород, 2010.
3. Мюрисеп, В.А. Полет наших птиц. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2005.
4. Коровин, Е.С. Внедрение новейших достижений в агрегатно-сборочное производство // Материалы «Миговских чтений», посвященных жизни и судьбе знаменитого истребителя МиГ-25 (в честь 70-летия завода и 35-летия первого полета МиГ-25) 22-23 января 2002 г. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2002.
5. Королев, П.М. На острие технического прогресса // Агафонов Ю.И. Жизнь, отданная МиГам. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2006.
6. Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2066. Оп. 13. Д. 328.
7. Пазынич, С.С. 47 ОГРП. Действия в интересах главных штабов / С. Пазынич, С. Цветков // Мир авиации. – 2001. – № 3.
8. Юсупов, Э.Д. Год 1970 – трудный, но победный // Рабочая жизнь. Газета трудового коллектива ОАО «Нижегородский авиастроительный завод «Сokol»». – 2008. – 28 апреля.
9. Подшивалов, А. О том, что хранит память // Евгений Иванович Миндров. К 100-летию со дня рождения Воспоминания о Главном конструкторе Горьковского авиационного завода. – Н. Новгород, 2010.
10. Карпенко, В.Ф. От кареты до ракеты: Очерки истории Нижегородского открытого акционерного общества «Гидромаш» (1805-2005) / В.Ф. Карпенко, Л.Е. Козлова, Г.Л. Нелидов, В.А. Харламов; под ред. В.И. Лузянина. – Н. Новгород, 2005.
11. Помолов, В.М. Производственный потенциал завода и организация работы коллектива в 1970-1990 гг. // Материалы «Миговских чтений», посвященных жизни и судьбе знаменитого истребителя МиГ-25 (в честь 70-летия завода и 35-летия первого полета МиГ-25) 22-23 января 2002 г. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2002.

Bibliography

1. Podrepniy, E.I. Samolet MiG-25 v publikatsiyakh 2000-kh godov // Materiali «Migovskikh chteniy», posvyatennikh zhizni i sudjbe znamenitogo istrebitelja MiG-25 (v chesti 70-letija zavoda i 35-letija pervogo poleta MiG-25) 22-23 yanvarya 2002 g. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ "Sokol"», 2002.
2. Sm. ob etom, naprimer: Agafonov, Yu.I. Zhiznj, otdannaya MIGam. Posvyatetsya 90-letiyu so dnya rozhdeniya Talgata Fatikhovicha Seyfi. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ "Sokol"», 2006; Yaroshenko, L.A. Aleksandr Il'ich Yaroshenko v vospominaniyakh docheri. – Nizhniy Novgorod: Izd-vo «Dyatlovih gorih», 2007; Evgeniy Ivanovich Mindrov. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Vospominaniya o Glavnom konstruktore Gor'kovskogo aviacionnogo zavoda. – Nizhniy Novgorod, 2010.
3. Myurisep, V.A. Polet nashikh ptic. – Nizhniy Novgorod: DEKOM, 2005.

4. Korovin, E.S. Vnedrenie novейshikh dostizheniy v agregatno-sborochnoe proizvodstvo // Materialih «Migovskikh chteniy», posvyatennikh zhizni i sudbe znamenitogo istrebitelya MiG-25 (v chesti 70-letiya zavoda i 35-letiya pervogo poleta MiG-25) 22-23 yanvarya 2002 g. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ «Sokol», 2002.
5. Korolev, P.M. Na ostrie tekhnicheskogo progressa // Agafonov Yu.I. Zhiznj, otdannaya MiGam. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ «Sokol», 2006.
6. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Centralniy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti. F. 2066. Op. 13. D. 328.
7. Pazihnich, S.S. 47 OGRAP. Deystviya v interesakh glavnikh shtabov / S. Pazihnich, S. Cvetkov // Mir aviacii. – 2001. – № 3.
8. Yusupov, Eh.D. God 1970 – trudniy, no pobedniy // Rabochaya zhiznj. Gazeta trudovogo kolektiva OAO «Nizhegorodskiy aviastroitelniy zavod «Sokol». – 2008. – 28 aprelya.
9. Podshivalov, A. O tom, chto khranit pamyat' // Evgeniy Ivanovich Mindrov. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vospominaniya o Glavnom konstruktore Gor'kovskogo aviacionnogo zavoda. – N. Novgorod, 2010.
10. Karpenko, V.F. Ot karety do raket: Ocherki istorii Nizhegorodskogo otkritogo akcionernogo obshchestva «Gidromash» (1805-2005) / V.F. Karpenko, L.E. Kozlova, G.L. Nelidov, V.A. Kharlamov; pod red. V.I. Luzyanina. – N. Novgorod, 2005.
11. Pomolov, V.M. Proizvodstvenniy potencial zavoda i organizatsiya raboty kolektiva v 1970-1990 gg. // Materialih «Migovskikh chteniy», posvyatennikh zhizni i sudbe znamenitogo istrebitelya MiG-25 (v chesti 70-letiya zavoda i 35-letiya pervogo poleta MiG-25) 22-23 yanvarya 2002 g. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ «Sokol», 2002.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 942

Sorokina T.B. **EDWARD HERBERT'S IDEAL OF POLITICAL SYSTEM.** In work characterizes political views of E. Herbert – English philosopher, politic, statesman of first half of XVII century. Herbert in the three political poems explores the general conflict between what was and what should be in the political system, English conception of the ideal commonwealth, the roles of evil in government and the qualities of the ideal monarch.

Key words: state, monarchy, Herbert, politics, ill, poems.

Т.Б. Сорокина, канд. ист. наук, доц. каф. всемирной истории ГОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара», E-mail: sorok-tat@yandex.ru

ИДЕАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ЭДВАРДА ГЕРБЕРТА

В работе характеризуются политические взгляды Э. Герберта – английского философа, политика и общественного деятеля первой половины XVII в. Герберт в трёх политических поэмах изучает главное противоречие между тем, что было и тем, что должно быть в политическом устройстве, английскую концепцию идеального государства, действия зла в государственном аппарате и качества идеального монарха.

Ключевые слова: государство, монархия, Герберт, политика, зло, поэмы.

За длительную историю политической практики люди могли сравнить различные формы правления и государственного устройства, методы осуществления власти, взаимоотношения власти и общества. Однако такое сравнение не дало окончательного ответа на вопрос о наиболее эффективной форме социального и политического устройства. Для современной России является крайне важным и актуальным соотнесение себя с феноменом демократии. При этом демократические перспективы развития российского общества подвергаются широкой публицистической и научной критике. Таким образом, вопрос о поисках оптимальных форм организации общества и государства по-прежнему остаётся в числе наиболее важных и неотложных. В истории политических учений видное место занимают теории английских философов XVII в., многие из которых занимались поиском наилучшей формы государственного устройства. Политико-правовые идеи того времени остаются актуальными и в наши дни, поскольку содержат в себе потенциальный заряд для развития новых воззрений на российское общество и государство, на политические институты XXI века.

Эдвард Герберт, лорд Чербери (1583-1648), – первый английский деист, о философских трудах которого восторженно отзывались самые прославленные мыслители Европы [1], оставил потомкам богатое и разнообразное творческое наследие. Универсальность таланта Э. Герберта удивляла и современников и потомков. Неслучайно его называли последним представителем Возрождения. Бесспорно, самую большую известность Герберту принесли его философские труды, признанные и высоко оцененные ещё при жизни автора¹¹. Помимо философских работ широкую известность получили

его литературные произведения¹²: имя Эдварда Герберта занимает почётное место среди поэтов-«метафизиков» XVII в. Вместе с тем Герберт написал целый ряд исторических произведений¹³.

Герберт был заметным политическим и общественным деятелем не только в масштабах своей страны, но и всей Европы. Значительную часть своей жизни он посвятил государственной службе. Начиная с восемнадцати лет, когда Герберт с семьёй переехал в Лондон, он активно приобретал полезные связи и знакомства при дворе королевы Елизаветы. С 1604 г. Герберт участвовал в работе первого парламента Якова I, в 1605 г. стал шерифом в уэльском графстве Монтгомери. Кульминацией в политической карьере Герберта явилось назначение его послом во Францию. Герберт был очень популярным человеком при французском королевском дворе во многом благодаря выдающимся дипломатическим способностям и экстравагантности поведения. Всё это время Герберт много путешествовал по Европе, участвовал в различных военных кампаниях, лично общался с королевскими особами и видными государственными деятелями [2]. На страницах автобиографии Герберт подробно описывает этапы своей политической карьеры. Собственное жизнеописание автор дошёл до событий 1624 г. и закончил по непонятным причинам. Без сомнений, активный и наблюдательный ум Герберта мог бы подарить историкам много важных деталей, особенно в период долгой и событийной борьбы между королём и парламентом. Была у Герберта идея написать историю своего пребывания при французском королевском дворе [2, с. 308], но это

¹² The Poems English and Latin of Edward Lord Herbert of Cherbury, ed. by C.C. Moore Smith. Oxford, 1923.

¹³ Expeditio Buckinghami Ducis in Ream Insulam. L.1656. The Live and Reign of King Henry the Eighth. L.1649, 1672, 1682. The Life of Edward, First Lord Cherbury, Written by Himself, and continued to his death. With letters. L. 1826.

¹¹ De Veritate, De caysis errorum, De religione laici, De religione gentiliu, A Dialogue between a Tudor and a Pupil.

намерение, к сожалению, не исполнилось. Но сохранились письма, которые были написаны Гербертом в этот период жизни. Они являются образцом пронзительности, таланта и политической бдительности автора. Особый интерес представляют собой послания, адресованные королю Якову I [2, с.308]. Богатый практический опыт политика, несомненно, способствовал формированию собственного понимания и видения путей развития государства и общества. Трудно предположить, что Герберт не использовал в своём творчестве знания и наблюдения, накопленные за время многолетней государственной службы.

В наиболее концентрированном виде политические идеи Герберта нашли своё отражение в трёх поэмах, написанных им в разное время, – «Государство – прогресс Зла», «Элегия для принца», «Эпитафия королю Якову I». В них Эдвард Герберт пытался решить многочисленные интеллектуальные, нравственные и даже эмоциональные проблемы, порождённые существующими противоречиями между концепцией идеального государства Герберта и современным ему состоянием английского политического правления. Исследователи творчества Герберта расходятся в оценках этих произведений. Некоторые из них вообще отрицают политическую природу названных поэм [3]. Причина в том, что написаны они в характерном для Герберта метафизическом стиле. Увлечение абстракциями в поэзии принесло Герберту заслуженную репутацию изящного и таинственного сочинителя. Однако излишняя замысловатость и неопределённость послужили причиной того, что политические идеи Герберта долгое время вообще игнорировались, так как читатели просто не замечали их за паутиной острот и афоризмов. Вместе с тем стоит отметить, что произведения поэтов школы «метафизиков» в большинстве своём были элитарными, так как адресовались они немногим искушённым читателям определённого круга, которым предстояло не только оценить остроумные парадоксы, но и проверить собственную эрудицию. Подобная стилистика в поэтической практике XVII в. имела определённую пользу. Активно применяя метафоры и персонификации, Герберт сумел превратить сложные абстрактные понятия (монархия, тирания, свобода) в живые конкретные образы на сцене истории. Поэма «Государство-прогресс Зла» была написана Гербертом в 1608 г. в ходе полемической переписки с известным английским поэтом Джоном Донном [4, с. 4]. В то время Герберту было всего 26 лет. Сатирический характер поэмы определило осознание молодым человеком той пропасти, которая пролегла между его политическими идеалами и реальностью. Название и основная тема поэмы поднимают вопрос о политической лояльности автора. Однако критические оценки в поэме не касаются личности монарха, они связаны с общими процессами в управлении государством.

Всю свою жизнь Эдвард Герберт был убеждённым монархистом. Даже в самые острые периоды английской истории XVII в. он оставался верным своим взглядам и присяге. Сохранилось свидетельство о том, что в 1642 г, когда в парламенте обсуждалась петиция об изменниках государства, к которым причислялись все те, кто встанет на сторону короля в войне против парламента, Герберт заявил: «Я бы согласился с этой петицией, если бы был уверен, что у короля не будет причин начать войну с парламентом» [3]. Очевидно, что в развернувшейся борьбе Герберт стоял на стороне монархии. Вместе с тем Герберт находит множество вредных и дурных проявлений деятельности государства. Основная тема поэмы – природа этого Зла, его источники и направления развития. «Источник Зла, – писал Герберт, – как источник Нила, спрятан, но природа его проявляется в разных божественных началах» [5].

Герберт задаётся вопросом об изначальной целесообразности Зла. Возможно, предполагает он, Зло служит неведомой нам цели в достижении будущего божественного устройства. Зло у Герберта – абсолютный правитель со всеми атрибутами

власти. В его карательных и управляющих силах присутствует божественная природа, но реализуются эти силы не по божественной воле, а благодаря человеческой глупости и несостоятельности. В этом отмечается проявление деизма Герберта. Зло действует в государстве как тиран, осуществляющий месть. Но государства, по мнению Герберта, должны осуществлять не только месть, но и милосердие. Герберт использует язык торговцев и юристов, описывая милосердие как склад или сокровищницу для «обанкротившихся» («Bankrupt») душ. Милосердие является первым основанием в отношении к истощённым грехами душам. Таким образом, Герберт утверждает, что для гармоничного правления необходима определённая система сдержек и противовесов, построенная на балансе наказаний и милостей. С одной стороны, в государстве неизбежно развивается зло, но с другой стороны, без государства общество не сможет полноценно развиваться. Это парадоксальное утверждение Герберта вполне укладывалось в рамки политической философии XVII века. В своей сатире Герберт разделяет так называемое «большое зло» (III) и «меньшее зло» (mischief and sin). Вред и грех имеют своих носителей – тайных агентов Зла. Это некий интеллигент или шпион – хорошо известная фигура в политических интригах Англии времён правления Якова I. Слово «intelligence» намекало на некий собирательный стереотипный образ современников поэта.

Герберт использует много метафор и аллегорий при описании дел Вреда и Греха. Страх и Стыд маскируют Вред под благо, а Грех под удовольствие, но всё это нельзя утаить от Бога и искупить смертью [5]. Зло в человеке проявляется как Грех стремления к удовольствию, а в государстве Зло – это Вред, который прикрывается «деянием Бога» и держит под контролем людей. Для невежественных людей эта власть оправдывается доблестью завоевателя и правителя. Однако Герберт остаётся сторонником монархического правления. Монархия, по мнению Герберта, так же необходима для общества, как первородный грех для спасения человечества [5]. При всей своей чрезмерности монархическое правление должно существовать, в первую очередь, для самоподчинения и самоограничения граждан.

Во времена Герберта во французских интеллектуальных кругах было распространено мнение о том, что самые свободные и счастливые граждане – венецианцы. В своей поэме Герберт выводит формулу идеального гражданина-носителя «восторженного духа» (Exalted Spirit), существование которого не определяется конкретным местом, социальным и имущественным положением. Главное его отличие в том, что он обладает свободой духа. Но большинство людей далеко от идеала. Доказав свою неспособность свободно управлять собой и другими, человек становится объектом власти – Зло приходит в мир. Рождаясь свободными, люди сами отдаются в руки восьми правителей – семи смертных грехов и самого Зла [4, с. 5]. Издавна критики демократии ставили под сомнение способность простых людей управлять собой. Герберт обосновывает это положение с помощью своих поэтических образов. В заключении Герберт проводит аналогию между миром и Ноевым ковчегом [5], намекая на то, что в государстве многие контролируют большинство так же как Ной спасённых им животных. Таким образом, развитие государства неизбежно приводит к развитию дурных и вредных качеств, как в людях, так и в системе правления. В результате утрачиваются свобода и равенство, множатся человеческие грехи и амбиции и создаётся сложная иерархия власти [4, с. 5]. Но при этом государственный порядок служит для человека защитой и позволяет поддерживать жизнь членов общества, обеспечивать общий мир и оборону. Психология человека такова, что твердое руководство его поступкам дает лишь некоторый сверхчеловеческий авторитет. Отсюда неизбежна связь государственной власти с религией. И при демократическом, и при монархическом правлении человек сам отвечает за свои дея-

ния, а свобода по Герберту – категория внутреннего, а не внешнего порядка.

В своих поэмах Герберт развивает идею противопоставления монарха и обычного человека. Существует явное несоответствие между хорошим человеком и хорошим королём, которое объясняется разными критериями в оценках первого и второго. То, что принято считать положительным для рядового человека, не всегда одобряется в характеристике правителя. Так, например, Яков I отличался миролюбием, однако предпочтительней, по мнению Герберта, более активное и решительное правление, надежды на которое он связывает с Карлом I [6]. Отдавая последнюю дань Якову, Герберт пишет «Эпитафию королю Якову», которая – в большей степени является предостережением новому королю Карлу, чем оплакивает старого.

Надежды на сильного правителя, способного противостоять усилившейся контрреформации в Англии, во времена Якова I были поначалу связаны с его сыном – принцем уэльским Генрихом. Но этим надеждам не суждено было осуществиться, так как в 1612 г. принц умер. Присоединяя свой поэтический голос к общественному трауру, Герберт пишет «Элегию для принца» [7]. Необыкновенная популярность принца Генриха объяснялась, по мнению Герберта, особой любовью народа к нему. Именно в нём многие видели будущего идеального правителя, который смог бы объединить общество и власть. Герберт убеждён, что легендарный образ короля Артура так глубоко укоренился в сознании англичан, что людям трудно было расстаться с желанием видеть в монархе, в первую очередь, добродетельного и мудрого человека. Именно таким, по мнению многих, был принц Генрих. «Элегия» начинается с целой серии вопросов (что особенно характеризует данный литературный жанр), в которых Герберт пытается решить в свойственной ему манере сложные

философские проблемы. Принц был олицетворением общей любви людей, через эту действительную любовь осуществлялись многочисленные духовные связи, как же, вопрошает Герберт, такая любовь может быть уничтожена. Принц будет продолжать жить на земле в памяти людей через поколения. Такая общественная память, считает Герберт, работает на благо государства.

Таким образом, оставаясь убеждённым монархистом, лично преданным королям правящей династии Стюартов, Эдвард Герберт пытался критически осмыслить современное ему состояние политического правления в Англии и его перспективы. В соответствии с концепцией идеального государства Герберта правление должно осуществляться по образу и подобию божественной власти. Очевидное несоответствие между заветными идеалами и реальностью заставляло Герберта искать причины этого в истории возникновения и развития государства. В политических взглядах Герберта нет целостной законченной теории государства, да и форма подачи этих идей далека от научной. Но в сложных поэтических образах Герберта просматриваются вполне определённые взгляды и политические предпочтения. Монархическая власть воспринималась как естественное концентрированное выражение политической системы общества. Критика государства соединяется с обоснованием его необходимости. Божественный замысел устройства государства исказили сами люди, отказавшись от свободы и равенства, уступив своим слабостям и искушениям, допустив развитие вредных и дурных сторон власти. Особый поэтический стиль Герберта придавал его произведениям многозначительность и таинственность, что, впрочем, вполне соответствовало литературным нормам «метафизической» школы XVII в. Политические идеи Эдварда Герберта открыли возможность для возникновения более поздних теорий о природе государства.

Bibliography

1. Butler, J.A. Lord Herbert of Chirbury. An Intellectual Biography. Lewiston: Edwin Mellen Press. 1990.
2. The Life of Edward, First Lord Cherbury, Written by Himself, and continued to his death. With letters. L., 1826.
3. Mangum, A.B. The Unsteady Crown: The State of the Monarchy in Edward Herbert's Poetry of Politics // <http://www.bartleby.com/217/0902.html>.
4. Shawcross, J.T. The Virtue and Discipline of Wrestling with God. Early Modern Literary Studies Special Issue 7 (May, 2001):3.1-29. // URL:<http://purl.oclc.org/emsl/si-07/shawcross.htm>.
5. Herbert, E. The State-progress of Ill // <http://www.luminarium.org/sevenlit/chirbury/stateprogress.htm>
6. Herbert, E. Epitaph of King James // <http://www.sonnets.org/Herbert.htm>.
7. Elegy for Prince // <http://www.sonnets.org/Herbert.htm>.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 940.20

Tretyakova M.V. POLITICAL SYSTEMS OF EUROPEAN STATES IN TRAVELING NOTES OF THE STOLNIK P.A. TOLSTOY. The article deals of perception with by stolnik P.A. Tolstoy of a state system of the European countries which he visited during the voyage across the Western Europe per 1697–1699.

Key words: Western Europe, Russian traveler, political system of the states Western Europe, stolnik P.A. Tolstoy, travel notes.

М.В. Третьякова, канд. ист. наук, доц. каф. всемирной истории АГПИ им. А.П. Гайдара, г. Арзамас,
E-mail: kafvsem@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ СТОЛЬНИКА П.А. ТОЛСТОГО

В статье рассматриваются особенности восприятия стольником П.А. Толстым государственного устройства европейских стран, которые он посетил во время своего вояжа по Западной Европе в 1697–1699 гг.

Ключевые слова: Западная Европа, русский путешественник, политические системы государств Западной Европы, стольник П.А. Толстой, путевые заметки.

Сочинение П. А. Толстого (1645–1729) «Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699» [1] давно вошло в научный обиход отечественной историографии [2; 3; 4]. Исследователей привлекала как сама судьба этого полити-

ческого деятеля петровской эпохи, которая во многом является отражением «бунташного» XVII в. и не менее беспокойного XVIII в., так и его труд, который стал объектом исследования уже в XIX в. [5; 6; 7; 8].

В 1697 г. П. А. Толстой вместе с другими представителями русской аристократии¹⁴ по приказу Петра I был отправлен в Европу для того, чтобы изучить морское дело. В вояж стольник отправился в феврале 1697 г. и вернулся на родину в январе 1699 г. Целью его путешествия была Италия, а точнее Венеция, где он должен был освоить навигационное дело. Во время своего заграничного путешествия стольник побывал в Польше (Речи Посполитой), в Священной Римской империи, в землях испанской короны (в Милане, в Неаполе), итальянских государствах (в Венеции, в Риме, во Флоренции), в Истрии, в Далмации, в Дубровнике, на Мальте.

Путевые заметки П. А. Толстого, с точки зрения многих исследователей, несколько напоминают статейные списки русских послов и представляют собой полуофициальный отчет о поездке [3, с. 284]. В статейных списках исполнителей дипломатических поручений, естественно, в первую очередь, речь шла о выполненной ими дипломатической миссии, но в то же время могли содержаться личные наблюдения дипломатов о западноевропейской действительности [4, с. 320]. Причем, именно те сведения, которые были бы полезны русскому государству с точки зрения геополитики и имели бы познавательно-ознакомительную ценность в культурном плане, поэтому во многих статейных списках можно найти небольшие сообщения о политике, экономике, культуре и повседневной жизни Западной Европы.

В своем же путевом дневнике стольник П. А. Толстой в большей степени сообщает именно о разных сторонах жизни западноевропейского мира – архитектурных особенностях того или иного города, модах, национальных обычаях, христианских святынях, климатических особенностях, продуктах питания, ценах, сельскохозяйственных культурах, которые выращаются в той или иной стране, курортах.

Среди заметок стольника есть сообщения и о политических системах европейских стран, где побывал русский дипломат. Как указывает М. А. Алпатов «русские дипломаты XVII в. оценивали посещаемые ими страны с позиций русского монархического государства. Всякие отклонения от монархического строя рассматривались как отклонения от нормы, вызывали недоумение, а то и осуждение» [4, с. 332-333]. Чаше всего осуждение в этом плане у русских дипломатов вызывало политическое устройство Польского государства. Во многом неким итогом подобного негативного восприятия устоев поляков, по мысли исследователей [4, с. 334], стали путевые заметки стольника П. А. Толстого, оставившего в своем дневнике нелицеприятное суждение о выборной шляхетской республике. В Польше П. А. Толстой находился с 24 марта по 12 мая 1697 г. В это время в польском государстве готовились к проведению выборов нового короля. Он пишет, что ему с большим трудом удалось найти постоянный двор для останова в Варшаве из-за того, что «... понеже приезд мой в Аршаву прилучился под час или во время самая алекции, которая алекция в то время у поляков была для обирания короля полскаго...» [1, с. 23].

Отдав дань памяти покойному королю Яну Собескому, посетив Вилианувский дворец, где умер польский король, стольник указывает, что короля должны были похоронить в Кракове (в Вавельском замке). Стольник, описывая место, где проходят сеймы, заметил, что «...между ...королевских полат есть одна полата великая, которую поляки называют изба сенаторская, в той полате бывает у поляков сейм, у которой полаты окна великие, окончины были стеколчетые, все повыломаны и окна разбиты от нестройного совету и от несогласия во всяких делех пьняных поляков...» [1, с. 24]. Далее стольник обратил внимание еще на одну деталь, которая была присуща

ритуалу избрания нового короля, заключавшуюся в том, что родственники умершего короля должны были покинуть Варшаву: «В бытность мою в Аршаве умершего короля полскаго Яна Сабескаго жены и детей в Аршаве не было, выехали в Прусы для того, что есть обыкновение у поляков такое: когда король полской умрет и учинят поляки алекцию для обирания нового короля, в то время умершего короля полскаго жену и детей и сродников из Варшавы высылают вон» [1, с. 24-25]. П. А. Толстой пишет, что во время проведения элекционных процедур часто случаются эксцессы, и чтобы избежать подобных неурядиц польские власти предпринимают особые меры: «...для алекции чрез реку Вислу зделан был мост на судах, и по тому мосту стоял караул, для того что во время алекции между поляков бывают многие ссоры и бой, а также и у литвы между собою, и у поляков с литвою бывают многие драки и смертное убийство; а болши на мосту дерутца за ссоры и за пьянство; и всегда у них между собою мало бывает согласия, в чем они много государства своего растеряли. Однако ж, когда напьются пьяны, не тужат о том и не скорбят, хотя б и все згибли» [1, с. 25].

П. А. Толстой специально отправился посмотреть место, предназначенное для проведения сейма. Приведем пространную цитату, которая демонстрирует почти неприкрытое неуважение стольника к шляхте: «...От Варшавы с полверсты на поле зделан вал немалой и кругом выкопан ров. В тот вал зделаны четыре вьезда, тут съезжаются послы ис поветов и начальные люди от хоронгвей, а посольство все бывает за валом. В округе того вала к одной стороне зделан великий сарай дощаной, ...подобно тому как делаются **покон скотские** (выделено мной – М. Т.). Воистину и поляки делом своим во всем подобятца **скотине, понеже не могут никакого государственного дела зделать без бою и без драки** (выделено мной – М. Т.), и для того о всяких делех выезжают думать в поле, чтоб им пространно было без размышления побиваться и гинуть. В том вышеписанном сарае много поделано лавок, на которых заседают сенаторы. В первом месте садитца примаз, то есть архиепискуп гнезненский, и от него бискупы по местам, воеводы и протчие сенаторы, а против лица примазова садитца маршалок великой королевской с ляскою, которой задает голоса чинно, **доколе не все пьяны**» (выделено мной – М. Т.) [1, с. 28; 4, с. 334].

В своих описаниях политического строя европейских государств стольник в основном лоялен, не рассуждая о том, чем плоха или хороша та или иная политическая система, и не делая никаких выводов по этому поводу. Единственная страна, которая вызвала столь резкое его осуждение – это Польша. Во многом такая позиция, скорее всего, объясняется традиционным тезисом, высказанным исследователями, что чем ближе к Русскому государству находится страна, тем большую опасность для России она представляет [9, с. 166]. Кроме того, естественно, что стольник, будучи государственным деятелем, прекрасно был осведомлен о взаимоотношениях между Московским государством и Речью Посполитой.

Следующей страной, через которую пролегал путь стольника в Италию, была Священная Римская империя. Следует заметить, что как такового описания государственного устройства империи в заметках нет. Думаем, что это объясняется тем, что монархическое устройство было хорошо известно стольнику, поэтому в своем дневнике он больше рассматривает участие императорского семейства в публичных мероприятиях, как светского, так и религиозного характера, детально останавливаясь на родственных отношениях членов императорской фамилии.

Далее в своих путевых заметках П. А. Толстой сообщает об олигархической демократии Венецианской республики [10]. В Венеции стольник пробыл (с перерывами) с 15 июня 1697 г. до 28 октября 1698 г. Касаемо венецианского государственного устройства, он пишет, что во главе венецианской республики стоит правитель («венецкий князь»), которого

¹⁴ Было две группы русских аристократов, которые отправились по воле Петра I изучать науки за границу: одна – была отправлена в Голландию, вторая, более многочисленная – в Италию. В последней группе был и стольник П. А. Толстой.

«...венецианцы называют свой язык принцем» [1, с. 52]. В это время дожем Венеции был Сильвестро Вальер (1694–1700). С одной стороны, стольник указал, что главой Венеции является дож, которому подчиняются другие магистраты, например, прокураторы: «прокураторы у венециан – первые люди под принципом, то есть по князе», и что именно из прокураторов выбирается дож: «и когда умрет князь венецкой, и тогда из тех прокураторов в князи избирают старого летами» [1, с. 64]. Причем, стольник заметил и принцип геронтократии («избирают старого летами»), который был характерен для венецианской олигархической демократии. С другой стороны, стольник отметил и то, что в случае обвинения дожа в попытках изменения государственного устройства Республики, его могли казнить: «На ...площади блиско ворот княжеского двора поставлены каменные два столпа невысокие, на которых столпах казнят самих пренцеров венецких, ...которой, ...учнет чинить противно их древнему во всем положению» [1, с. 64]. Стольник перечислил некоторые Советы венецианского государства, причем в большей степени он остановился не столько на функциях этих советов, сколько на тех помещениях Дворца дожей, где размещались эти советы. Так, он пишет, что во Дворце дожей он побывал в Зале Сената («...в полате, в которой отправляют всяких послов.... Та полата великая, подволока в ней вся резная, золоченая, деревянная, и между резбами много изрядных живописных писем. У передней стены на середине поставлено княжеское место, и от того места по обе стороны лавки сделаны, на которых садятца прокураторы»), в зале Коллегии («...был в другой полате, где бывает у венетов тайная дума; толко в ней бывает в совете с князем венецким 24 человека прокураторей; ... И в той помянутой полате уборов никаких нет, одно княжеское место поставлено, обито красным отласом»), в Совете Десяти («...был в судебной полате, где и суд их видел») [1, с. 64]. В своем дневнике он подчеркнул еще одну особенность венецианского государства: он обратил внимание, что члены Совета Десяти решения принимали быстро, без проволочек. Стольник стал свидетелем подобного вынесения вердикта. Он пишет, что он видел, как проходила данная процедура: перед главами Совета Десяти предстали ответчик и истец, которые изложили свои претензии друг другу. Выслушав обе стороны, судьи пришли к некоторому решению, которое сразу же и было записано и оглашено: «...судьи ...подьячему ...приказывают писать декрет, то есть вершение делу и указ ... и того дня тот суд и вершился» [1, с. 64].

Как видим, больше стольника интересовало то, как осуществляется решение дел в Венеции. Он пишет: «А для управления всяких дел и все приказные полаты построены на ...княжеском дворе. И до самого князя венецкаго всякому человеку, имеющему нужду, достигнуть свободно таким обыновением: князь венецкой имеет обычай сидеть для управления всяких дел в свободные дни, кроме праздников, в полате с прокураторами...» [1, с. 65]. Прием просителей («челобитчиков») осуществлялся таким образом: секретарь собирал все жалобы просителей, составлял список желающих попасть на аудиенцию к дожу, и по списку приглашал на прием. Стольника, видимо, больше всего удивило то, что дож выслушивал прошения всех желающих попасть к нему на прием в этот день: «...И как челобитчик в тое полату перед князя придет и помянутый секретарь того челобитчика челобитную прочтет перед князем, и, учиня по той челобитной указ, ис полаты того челобитчика отпустит. Потом кликнут другога, и как того дня всех челобитчиков отправят: а, не отправя челобитчиков, князь и прокураторы из тое полаты не выйдут, сколько б челобитчиков на который день ни было» [1, с. 65]. Возможно, он вспомнил медлительность и волокиту русского делопроизводства, решив, что этими сведениями он побудит русское чиновничество к более эффективным действиям.

Следующее государство, чье политическое устройство освещает стольник – Рагузская (Дубровницкая) республика,

где он находился с 1 по 11 июня 1697 г. Политическое устройство олигархической патрицианской Дубровницкой (Рагузской) республики повторяло структуру Венецианского государства. Во главе республики стоял князь (ректор), избирался сенатом на 1 месяц, и существовала система советов – Малое вече, Большое вече, совет назначенных (сенат). Стольник пишет, что в Дубровнике он был на аудиенции у правителя республики «принца, то есть князя рагузского» [1, с. 114]. Так он именует ректора – главу Дубровницкой республики, избравшегося первоначально на 3 года, позднее на 1 год и менее, даже на месяц [1, с. 339]. Стольник сообщает, что «...принцпы, то есть князи, бывают у них помесешно, на всякий месяц выбирают нового князя из сенаторей; а всякие дела делают общию республикою» [1, с. 115]. Здесь стольник также больше обращает внимание на убранство Дворца ректора, нежели на его полномочия. Но тем не менее, он указывает, что он был «...в полате, где у рагузского князя и у всей их республики чинят суд и всякое управление. Та полата невелика, однако ж убрана нарочито, и есть та полата внизу по княжеских полатах», «в полате, в которой рагузяне избирают себе князей» [1, с. 114], и в «... полатах, в которых живет князь рагузский», где собственно и состоялась аудиенция, отметив, что во время беседы с «князем рагузским» сенаторы не входили в помещение: «...у рагузян есть такое обыновение: где князь их сидит с приезжими к нему иноземцы, в тое полату сенаторы к нему входить не повинны» [1, с. 115]. Заканчивая свое описание Дубровника, стольник указал, что «войны никогда рагузяне ни с кем не имеют, дают дары цесарю римскому, и королю гишпанскому, и князю венецкому, и салтану турецкому» [1, с. 115].

В своем путевом дневнике стольник также остановился на строе Неаполитанского королевства. В Неаполе стольник был с 21 июня по 8 июля 1697 г., откуда отправился на Мальту. П. А. Толстой пишет, что Неаполь – это владения испанского короля: «город Неаполь под властью короля гишпанского» [1, с. 144]. Неаполь управляется вице-королем: «... В Неаполе живет вицереи, то есть подвластной король под державою гишпанского короля» [1, с. 144]. Вице-короли назначаются испанским правительством на 6 лет. Правда, срок нахождения в Неаполе для вице-короля может быть продлен, если он, как пишет стольник: «...а которой вицереи будет неаполитанским жителем потребен, тот бывает в Неаполе вицереем и болши 6 лет по прошению неаполитанцев; а которой вицереи неаполитанским жителем будет непотребен, однако менши 6 лет в Неаполе не бывает» [1, с. 145]. Стольник пишет, что должность вице-короля в Неаполе занимают представители высших слоев социальной элиты Испании: «...посылаются в Неаполь вицереями самые честные люди высоких пород» [1, с. 145]; и что прежде чем занять эту магистратуру испанские гранды должны были побывать в должности командующего флотом и посла испанского короля у римского папы: «...кто хочет быть вицереом, тот повинен прежде быть в гармаде генералом, потом послом у папы в Риме (и жить у папы в Риме 2 года бес подмоги, на своем коште)» [1, с. 145], потом будет вицереем...» [1, с. 147]. Трудности получения должности вице-короля Неаполя, с точки зрения стольника, компенсировались тем, что «тому неаполскому вицерею от неаполитанцев великая почесть, имеют ево за короля и во всем ему послушны, а доходов всяких приходит ему в год 300 000 шкудов», и тем, что вице-король имеет право назначать «кво похочет» губернатором в города Неаполитанского королевства – «Бар, и Барлет, и Мамфредон, и иные» [1, с. 145].

Стольник в Неаполе посетил трибунал, «...где приказы Неаполитанского королевства» [1, с. 144]. Сие присутствие напомнило стольнику московскую действительность: «В тех приказах безмерно многолюдно всегда бывает и теснота непомерная, подобно тому как в московских приказах; а столы судейские и подьяческие сделаны власно так, как в московских приказах; и сторожи у дверей стоят всякого приказу, подобно мос-

ковским» [1, с. 144]. Но на этом сравнение и закончилось, потому что во время судебного заседания «...говорят чинно, с великою учтивостию, а не с криком»; но слова их также записываются, как и в Москве: «и подъячий слова их записывает подобно тому, как и в Москве» [1, с. 134].

Более подробно стольник остановился на устройстве Мальтийской республики, где он находился с 16 июля по 26 июля 1697 г. В это время гранд-магистром ордена был Раймунд де Рокафуль (гранд-магистр в 1697–1720 гг.). Напомним, что именно в его магистерство установились связи Мальты с русским государством. Россия видела в мальтийских рыцарях потенциальных союзников в борьбе с турками. П.А. Толстой пишет, что мальтийские рыцари («кавалеры») «все приезжие из разных государств: из Германии, и из Гишпании, и из Франции, и из Полши, и из Италии, и из иных мест – все суть католики» [1, с. 170]. Чтобы стать мальтийским рыцарем необходимо было представить свидетельство того, что претендент – католик и дворянин в четвертом поколении, а также холост, и внести «... в мальтийскую казну сто двадцать пять дупий гишпанских, итого будет 250 червонных золотых» [1, с. 170]. Затем он должен «ехать по два года на мальтийских галерах в Левант, то есть на Восток, в Морею, против турок бится в помочь венецкой гармаде и по два года быть повинен на тех мальтийских галерах, которые остаются в Малте спасать циплийской дороги» [1, с. 170–171]. После того, как закончится его испытательный срок он получал «крест кавалерской за присягою трех притчин: первое – побожность, второе – послушание, третье – убожество, – и учинят его мальтийским кавалером» [1, с. 170]. С этого времени кавалерам выдается мальтийской казной «плата на пищу»: в которое время живет в Малте, по 80 шкудов на год; а будет которой кавалер взять той платы не похочет, и его кормят на всякий день с прочими кавалеры, которые не берут платы» [1, с. 171]. Стольник пишет, что на Мальте построены 7 домов, где «в одном едят немцы, в другом – гишпанцы, в третьем – италияне, в четвертом – французы, в пятом – поляки, в шестом – венгры, в седьмом – разных государств кавалеры» [1, с. 171; 11].

Стольник указывает на градацию рыцарей: «В Малте кавалеры суть разные: первое называются гранкруцы, то есть старые и честные люди, которые носят великие кресты, нашиты на верхних черных одеждах, белые, миткальные, ис тех выбираются в гранмайстеры; потом кавалеры, которые носят

кресты кавалерские, отправя две гармады; потом кавалеры, которым дают кресты побожности за каким прошением или по какой ни есть притчине знатной, честным особам, те кресты волны они носить при себе и в гербы свои ставить, где изволят; потом дают кресты грации, то есть милости, всяким людям, кому похочет дать мальтийский гранмайстер, и те кресты которым людям будут даны, те люди также волны их при себе носить, как хотят»¹⁵ [1, с. 172; 11].

Далее П. А. Толстой пишет, что в принципе мальтийские рыцари могут жить где угодно, не обязательно на Мальте, но если возникнет угроза военного нападения на остров, тогда «... от гранмайстера мальтийского посланы будут листы к мальтийским кавалерам, чтоб немедленно все съезжались в Мالت, тогда всякой мальтийской кавалер повинен, всякую свою нужду покинув, ехать до Мالتу: хотя б неприятель был при его отчизне, и тем он от мальтийской поездки удержан быть не может» [1, с. 172].

Несомненно, можно вполне согласиться с мнением исследователей, что «для Толстого характерен устойчивый интерес к современному периоду политической истории Европы», что он «...познакомил русского читателя с разными формами государственного правления в Европе: выборной системой польской монархии, наследственным монархическим правлением Священной Римской империи, независимой Венецианской республикой и находящейся в вассальной зависимости от Турции Рагузской республикой, Мальтийским «рыцарским» островом-государством...» [3, с. 275]. Как видим, несмотря на то, что, судя по его взглядам, П.А. Толстой был монархистом, тем не менее, он обращает внимание на разные политические системы современной ему Европы, не выделяя какую-либо из них как наиболее предпочтительную. Это можно объяснить и форматом сочинения, и возможно и тем, что такой задачи стольник перед собой и не ставил. Хотя отметим, что многое в политическом строе европейских государств он сравнивает с русским политическим устройством.

¹⁵ Структура ордена представляла собой следующее: члены ордена делились на три класса: к первому принадлежали только рыцари. Руководящий состав избирался только из их числа. Ко второму классу принадлежали орденские священники, к третьему классу обслуживающий персонал. Последний класс обетов монашества не давал.

Библиографический список

1. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. – М., 1992.
2. Лихачев, Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. – М.; Л., 1954.
3. Ольшевская, Л.А. «Умнейшая голова в России...» / Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников // Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. – М., 1992.
4. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. – М., 1973.
5. Попов, Н.А. Граф Петр Андреевич Толстой // Древняя и Новая Россия. – 1875. – № 3.
6. Попов, Н.А. Из жизни П. А. Толстого // Русский вестник. – 1860. – № 11.
7. Попов, Н.А. Путешествие в Италию и на о-в Мальту стольника П. А. Толстого в 1697 и 1698 гг. // Атеней, 1859.
8. Пыпин, А.Н. Путешествия за границу времен Петра Великого // Вестник Европы. – 1897. – № 9.
9. Похлебкин, В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах // Справочник. Ведомства внешней политики и их руководители. – М. – 1992. – Вып. 1.
10. Фененко, А.В. Концепции и определения демократии. – М., 2006.
11. Андреев, А. История Мальтийского ордена. XI–XX века / А. Андреев, В. Захаров, И. Настенко. – М., 1999.

Bibliography

1. Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo po Evrope 1697–1699. – M., 1992.
2. Likhachev, D.S. Povesti russkikh poslov kak pamyatniki literatury // Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. Stateyniye spiski. – M.; L., 1954.
3. Ol'shevskaya, L.A. «Umneyshaya golova v Rossii...» / L.A. Ol'shevskaya, S.N. Travnikov // Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo po Evrope 1697–1699. – M., 1992.
4. Alpatov, M.A. Russkaya istoricheskaya mihsly i Zapadnaya Evropa XII–XVII vv. – M., 1973.
5. Popov, N.A. Graf Petr Andreevich Tolstoy // Drevnyaya i Novaya Rossiya. – 1875. – № 3.
6. Popov, N.A. Iz zhizni P. A. Tolstogo // Russkiy vestnik. – 1860. – № 11.
7. Popov, N.A. Puteshestvie v Italiyu i na o-v Mal'tu stol'nika P. A. Tolstogo v 1697 i 1698 gg. // Atenej, 1859.
8. Phipin, A.N. Puteshestviya za granicu vremen Petra Velikogo // Vestnik Evropi. – 1897. – № 9.
9. Pokhlebin, V.V. Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh // Spravochnik. Vedomstva vneshney politiki i ikh rukovoditeli. – M. – 1992. – Vihp. 1.
10. Fenenko, A.V. Konceptii i opredeleniya demokratii. – M., 2006.
11. Andreev, A. Istoriya Mal'tij'skogo ordena. XI–XX veka / A. Andreev, V. Zakharov, I. Nastenko. – M., 1999.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 940.20

Schcelokova N.V. IDEOLOGICAL BACKGROUNDS OF THE ENGLISH REVOLUTION: JOHN WYCLIF'S DOCTRINE OF POWER. The article deals with John Wyclif's doctrine of power, which greatly influenced anticlerical trends and Puritans' views before the revolution.

Key words: England, John Wyclif, political trends of the English revolution, Lollards.

Н.В. Щелокова, канд. ист. наук, доц. каф. всемирной истории АГПИ им. А.П. Гайдара, г. Арзамас,
E-mail: kafvsem@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: УЧЕНИЕ ДЖОНА ВИКЛИФА О ВЛАСТИ

В статье рассматривается учение Джона Виклифа о власти, которое оказало большое влияние на развитие антиклерикальных течений, а также на воззрения пуритан накануне революции.

Ключевые слова: Англия, Джон Виклиф, политические течения английской революции, лолларды.

Буржуазное государство и право Англии образовалось в ходе революций XVII в. – «Великого мятежа» (1642-1660 г.) и «Славной революции» (1688 г.).

Перед революцией и в ходе ее определились политические течения с явно выраженной религиозной тенденцией, в частности, идеологическую оболочку движения составили лозунги реформы господствующей церкви и восстановления «старинных обычаев и вольностей», характерные для социальных движений средневековья. В 1640-х годах, когда цензура была отменена и церковные суды прекратили функционировать, появилось большое количество радикальных идей. Отсюда возникает вопрос, существовали ли данные идеи до 1640-х гг. Однако, прежде чем ответить на данный вопрос, стоит напомнить, насколько радикальными были некоторые идеи, возникшие в ходе революции.

Оппозиционные королю буржуазия и «новое дворянство» объединились под названием «пуритане» – протестантское движение, которое возникло еще в XVI в., требовавшее проведения Реформации английской церкви до конца, уничтожения епископата и замены его выборными пресвитерами (старейшинами), а также «дешевой церкви».

В ходе революции из лагеря пуритан выделились три самостоятельных политических течения. Пресвитериане – приверженцы кальвинистской церкви. Составляли правое крыло пуритан. Стремилась к установлению конституционной монархии с сильной властью короля. Они требовали очищения церкви от католицизма и преобразования ее по шотландскому образцу, утвердив во главе церковно-административных округов пресвитеров, объединявшихся в синоды. Индепенденты – последователи религиозно-церковного течения, представлявшего собой одно из ответвлений протестантизма. Добивались установления конституционной монархии, провозглашения неотъемлемых прав и свобод подданных (свободы совести и свободы слова). Выступали за независимость от администрации местных религиозных общин. Левеллеры – радикальная мелкобуржуазная группировка. Требовали равенства всех перед законом, коренной реформы суда и права, отмены монархии и сословных привилегий. Выступали за неприкосновенность частной собственности. Левеллеры защищали политическую демократию, республику с широко расширенными привилегиями, отменой Палаты лордов, выборами судей и судей, решительных правовых и экономических реформ. Диггеры – приверженцы крайне левого крыла левеллеров. Оформились в 1647-1649 г. Исповедовали идеологию примитивного коммунизма (всеобщая «уравниловка») и выражали интересы английской бедноты. По мнению К. Хилла, с мнением которого нельзя не согласиться, многие идеи восходят к лоллардам [1, с. 50].

Данная традиция восходит еще к Д. Фоксу, который, как мы знаем, часто преуменьшал радикализм лоллардов. Пред-

ставления семнадцатого столетия о том, что непрофессионалы также хороши, как и пасторы, что церковная иерархия нуждается в сломе – все эти идеи знакомы еще с Виклифа. И особенно большой интерес вызывает его учение о власти.

Как известно, к 70-м годам XIV века в Англии разразился острый социально-экономический и политический кризис, который проявился и в области идеологии. Развитие английского королевства определялось теперь не ростом власти короля, а ростом общественного самосознания, ответственности за судьбу королевства. Баланс интересов короны, магнатов и джентри дал «период принципиальных достижений в управлении» [2, с. 59]. Управление достигалось способностью английских королей организовать участие высших слоев общества в политической жизни. Однако о демократических тенденциях говорить еще не приходится. Это управление зависело теперь от согласованности целей и задач между монархом и подданными. Любая неудача в отношениях между ними приводила к политическому кризису, что особенно ярко проявилось в Англии во второй половине XIV века. В английском королевстве развернулось движение за реформу церкви. Одним из идеологов этого движения стал оксфордский профессор Джон Виклиф. Реформаторское учение Виклифа явилось ярким выражением идейной борьбы в английском обществе. Оно было направлено против господствовавших взглядов феодального католицизма на власть и папскую теократию.

Виклиф по своим политическим взглядам, как и большинство людей средневекового общества, был монархистом. Однако нельзя говорить о том, что проблема власти его не интересовала. В конце XIV века в Англии эта проблема приобрела несколько иное содержание. В обществе формируются новые представления о характере власти и роли монарха. Этой старой проблеме соотношения духовной и светской власти Виклиф посвятил несколько своих работ. Первый политический трактат «Рассуждение о власти» был написан им в 1374 г. Этим же вопросам он посвятил еще две больших работы – «О власти божьей» [3] и «О власти гражданской» [4]. Виклиф не почитал римских взглядов на отношения между церковью и государством, суть которых состояла в разделении богом власти на духовную и светскую и подчинении светской власти духовной, так как бог светскую власть передает её носителям только через посредничество духовной власти, главной на земле. Очевидно, у него была своя идея о государстве.

Главный вопрос, который занимал Виклифа в начале его реформаторского пути, был вопрос о том, должно ли государство подчиняться папству или же государство суверенно, независимо от папства и самостоятельно. По существу – это и был вопрос о власти.

Виклиф считал, что вселенская церковь возглавляется бог-ом и состоит из трех церквей: небесной церкви всех святых, церкви, объединяющей души, находящихся в чистилище и

церкви, на земле, которая объединяет всех живущих людей, и которая является «воинствующей церковью», так как постоянно сражается против уловок дьявола, стремящегося ввергнуть людей в смертный грех. Заклучив, таким образом, человеческое общество в рамки воинствующей земной церкви, Виклиф объяснял политические и социальные порядки в этом обществе следующим образом. Бог является верховным сюзереном всего мира и ему принадлежит право постоянно владеть всем существующим на земле. Но Бог в силу своей «милости» (grace) передает во временное держание за службу ему все, чем владеют люди, будь то короли и папы, епископы и приходские священники, господа и зависимые от них держатели, крестьяне, купцы и ремесленники. Эта служба состоит в «праведном поведении», которое определяется точным исполнением людьми «божьего закона», изложенного в Библии и обязательного для всех людей, какое бы они не занимали положение в обществе. Любой человек является держателем по милости божьей или «низшим должностным лицом Бога», его слугой. Из этого вытекает вывод, что каждый должен знать Библию, жить по ее заповедям и подражать Иисусу Христу, как своему господину и высшему идеалу [5, p. 310].

Но обязанности людей в обществе строго разделены божьим законом. Общество делится на три сословия: духовенство, светские лорды и простой народ. От всех сословий требуется, что бы они заботились об исполнении своих обязанностей по божьему закону и таким образом добивались «общественного блага» [6, p. 303]. Все сословия в обществе обязаны подчиняться королю, как викарию Бога. Сопротивление королю, даже тирану, запрещено божьим правом, как «тяжкий грех». Король должен быть мудрым; ему положены слуги, помогающие осуществлять его власть – духовенство, воины и чиновники [7, p. 340].

Духовенство – это «духовные воины» короля. Оно обязательно находится под юрисдикцией короля и не платит римскому папе никаких взносов, т.е. не вывозит деньги из Англии, которые часто поступают в руки врагов Англии [8, p. 198, 201]. Папа римский – лишь духовный глава церкви и никаких прав светской власти не имеет. На одной территории не может быть двух господ с равной властью. Папа должен быть в подчинении короля, считаться вассалом королевства. Король обязан содержать свое духовенство, которое должно существовать на десятину, которая есть простая милостыня, т.е. добровольные приношения мирян духовенству. Размеры этой милостины не должны превышать потребностей духовенства, необходимых для исполнения его духовных обязанностей, и таким образом, не давать возможности жить роскошно.

По мнению Виклифа, высшей властью обладает только Бог. Человеческая власть основана на божьей благодати. Бог, будучи сюзереном вселенной, разделил свое управление как лены людям в их различных общественных положениях с обязательством повиновения его воле.

Таким образом, Виклиф – последовательный приверженец светской супрематии над церковью. Поскольку власть и господство принадлежат богу, он передает их не одной личности, его наместнику на земле, как претендует папа, а всем. Король такой же истинный наместник бога, как и папа. Королевская власть столь же священна, как и власть церкви над духовными делами. «Король – это представитель Христа в его стране. Он обладает «главной властью» (Capitelem dominium) и должен бдительно следить, чтобы «главный закон власти» в точности соблюдался [9, p. 221]. «Король в том государстве, где царствует, имеет право поправлять грехи духовенства» [5, p. 297]. «Если папа – викарий Христа, то король – викарий бога». Светская власть не нуждается в посредничестве церкви, так как король получает свою власть прямо от бога и она не только не ниже, но даже выше папской власти, «ибо папа представляет человеческую сущность Христа, а король – божественную» [10, p. 19]. Светская власть более совершенна и поэтому церковь должна находиться под ее надзором [10, p. 13]. Доказав первенство светской власти над духовной, Виклиф в работе «О королевской службе» приступает к рассмотрению обязанностей короля и границ королевской власти. По его мнению, все живущие на английской земле, обязаны подчиняться королю и выполнять его законы. Если же духовенство бойкотирует королевскую власть, восстанавливая нацию против бога и короля, последний имеет право объявить духовенство вне закона.

Доктрина власти, изложенная Виклифом, находилась в полном соответствии с феодальной идеологией, но она разрушала учение о феодальной папской церкви, проводила идею секуляризации. Данные идеи привлекли особенное внимание всех слоев общества и были использованы последователями на протяжении нескольких столетий. Таким образом, мы видим несомненную связь между лоллардами, анабаптистами и левеллерами.

Библиографический список

- Hill, K. English Bible and revolution of the XVII century. – М., 1998.
- Золотов, В.И. В поисках новых смыслов: история английской короны XV века // Старая и новая Европа: государство, политика, идеология. – М. – 2007. – Вып. 3.
- Wyclif, J. De Dominio Divino. Ed. R.L. Poole. The Wyclif Society. – L., 1890.
- Wyclif, J. De Civili Dominio. The Wyclif Society / ed. R.L. Poole. – L., 1895 – V. I; ed. J. Lozerth, 1900-1904 – V. II, III, IV.
- Wyclif, J. Trialogus cum supplemento trialogi / ed. G.V. Lechler. – Ox., 1869. – IV.
- Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif cum Tritico / ed. by W.W. Shirley. – L., 1858.
- Chronicon Angliae, ab anno 1328 usque ad annum 1388, auctore monacho quodam Sancti Albani / ed. E.M. Thompson, 1874.
- Wycliffe, J. Select English Works / ed. Th. Arnold, 1869-1871. – Vol. I-III.
- The English Works of Wyclif hitherto unprinted / ed. F.D. Matthew. – L., 1902.
- Wyclif, J. Tractatus de Officio Regis / ed. by A.W. Pollard and C.S. Ayle. – L., 1887.

Bibliography

- Hill, K. English Bible and revolution of the XVII century. – М., 1998.
- Zolotov, V.I. V poiskakh novikh smyslov: istoriya angliyskoy koron XV veka // Staraya i novaya Evropa: gosudarstvo, politika, ideologiya. – М. – 2007. – Vihp. 3.
- Wyclif, J. De Dominio Divino. Ed. R.L. Poole. The Wyclif Society. – L., 1890.
- Wyclif, J. De Civili Dominio. The Wyclif Society / ed. R.L. Poole. – L., 1895 – V. I; ed. J. Lozerth, 1900-1904 – V. II, III, IV.
- Wyclif, J. Trialogus cum supplemento trialogi / ed. G.V. Lechler. – Ox., 1869. – IV.
- Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif cum Tritico / ed. by W.W. Shirley. – L., 1858.
- Chronicon Angliae, ab anno 1328 usque ad annum 1388, auctore monacho quodam Sancti Albani / ed. E.M. Thompson, 1874.
- Wycliffe, J. Select English Works / ed. Th. Arnold, 1869-1871. – Vol. I-III.
- The English Works of Wyclif hitherto unprinted / ed. F.D. Matthew. – L., 1902.
- Wyclif, J. Tractatus de Officio Regis / ed. by A.W. Pollard and C.S. Ayle. – L., 1887.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 902.7:39

Ahatov M. Sh. ON THE ISSUE OF PRESERVING AND DEVELOPMENT OF THE TATAR NATIONAL CULTURE IN THE CHELYABINSK REGION. The article considers the issues of development of the Tatar national culture in the Chelyabinsk region and studies the ways and forms of transmission of spiritual heritage, of learning the native language. Outstanding state and public organizations aim at distributing the Tatar national culture among the population of the region. Attention is focused on the activities of such institutions as the Congress of the Tatars of the Chelyabinsk region, the Tatar-Bashkir Library named after Babich, cultural establishments densely populated by the Volga-Urals Tatars of Chelyabinsk region.

Key words: language, national-cultural revival.

М.Ш. Ахатов, аспирант каф. Отечественной истории и МПИ Челябинского государственного педагогического университета, E-mail: ahatovms@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ТАТАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются вопросы развития татарской национальной культуры в Челябинской области и исследования путей и форм передачи духовного наследия при изучении родного языка. Деятельность государственных и общественных организаций направлена на распространение культуры татарского национального среди населения региона. Особое внимание уделено деятельности таких институтов, как Конгресс татар Челябинской области, татаро-башкирская библиотека им. Баби́ча, культурные учреждения компактного проживания Приволжско-Уральского татар Челябинской области.

Ключевые слова: язык, национально-культурное возрождение.

Татары (общенациональный этноним – татар) являются вторым по численности этносом в Российской Федерации. Общая численность татар, живущих в РФ – 5669,9 тыс. чел. (2002), а в мире – 7920,5 тыс. чел. (2000-е гг.). Основная территория расселения – Волго-Уральский регион, где проживают свыше 4559,9 тыс. татар, в т.ч. в Челябинской области численность татар около 240 тыс. чел., в г. Челябинске – около 60 тыс. [1].

Татары относятся к числу немногих народов Евразии, создавших самостоятельную, уникальную тюрко-мусульманскую цивилизацию, обладающую значительной исторической глубиной. Именно в этот период взамен локальных, этносословных, конфессиональных наименований закрепился единый этноним «татар», который уже в первых десятилетиях XX века стал общим национальным наименованием почти для 90% представителей татарской национальности.

Татарская нация сложилась на территории России, она в этом государстве входит в число коренных народов. Хотя в некоторых случаях отдельные группы татар, живущие в РФ, могут быть причислены к диаспоре, большинство, населяющее Волго-Уральский регион и Западную Сибирь, к этой категории не относятся. Поэтому они находятся в составе государствообразующего этноса. Становление татарской нации шло параллельно формированию общенациональной культуры (в науке она называется «высокой» культурой), обслуживающей всех татар России. Эта «высокая» культура, создаваемая сложной системой государственных социальных институтов (национальные СМИ, школы, научные учреждения, издательства, театры, ансамбли и т.п.), обеспечивает реальное единство татар как национальной общности [2].

Проблема сохранения и развития татарской культуры в современных условиях становится предметом исследования с начала XXI века. Среди монографических изданий следует отметить работы Д.М. Исхакова и Д.Р. Шарафутдинова [3-5]. Посвящено исследованию исторических корней и развитию традиционной культуры татарского народа, главным образом таких его древних форм, как Сабантуй (Науруз). Опираясь на разнохарактерные исторические источники, ряд из которых введен в научный оборот впервые, автор выдвигает оригинальную концепцию происхождения и становления татарской культуры, являющейся частью общечеловеческого культурного наследия. Автором поднимается проблема бережного отношения к этим важнейшим факторам общественной жизни,

способствующих всемерному углублению и расширению духовных связей народов России.

В работах Д. М. Исхакова анализируются проблемы численности татарского населения России, географии компактного проживания, ставится вопрос теоретическое осмысления категории татарской нации, анализируются пути и формы развития общей культуры и национального самосознания татар.

В настоящей статье освещается региональная специфика решения вопроса культурно-национального развития татар Челябинской области. Одним из основных источников освещения данной темы стали архивные документы Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), отражено в следующем фонде ФР. 485 и ФР-485 (перепись населения).

В современных условиях развития демократии и плюрализма появилась потребность и востребованность широкого развития культурного многообразия. От овладения им зависит нравственное здоровье любого человеческого общества, его духовное и материальное благосостояние. Возврат к изначальным истокам проявляется через этническую культуру, и особенность любой национальной культуры заключается в её неповторимости, оригинальности, самобытности.

Духовное возрождение неразрывно связано с национальными корнями, поэтому вполне закономерно стремление волго-уральских татар к познанию истории, возрождению своих ценностей, традиций, обычаев. Национально-культурное возрождение – это естественный процесс, поскольку каждый народ имеет право на историческое, нравственное, политическое, индивидуальное развитие.

В процессе приобщения к ценностным сторонам этнической культуры ведущая роль выпадает на долю представителей культуры, образования, науки. В последние годы пополнилась когорта национальных кадров, которые понимают, что возрождение и развитие культуры – это система ценностей, формирующая духовность и нравственность этноса.

Среди факторов сохранения и развития духовной культуры большое значение имеет родной язык – основа всякой этнической культуры. Не случайно ученые считают, что язык – своеобразный генофонд национальной культуры. Роль языка в усвоении системы ценностей и особого типа национального мышления и социального поведения (менталитета) изъяснена, например, З. А. Махмутовым: «Язык является важнейшим

фактором, определяющим этническое самосознание народа. Лингвокультурное поведение этнической группы часто является показателем скрытых трансформационных процессов внутри данной группы. Утрата национального языка в большинстве случаев свидетельствует о начале распада этнической общности, демонстрируя ярко выраженные процессы ассимиляции. Особую сложность представляет сохранение

национального языка для малых этнических групп, находящихся в полиэтническом окружении» [6]. Знание национального языка является важным фактором не только внешней идентификации, но и внутренней идентичности субъекта, нам необходимо проследить динамику изменения этого фактора в изучаемый период:

Распределение населения по национальному и родному языку в Челябинской области
(Микроперепись 1994 г.) – сельское население [7]

национальность	всего	В том числе с родным языком			Из общей численности населения
		Свой национальный	татарский	другие	
Татары	2289	1813 (79,2%)	-	34	997
Татары мужчины	1081	850 (78,6%)	-	14	534
Татары женщины	1208	963 (79,7%)	-	20	463

Из данной таблицы следует, что из основного населения Челябинской области только 79,2% говорят на родном языке. При этом следует отметить, что доля женщин выше, чем мужчин. Этот факт вселяет надежду на то, что женщина будет передавать традиции своим детям. Хотя из данных фактов не можем делать однозначных выводов, но необходимо усилить внимание к освоению родного языка. В этой связи конгрессом татар предпринимаются меры по организации курсов по обучению татарского языка, открываются классы и детские группы в детских садах для желающих изучать татарский язык, в том числе русских и других национальностей. Так МОУСОШ № 81 открыт класс с углубленным изучением татарского языка, культуры и истории. Помимо школы была организована группа «Нур» в детском садике № 414 где детей обучают и приобщают родному языку и традициям, обычаям своего народа. А также в Челябинской государственной академии культуры и искусства открыта секция татаро-башкирской культуры на базе кафедры «Музыкальной фольклористики». Студентами данного ВУЗа ежегодно осуществляются фольклорные экспедиции в места компактного проживания татар, проводятся студенческие конференции по праздникам и обрядам. Среди татар 27 заслуженных учителей РСФСР и РФ по Челябинской области. Одна единственная во всей Челябинской области заслуженный учитель Республики Татарстан Шевченко Сония Вахитовна [8].

Одним из важнейших достижений Конгресса татар является популяризация татарского языка среди татарского населения Челябинской области. При поддержке Конгресса начали проводиться олимпиады по татарскому языку и литературе, уже ставшие сегодня традиционными, обучение татарскому языку в рамках программ медресе, открывшихся в последние годы в ряде территорий области, контакт с читательскими клубами в библиотеках татарской и башкирской литературы. Заметным явлением культурной жизни Челябинска это татаро-башкирская библиотека им. Бабича. Отдела национальной литературы. Сотрудниками отдела проводятся конференции, выставки, встречи с интересными людьми, дни культуры. Умение разнообразить мероприятия, привлекая заинтересованных людей, профессионализм и искреннее желание возродить и развивать этническую культуру, присуще данному отделу. При библиотеке действует клуб «Чишма», также библиотека проводит литературные чтения, посвященные творчеству Мусы Джалиля и Габдуллы Тукая. Работают кружки, классы, группы по изучению татарского языка и культуры. В Челябинске и Челябинской области есть такие писатели как И.Н. Сабиров, Р. Шагалева [9].

Одним из крупных учреждений культуры Челябинской области является общественная организация – «Конгресс татар Челябинской области». Импульсом для создания конгресса татар Челябинской области стал второй Всемирный кон-

гресс татар, который проходил в г. Казани. После него была проведена 27 марта 1998 года первая областная конференция Конгресса татар. 24 июня 1999 года Конгресс был зарегистрирован как общественная организация. Незадолго до этого 16 июня 1999 года – состоялось первое заседание исполкома Конгресса, на котором были избраны председатель Конгресса Равиль Хамитович Гибадуллин, занимавший пост главы администрации центрального района и председатель исполкома Саня Вахитовна Шевченко.

Вторая конференция Конгресса состоялась в мае 2004 года. Состав исполкома значительно расширился и обновился, председателем был избран Альберт Хусанович Еналеев, занимавший пост вице – мэра Челябинска. Сохранение и развитие национально – культурного наследия, возрождение татарского языка и народных обычаев, – вот те стратегические задачи, которые организация поставила перед собой.

Осенью 2009 года Конгресса татар Челябинской области обрёл новое дыхание. На третьей конференции, прошедшей в ноябре, организация большинством голосов выбрала нового председателя исполкома. Ею стала динамичная, современно мыслящая Лена Рафиковна Колесникова, генеральный директор «Классики» – самой крупной аптечной сети на Урале. После третьей конференции организация сменила главный вектор своей деятельности, приняв основной лозунг: «Дойти до каждого простого татарина». Излишняя формализация работы уступила место активной культурно-просветительской деятельности, направленной на интересы, в первую очередь, простых людей.

Важным направлением его деятельности выступает организация национальных праздников (сабантуй, праздник башкирского языка “Туган тел”), праздников, посвященных Дню Победы, Дню защиты детей, Дню пожилого человека, Дню матери, конкурсы семейных коллективов, фестивали детского творчества. Конгресс татар имеет контакты с духовными учреждениями в проведении религиозных праздников (ураза-байрам, курбан-байрам). В конце марта 2010 года увидел свет первый выпуск телепередачи «Хазина», ставший плодом совместной деятельности исполкома Конгресса и телеканала ОТВ.

На протяжении последних лет большую работу осуществляют учреждения культуры в местах компактного проживания волго-уральских татар. Так, например Султаевский дом культуры проводит такие праздники как «Науврыз», «Сабантуй» и многие другие. При этом же доме культуре существует творческий коллектив «Султаевские девочки» участники многих национальных праздников и конкурсов. Также активно развивается культура в г. Озерске там действует творческий коллектив «Лейсан», проводят национальные праздники. Народное творчество волго-уральских татар в настоящее время находится на этапе возрождения. С ростом интереса населе-

ния к этнической культуре возникает ряд проблем, связанных с развитием самостоятельного творчества. Данные проблемы связаны, прежде всего, с отсутствием профессиональных кадров и закрытием многих учреждений культуры в сельской местности из-за финансовых проблем. Однако, сохраняются стабильно работающие коллективы в таких районах, как Кунашакский, Сосновский, Каслинский, Аргаяшский. Это связано, прежде всего, с плодотворной деятельностью национально-культурных центров, созданных в этих районах. Так, Кунашакский район проводит национальные праздники, в 2010 году в Кунашаке проходил в первые областной «Сабантуй». В Аргаяшском районе существует татарский театр. Сосновский район знаменит талантливыми коллективами художественной самодеятельности.

Несмотря на то, что в области многое делается для возрождения и развития культуры волго-уральских татар, проблема их сохранения остается острой сказывается влияние объективных факторов – экономического и демографического кризисов. Большинство молодежи не остается жить в сельской местности из-за отсутствия работы и досуговых учреждений, хотя следует сказать, что их связь с малой родиной крепка, так как в традициях татарского народа велика роль почитания родителей и старших.

Этнокультурная ситуация усугубляется тем, что у многих городских татар из-за снижения языковой компетенции и недостаточного уровня сохранения этнической культуры, происходит переориентация культурных потребностей в пользу инонациональных культур. К этому также добавляется большой процент смешанных браков, хотя однозначно данное явление не следует оценивать негативно, но оно порождает новые проблемы.

Как утверждают культурологи, именно во взаимодействии культур можно сохранить уникальность различных этнических культур. Назрела необходимость обмениваться не только творческими и концертными коллективами, но и также создавать общие программы по сохранению и развитию уникальной татарской культуры.

Решение этих проблем усиливает роль и значение государственной политики, при которой должно быть обеспечено культурно – национальное многообразие. Однако возрождение культуры возможно в том случае, если государственная политика будет направлена на принятие комплекса нормативно – правовых документов, определяющих юридический, экономический статус органов самоуправления татар в области культуры, образования, науки.

Библиографический список

1. Исхаков, Д.М. Татары: перепись, политика / Д.М. Исхаков; Магариф. – К., 2010.
2. Сборник научных статей Татарская нация в XXI в: веке проблеме развития /отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань, 2006.
3. Шарафутдинов, Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XXI вв. / Д.Р. Шарафутдинов; Магариф. – Казань, 2004.
4. Исхаков, Д.М. Татары: краткая этническая история / Д.М. Исхаков; Магариф. – К., 2002.
5. Исхаков, Д.М. Татары: перепись, политика / Д.М. Исхаков; Магариф. – К., 2010.
6. Махмутов, З.А. Лингвокультурное поведение современного татарского населения северо-казахстанской области // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Том 151. – Кн. 2. – Ч. 1. – Серия. Гуманитарные науки.
7. ОГАЧО. ФР-485. Оп. 28. Д.5.
8. Нечаева, С.Б. Южный Урал в судьбе России: история и современность. – Ч., 2000.
9. Привалов Н. Основные общественные и другие некоммерческие организации Урала. – Екатеринбург; Ч., 1998. – Т. 2.

Bibliography

1. Iskhakov, D.M. Tatarih: perepisj, politika / D.M. Iskhakov; Magarif. – K., 2010.
2. Sbornik nauchnihk statej Tatarskaya naciya v XXI v: veke probleme razvitiya /otv. red. D.M. Iskhakov. – Kazanj, 2006.
3. Sharafutdinov, D.R. Istoricheskie korni i razvitie tradicionnoj kuljurih tatarskogo naroda XIX – nachalo XXI vv. / D.R. Sharafutdinov; Magarif. – Kazanj, 2004.
4. Iskhakov, D.M. Tatarih: kratkaya ehnicheskaya istoriya / D.M. Iskhakov; Magarif. – K., 2002.
5. Iskhakov, D.M. Tatarih: perepisj, politika / D.M. Iskhakov; Magarif. – K., 2010.
6. Makhmutof, Z.A. Lingvokuljturnoe povedenie sovremennogo tatarskogo naseleniya severo-kazakhstanskoj oblasti // Ucheniye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – Tom 151. – Kn. 2. – Ch. 1. – Seriya. Gumanitarniye nauki.
7. OGACHO. FR-485. Op. 28. D.5.
8. Nechaeva, S.B. Yuzhniyhj Ural v sudjbe Rossii: istoriya i sovremennostj. – Ch., 2000.
9. Privalov N. Osnovniye obshchestvenniye i drugie nekommercheskie organizacii Urala. – Ekaterinburg; Ch., 1998. – T. 2.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 908 + 355/359.08

D.A. Sizov THE ACTIVITY OF THE DEFENCE-INDUSTRIAL COMPLEX ENTERPRISES' AUTHORITIES UNDER THE SCIENTIFIC REVOLUTION CIRCUMSTANCES IN 1945-1965 YEARS. The article presents the peculiarities of director's corpus activity at the South Urals enterprises of the defence-industrial complex in the period of 1945-1965 years; reveals the reasons of changing "Stalin" styled authorities to new democratic ones, substantiates the role of scientific revolution in this process.

Key words: defence-industrial complex, scientific revolution, director's corpus, South Urals enterprises of DIC.

Д.А. Сизов, ст. преп. ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского, г. Челябинск; E-mail: elsizova@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ЮЖНОГО УРАЛА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1945-1965 ГГ.

В статье рассматриваются особенности деятельности директорского корпуса предприятий оборонно-промышленного комплекса Южного Урала в период 1945-1965 гг.; раскрываются причины смены руководителей «сталинского» типа на руководителей нового демократического типа, обосновывается роль научно-технической революции в этом процессе.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, научно-техническая революция, директорский корпус, предприятия ОПК Южного Урала.

Научно-техническая революция, развернувшаяся в СССР после окончания Второй мировой войны, поставила перед директорским корпусом предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) совершенно иные задачи, чем это было в годы первых пятилеток. Результаты деятельности ОПК напрямую влияли на внешнюю политику советского государства, в первую очередь реализация программ создания ядерного и ракетного оружия. Решение этих задач лежало не столько в плоскости организации производства, сколько в организации работы научных коллективов в рамках предприятий и предполагало решение сложнейших производственных проблем в тесном союзе с академической наукой. Это потребовало от директорского корпуса иных качеств и иного стиля руководства, чем в годы первых пятилеток и Великой Отечественной войны.

Новые качества управленческой элиты были обусловлены изменением характера производства, его технологии. Рядом с традиционными для Южного Урала заводами черной и цветной металлургии во второй половине 1940-х гг. началось строительство предприятий атомной и ракетной промышленности, производство новых моделей танков стимулировало развитие машиностроения.

В основе промышленного производства ракетно-ядерного оружия и бронетанковой техники лежали новые наукоемкие технологии, которые требовали комплектования персонала предприятий ОПК рабочими и инженерно-техническими кадрами, способными овладеть сложнейшими технологиями и оборудованием. Начался процесс кардинальной замены той части директорского корпуса, которая пришла к руководству производством в годы первых пятилеток и достигла максимума своих возможностей в годы Великой Отечественной войны.

Однако, следует отметить, что «кадровая революция» произошла только на уровне директорского корпуса и главных специалистов предприятий, другие уровни управления производством испытывали жестокий кадровый голод. Мастера «практики», т.е. работники, не имевшие специального среднего или высшего образования составляли на предприятиях танкостроения до 70%, среди начальников цехов и отделов – до 50% (подсчитано автором по: [1]). В первые годы существования предприятий атомной промышленности «практики» на инженерно-технических должностях составляли 30-40% [2]. Вследствие такого положения с кадрами инженерно-технических работников культура производства находилась на низком уровне, что влекло за собой постоянное нарушение технологической дисциплины, и, как следствие, частое возникновение аварийных ситуаций, выход из строя оборудования и пр.

Директорский корпус бурно развивавшегося на Южном Урале в послевоенные годы ОПК в значительной степени оказался заложником создавшейся ситуации – не имея ресурсов, прежде всего кадровых, он не мог переломить ситуацию к лучшему. Это привело к тому, что срывались важнейшие правительственные задания по организации выпуска ядерного и ракетного оружия, танков, не выполнялись графики ввода в эксплуатацию важнейших оборонных предприятий [3].

Значительный вклад в повышение профессионального уровня директорского корпуса внесла эвакуация в Челябинскую область руководителей предприятий Ленинградского и Харьковского промышленных районов, составивших основу танкового промышленного комплекса в послевоенные годы. Директорский корпус предприятий Московского промышленного района и Центральной Европейской части страны стал базой для генезиса и развития ракетной промышленности. Атомную промышленность создавал директорский корпус сибирских и уральских оборонных предприятий.

В первые послевоенные годы казалось, что наступившая мирная жизнь сама по себе унесёт в прошлое большинство наболевших проблем, но получилось наоборот – без всякой передышки, в условиях послевоенной экономической разрухи следовало развернуть производство намного более сложных видов вооружения и ядерных боеприпасов наряду с выпуском гражданской продукции. К этому значительная часть директорского корпуса оказалась не готова.

Самым слабым звеном оказался директорский корпус танкового промышленного комплекса, не сумевший предотвратить глубокий кризис, поразивший его работу в 1946-1950 гг. Директоры Челябинского Кировского завода И.М. Зальцман, завода № 200 С.К. Щербаков, завода № 255 А.А. Мороз блестяще справлялись с трудностями военного времени и смогли обеспечить фронт всем необходимым, не считаясь ни с какими затратами. Они снискали признание правительства, свидетельством чему были высшие государственные награды, почетные звания и отличия, которые увенчали их деятельность военной поры. Казалось, что в послевоенный период их ждет дальнейшее продвижение по карьерной лестнице, успешная деятельность по реализации планов восстановления и развития народного хозяйства страны. Однако, на практике все произошло по-другому. В 1947-1949 гг. в Челябинской области произошла смена тех руководителей оборонных предприятий, профессиональные и личностные качества которых оказались невостребованными в новых условиях развивающейся научно-технической революции.

Замена значительной части директорского корпуса ОПК произошла в результате многих причин как объективного, так и субъективного характера. Главная, на наш взгляд, причина «чистки» директорского корпуса заключалась в том, что за годы войны руководители предприятий в условиях, несомненно, намного большей свободы действий, чем до войны, приобрели такую силу и авторитет, что вышли из-под контроля региональной партийной элиты. Они попытались диктовать свои условия и навязывать свои оценки не только по проблемам производственной политики, но и по другим актуальным вопросам всех сфер жизни трудовых коллективов. В основе этого лежала монополия данных руководителей на огромные ресурсы, которых в первые послевоенные годы была лишена региональная власть.

Вынужденная по каждому вопросу социальной политики обращаться за материальной помощью к гигантам оборонной промышленности, местная бюрократия не хотела дальше терпеть фактически подчиненного положения. Обком партии и другие органы ВКП(б) стремились избавиться от функции диспетчера военного производства. Для этого после войны имелись все объективные возможности.

В условиях послевоенной конверсии производства руководители оборонных предприятий, оставшиеся один на один с тяжелейшими проблемами демилитаризации экономики страны, стали терпеть одно поражение за другим. В годы войны главной их задачей было выдать продукцию любой ценой, не считаясь с затратами. В наступившее время на первое место вышла проблема экономической эффективности производства, государственные органы управления стали больше внимания обращать на финансовые показатели работы трудовых коллективов. С повестки дня не сходили вопросы рентабельности производства, ликвидации излишков материальных запасов, наличия оборотных средств. Большой проблемой директорского корпуса стала заработная плата, которую не выплачивали много месяцев из-за провалов в финансовой деятельности оборонных заводов.

Руководители военного времени были сильными администраторами, способными мобилизовать на достижение самой трудной цели десятки тысяч людей, организовать мощный

штурм, бурный натиск за счет своих морально-волевых качеств. Но они недостаточно хорошо владели знанием экономических механизмов развития производства, с большим трудом переходили на новые технологии, плохо видели резервы, лежащие внутри производственного процесса и по-прежнему уповали на административные рычаги руководства коллективами.

В послевоенный период изменилось отношение инженерно-технических работников и рабочих к своим легендарным директорам. Если ранее они мирились со многими, в том числе и крупными недостатками своих руководителей, относя их к издержкам экстремальных ситуаций войны, то в мирное время люди открыто выступили против сугубо административных методов руководства, откровенной грубости, недооценки материального и морального стимулирования работников.

Олицетворением значительной части директорского корпуса, продолжавшего и в послевоенные годы руководить по законам военного времени, являлись директор Челябинского Кировского завода Исаак Моисеевич Зальцман и директор строящегося плутониевого комбината № 817 Ефим Павлович Славский. У них было много общего не только в методах и стиле руководства, но и в особенностях личностей, человеческих характерах и судьбах. Оба родились в беднейших семьях, рано пошли работать, учиться начали уже в зрелом возрасте, но сумели получить высшее образование и сделали блестящую карьеру на производстве. За производственные успехи в годы Отечественной войны И.М. Зальцман был удостоен звания Героя Социалистического Труда, Е.П. Славский награжден десятью орденами Ленина.

И.М. Зальцман и Е.П. Славский были лучшими представителями директорского корпуса военного времени и обладали выдающимися организаторскими способностями. Для них обоих были характерны колоссальная энергетика, трудоспособность, жесткая рациональность, умение максимально эффективно использовать самые минимальные ресурсы. Оба обладали ярко выраженной харизмой, притягивали к себе людей с самым разным опытом жизни, образованием, культурой, могли на равных разговаривать и с министром и с простым рабочим. Неоднократно в сложных, опасных ситуациях личным примером увлекали за собой на ликвидацию последствий тяжелых аварий, никогда не прятались за спинами подчиненных.

Это были директоры-комиссары времён гражданской войны. Время таких руководителей безвозвратно ушло в атомной и ракетной промышленности в 1947-1948 гг., во всех других отраслях ОПК – на рубеже 1940-х – 1950-х гг. На смену им пришёл директорский корпус, олицетворением которого стали директор комбината № 817 Борис Глебович Музруков, начальник и главный конструктор СКБ-385 Виктор Петрович Макеев.

Биография Б.Г. Музрукова внешне очень похожа на жизненный путь И.М. Зальцмана. Он также прошел жестокую жизненную школу периода Гражданской войны, воспитывался в детдоме. Ранняя самостоятельность, необходимость полагаться только на свои силы закаляли его характер, сформировали понимание необходимости получить высшее образование, несмотря на многие сложности. Б.Г. Музруков сделал блестящую карьеру на Ленинградском Кировском заводе, в 35 лет стал директором Уралмаша. Под его руководством Уралмаш подошел к военной поре мощным промышленным гигантом, что позволило ему в годы великой Отечественной войны стать одним из главных производителей танков. Поэтому не случайно именно Б.Г. Музруков пришел к руководству плутониевым комбинатом № 817 вместо освобожденного от этой должности Е.П. Славского.

Как вспоминают сослуживцы, если Е.П. Славский в работе доверял до конца только себе, то у Б.Г. Музрукова испол-

нители несли полную ответственность за порученное дело. Но и спрос бывал жестким: требовательный, собранный, в делах он бывал методичным, скрупулезным, никогда ничего не забывающим. На окружающих производила сильное впечатление эта его скрупулезная неукоснительность в сочетании с поразительной широтой мышления и ясным умом [4].

Полными антиподами «сталинскому» стилю руководства являлись представители директорского корпуса ракетной отрасли ОПК Южного Урала. Ядро коллективов ракетостроителей составили крупные специалисты московских конструкторских бюро и научных организаций. Руководить столь сложными по составу коллективами было под силу только таким внутренне свободным и талантливым людям, как В.П. Макеев.

Виктор Петрович для директорского корпуса Южного Урала являл собой новый тип руководителя, сочетавший в себе качества выдающегося учёного, гениального инженера, незаурядного дипломата и государственного деятеля. В возрасте 27 лет он, ученик С.П. Королева, приехал в златоустовское СКБ-385 в должности Главного конструктора и перевернул жизнь устоявшегося коллектива, предложив невероятную в то время перспективу создания лучшего в СССР научно-инженерного ракетного центра. Реализация этой перспективы и сформировала уникальный по своим возможностям коллектив создателей ракетной техники подводного базирования [5].

Благодаря В.П. Макееву СКБ-385 стало первым предприятием на Южном Урале, структура и органы управления которого были построены на строго научной основе, что дало крупный положительный эффект, когда на окраине г. Миасса за несколько лет был построен и успешно развивался ракетный центр – мировой лидер по созданию ракет подводного базирования [6].

Обладея незаурядным интеллектом, В.П. Макеев умел относиться ко всему с пониманием, но внутренне был бескомпромиссным руководителем. Стратегические решения им вынашивались годами и всегда предполагали постановку определенных задач, которые порой казались исполнителям нереальными [7]. Это относилось не только к производственным вопросам, но и к социально-бытовому обустройству ракетостроителей. Поэтому микрорайон Машгородок г. Миасса стал крупным культурным центром, где выступали выдающиеся деятели культуры с мировыми именами: оперные певцы, артисты, музыканты, симфонические оркестры. Это говорило о понимании В.П. Макеевым единства научно-технической и гуманитарной культуры, её непреходящем значении для жизни любого человека, в какой бы точке страны он не находился.

Анализ деятельности предприятий ОПК Южного Урала в 1945-65 гг. позволяет сделать вывод о том, что в этот период в директорском корпусе сменилось три типа руководителей. «Сталинский» тип руководителя достиг максимума своих возможностей в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное пятилетие. Развитие научно-технической революции и процесс становления ОПК привел к появлению, а после XX съезда КПСС к господству нового типа директора предприятия ОПК, отличительными чертами которого являлись глубокое знание принципов научной организации труда, технологии производства, понимание необходимости проведения научных исследований с привлечением академической и прикладной науки для решения проблем производства. В первой половине 1960-х гг. к управлению некоторыми предприятиями ОПК Южного Урала приходят учёные, образуются научно-производственные объединения, в рамках которых создаются наилучшие условия для осуществления военной научно-технической революции и создания новейших видов вооружений.

Библиографический список

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 42. Д. 8. Л. 37-39.
2. ГФ ФГУП ПО Маяк Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 54.
3. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 13. Л. 114, 257.
4. Полухин, Г.А. Атомный первенец России. ПО «Маяк». Исторические очерки. – Озерск: Изд-во ПО «Маяк», 1998.

5. СКБ-385, KB машиностроения, ГРЦ «KB им. академика В.П. Макеева» / сост. Р.Н. Канин, Н.Н. Тихонов; под общ. ред. академика РАН В.Г. Дегтяря. – М.: Гос. ракет. центр «KB им. академика В.П. Макеева»; «Военный парад», 2007.
6. Апальков, Ю.В. Отечественные баллистические ракеты морского базирования и их носители / Ю.В. Апальков, Д.И. Мانت, С.Д. Мانت. – СПб.: Галлея Принт, 2006.
7. Пяткин, В.А. Генеральный конструктор В.П. Макеев. – Челябинск ОАО «Юж.-Урал. кн. изд-во», 2004.

Bibliography

1. Objedinenniy gosudarstvenniy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO). F. P-288. Op. 42. D. 8. L. 37-39.
2. GF FGUP PO Mayak F. 1. Op. 1. D. 112. L. 54.
3. OGACHO. F. P-288. Op. 42. D. 13. L. 114, 257.
4. Polukhin, G.A. Atomniy pervenec Rossii. PO «Mayak». Istoricheskie ocherki. – Ozersk: Izd-vo PO «Mayak», 1998.
5. SKB-385, KB mashinostroyeniya, GRC «KB im. akademika V.P. Makeeva» / sost. R.N. Kanin, N.N. Tikhonov; pod obsh. red. akademika RAN V.G. Degtyarya. – M.: Gos. raket. centr «KB im. akademika V.P. Makeeva»; «Voenniy parad», 2007.
6. Apal'kov, Yu.V. Otechestvennye ballisticheskie raketnykh morskogo bazirovaniya i ikh nositeli / Yu.V. Apal'kov, D.I. Mant, S.D. Mant. – SPb.: Galleya Print, 2006.
7. Pyatkin, V.A. General'niy konstruktor V.P. Makeev. – Chelyabinsk ОАО «Yuzh.-Ural. kn. izd-vo», 2004.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 94 (5) : 327

Pestushko J.S. DISCUSSION BY JAPAN AND RUSSIA OF THE QUESTION ABOUT APPOINTMENT TO KOREA THE RUSSIAN THE DIPLOMATIC REPRESENTATIVE. As a result of the Russo-Japanese War Russia recognized Korea as a Japanese sphere of interests. Autumn of 1905 the Japanese government declared that foreign consuls in Seoul would obtain the exequatur (a written official recognition of a consul) only from the Japanese Ministry of Foreign Affairs. Unlike other countries, Russia considered such a decision to be against existing practice of international relations. Moreover, the Russian government tried to obtain the exequatur from the Emperor of Korea. The discussion between Russia and Japan on the question of the exequatur is regarded in the historical literature as a struggle of Russia against the Japanese protectorate over Korea. Obviously, there needs to be more thorough review of the duality of Russia's policy toward Korea.

Key words: Japan, Korea, Russia, exequatur, consul, protectorate, the Portsmouth Peace Treaty, international law.

Ю.С. Пестушко, доц. каф. японского языка ДВГУ, г. Хабаровск E-mail: yuripestushko@yahoo.co.jp

ОБСУЖДЕНИЕ ЯПОНИЕЙ И РОССИЕЙ ВОПРОСА О НАЗНАЧЕНИИ В Корею РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

В статье рассматриваются дискуссии между правительствами Японии и России по вопросу назначения в Сеул российского дипломатического представителя. В работе проанализированы послевоенные мероприятия Японии, направленные на установление контроля над внешней политикой Кореи. Особое внимание уделяется анализу позиции царского правительства, выступившего против выдачи консульского разрешения министерством иностранных дел Японии. Хронологические рамки исследования – сентябрь 1905 г. – май 1906 г.

Ключевые слова: Япония, Корея, Россия, экзекватура, консул, протекторат, Портсмутский мирный договор, международное право.

Корейский полуостров оказался в сфере интересов Японии и России в последней трети XIX в. Оба государства, включившиеся в борьбу за влияние на Дальнем Востоке, рассматривали Корею как важный стратегический пункт, овладением которым являлось необходимым условием для осуществления ближайших и долгосрочных внешнеполитических задач в Восточной Азии.

Японию Корея интересовала не только в качестве объекта колониальной экспансии, но и как территория, необходимая для подготовки военной агрессии против Китая и дальнейшего продвижения на континент. В свою очередь, Россия надеялась посредством закрепления на Корейском полуострове получить незамерзающие порты, чтобы круглогодично контролировать акватории Японского и Желтого морей со стороны материка. Таким образом, в указанное время Корея играла ключевую роль в отношениях Японии и России.

Борьба между двумя государствами за политическое и экономическое господство на Корейском полуострове явилась одной из главных причин Русско-японской войны. На первый взгляд, точка в русско-японском противостоянии по вопросу доминирования в Корею была поставлена на переговорах в Портсмуте в августе 1905 г. В соответствии со статьей 2 Портсмутского мирного договора, российское правительство признало за Японией в Корею преобладающие интересы –

политические, военные и экономические. Кроме того, Россия обязалась не препятствовать тем мерам руководства, правительства и надзора, которые японское правительство могло бы считать необходимым принять в Корею [1, с. 115]. Таким образом, Россия отказалась от дальнейшей борьбы за Корею и признала ее сферой интересов Японии.

Корейская проблематика и ее влияние на развитие русско-японских отношений начала XX в. рассматривались в отечественной и зарубежной историографии. В частности, Пак Чён Хе проанализировал столкновение интересов Японии и России на Корейском полуострове накануне Русско-японской войны, а также развитие корейского вопроса после подписания Портсмутского мирного договора [2, с. 20 – 32, 232 – 262]. В.О. Курбанов в одной из своих работ фрагментарно затронул японскую колонизацию Кореи и борьбу корейского народа за независимость на территории Корейского полуострова [3, с. 353 – 358]. И.Р. Савельев уделил внимание деятельности корейского сопротивления на русском Дальнем Востоке и ее влиянию на русско-японские отношения в 1905 – 1916 гг. [4, с. 82 – 103], [5, с. 147 – 162]. В сборнике «История Кореи в Новое время и Япония» была проанализирована политика японского правительства в отношении Кореи в начале XX в. [6]. В исследованиях Вада Харуки получили рассмотрение история корейской иммиграции на русский Дальний Вос-

ток, а также попытки Токио нейтрализовать антияпонскую деятельность дальневосточных корейцев посредством заключения с царским правительством соглашения о взаимной выдаче преступников [7, с. 235 – 286], [8, с. 86 – 116].

С одной стороны, проблема Кореи и ее влияние на послевоенное развитие русско-японских отношений получили рассмотрение в российской и зарубежной исторической науке. Вместе с тем, отдельные аспекты указанной проблематики нуждаются в уточнениях и дополнениях. Сказанное относится в первую очередь к вопросу назначения в Сеул послевоенного дипломатического представителя России.

В отечественной историографии высказывается мнение, что разногласия между Японией и Россией по вопросу выдачи экзекватуры* носили принципиальный характер, так как решение указанного вопроса сводилось к признанию или непризнанию японского протектората в Корее [9, с. 56], [10, с. 94]. Другими словами, подписав Портсмутский мирный договор, Россия согласилась со свободой действий Японии на Корейском полуострове, а в вопросе выдачи консульского разрешения заняла принципиальную позицию, которая фактически сводилась к непризнанию японского протектората. Такая двойственность политики России в корейском вопросе нуждается в более детальном рассмотрении.

В представленном исследовании предпринята попытка проанализировать обсуждение правительствами Японии и России вопроса о выдаче экзекватуры российскому консулу в Сеуле. В работе рассматриваются послевоенные мероприятия Японии, направленные на установление контроля над внешней политикой Кореи. Особое внимание уделяется анализу позиции царского правительства, выступившего против выдачи консульского разрешения министерством иностранных дел Японии. Источниковой базой представленной работы послужили неопубликованные материалы Государственного архива Российской Федерации (Москва), Архива внешней политики Японии (日本外交史料館 Нихон гайко сирёкан, Токио), а также исследования российских и зарубежных ученых.

Одним из первых послевоенных мероприятий Японии в Корее стало взятие в свои руки международных сношений корейского государства. Подготовку к этому шагу японское правительство начало еще в годы Русско-японской войны. В 1904 г. был подписан Корейско-японский договор о сотрудничестве (в японской исторической литературе — Дайитидзи никкан кёяку **第一次日韓協約**, Первый японо-корейский договор), в соответствии с которым, Япония получила право контролировать внешнеполитические мероприятия Кореи.

Подписание указанного договора дало японскому правительству основание потребовать от иностранных держав отзыва «послов из Кореи с сохранением лишь консульских делов» [11]. Кроме того, корейским дипломатам, находившимся за границей, было предписано вернуться на родину. 6 сентября 1905 г. российский вице-консул в Пекине Г.А. Козаков направил в МИД России телеграмму следующего содержания: «... корейское правительство не имеет уже никакой власти в международных сношениях, иностранные представители отзываются» [12, с. 1].

Своими действиями Япония фактически возложила на себя функции корейского правительства. С одной стороны, в соответствии с вышеупомянутым корейско-японским договором 1904 г., для заключения корейским правительством внешнеполитических соглашений с третьими державами было

необходимо согласие Японии [11]. В то же время, на тот момент корейский МИД не был распущен, а сама Корея формально являлась независимым государством. Таким образом, издание Японией распоряжений от имени корейского Министерства иностранных дел не могло считаться законными с точки зрения международного права.

Законность своим действиям японское правительство постаралось придать подписанием в ноябре 1905 г. Корейско-японского договора о протекторате (в японской исторической литературе — Дайидзи никкан кёяку **第二次日韓協約**, Второй японо-корейский договор). В соответствии с условиями соглашения, Япония брала на себя ответственность за выполнение действовавших между Кореей и другими государствами договоров, а Корея обязывалась не заключать никаких международных соглашений кроме как через посредничество Японии [13, с. 325]. Подписание договора означало передачу Японии заведования внешнеполитическими делами Кореи. В то же время, Корейско-японский договор о протекторате не содержал статьи, которая бы предусматривала выдачу Японией разрешения на право осуществлять консульские функции.

После того, как Япония возложила на себя функции корейского Министерства иностранных дел, иностранные миссии приостановили свою деятельность в Корее. Первым из Кореи выехал американский дипломатический представитель, после чего его примеру последовали представители других держав. Одним из последних Сеул покинул посланник Китая — государства, в вассальной зависимости от которого Корея находилась последние несколько столетий.

В декабре 1905 г. российский посланник в Китае Д.Д. Покотилов сообщил находившемуся в Пекине министру иностранных дел Японии Комура Дзютаро о желании царского правительства назначить в Корею генерального консула. В ответ Комура заметил, что России (как и другим державам — Ю.П.) следует официально поставить об этом в известность правительство Японии, чье согласие будет необходимо в случае этого назначения [14]. Однако, в отличие от Китая, США, Франции, Великобритании и Германии, Россия попыталась отстоять право получать экзекватуру непосредственно от корейского императора. По мнению Санкт-Петербурга, полученные согласия императора Коджона на назначение иностранных дипломатических представителей якобы означало сохранение независимости Кореи. Царское правительство также устраивал вариант, если бы «...экзекватура выдавалась японским министерством иностранных дел от имени корейского императора» (курсив мой — Ю.П.) [15, с. 19].

Свое несогласие с действиями Японии на Корейском полуострове царское правительство обосновывало сложившейся к тому времени практикой выдачи консульских разрешений. До документального оформления японского контроля над внешними делами Кореи в ноябре 1905 г., процедура аккредитации иностранных консулов в этой стране проходила следующим образом. Руководство иностранной дипломатической миссии, в подчинении которой находилось консульское представительство, официальной нотой извещало корейский МИД о прибытии и вступлении в должность нового консула и просило объявить об этом местным властям. После этого корейское внешнеполитическое ведомство извещало миссию об исполнении запроса [16, с. 6].

С точки зрения международного права начала XX в., подписание Корейско-японского договора о протекторате не означало изменения вышеозначенной процедуры выдачи консульского разрешения, так как правила дипломатической аккредитации в протектируемом государстве нигде не оговаривались. Например, в Болгарии, находившейся в вассальной зависимости от Османской империи, экзекватура выдавалась болгарским князем Михду, а не Стамбулом.

Российский агент в Шанхае А.И. Павлов считал возможным направить царского консула с верительным письмом на

* ЭКЗЕКВАТУРА (от лат. exequare — выяснять), в международном праве — официальный документ, удостоверяющий, что правительство принимающей стороны признает иностранного консула (главу самостоятельного консульского учреждения) в этом качестве. Выдачей экзекватуры завершается процесс аккредитации консула для работы в стране пребывания. Экзекватура подразумевает наличие у консула консульского патента, выданного направившим его государством. В тексте экзекватуры могут быть определены границы и состав консульского округа, где действительны полномочия консула.

имя корейского Министерства иностранных дел [16, с. 6]. Правительственные круги России в целом разделяли такой подход, считая, что существующая процедура выдачи экзекватуры оставляет возможность для назначения дипломатического представителя в Сеул в обход Японии. Кроме того, по мнению царского правительства, признание за Японией особых прав на Корейском полуострове не означало упразднения заключенных ранее русско-корейских договоров и изменения правил дипломатической аккредитации: «...Корея не утратила статус независимого государства, ... и Портсмутский договор ничего не изменил в этом отношении» [17].

Однако у Японии было иное мнение на этот счет. В январе 1906 г. японский министр иностранных дел Комура Дзютаро уведомил российскую сторону через посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, что прежние русско-корейские соглашения были аннулированы указом императора Коджона от 5 мая 1904 г. Кроме того, Комура отметил, что договорные права России в Корею отныне определяются статьей 2 Портсмутского мирного договора, «... в смысле наибольшего благоприятствования» [18, с. 2]. Тем самым министр иностранных дел дал понять, что Япония не намерена ущемлять российские интересы на Корейском полуострове. В то же время, Комура Дзютаро напомнил, что в соответствии с вышеупомянутой статьей, Россия признала Корейский полуостров сферой интересов Японии и обязалась не вмешиваться в японскую политику в отношении Кореи.

В вопросе о выдаче экзекватуры японская сторона ссылалась на три документа: Портсмутский мирный договор, декрет корейского императора от 5 мая 1904 г. и корейско-японское соглашение 1905 г. Содержание двух последних документов не было известно в российской столице.

17 января 1906 г. правительство России направило поверенному в делах в Токио Г.А. Козакову указания, выяснить у министра иностранных дел Японии детали подписанного в ноябре 1905 г. корейско-японского соглашения [18, с. 2]. Кроме того, Г.А. Козакову предстояло уточнить содержание декрета, которым император Коджон в 1904 г. объявил недействительными все ранее заключенные корейско-русские соглашения. Царский МИД интересовало, затронет ли указанный декрет только Россию, либо недействительными будут объявлены все договоры, заключенные ранее между Кореей и другими иностранными державами.

Во время одной из ближайших встреч между Г.А. Козаковым и новым главой министерства иностранных дел Японии Като Такааки последний обещал официально сообщить текст японо-корейского соглашения России, «если это было сделано для других правительств». Таким образом, со слов министра следовало, что он якобы сам не знал, были ли уведомлены другие иностранные державы об условиях договора, подписанного в ноябре 1905 г. Никаких объяснений относительно соглашений, заключенных между Кореей и другими державами, от министра иностранных дел получить не удалось. Като Такааки ограничился заявлением, что он находит вполне естественным объявление недействительными всех прежних русско-корейских договоров [19, с. 3].

Следует пояснить, что декрет императора Коджона, которым объявлялись недействительными все ранее заключенные Кореей договора, не имел отношения к выдаче консульского разрешения. Японское правительство, вынудившее корейского императора издать вышеуказанный декрет, преследовало целью лишить Россию привилегий на Корейском полуострове. Такие привилегии обеспечивали главным образом два межправительственных соглашения: подписанная в 1888 г. конвенция, именованная «Правила для сухопутной торговли с Кореей» [11] и Русско-корейское соглашение 30 / 17 марта 1900 г. о предоставлении России концессии в Масампо. Конвенция 1888 г. значительно расширяла права российских подданных в корейской части приграничной области с центром в г. Кёнхыне. Соглашение 1900 г. предусматривало предостав-

ление России участка земли на побережье на правах концессии [20, с. 140 – 141]. В арендованной части Масампо Россия учредила консульство, построила гостиницу, а также установила военный караул. Никто из ведущих держав не имел на Корейском полуострове аналогичных преимуществ. Именно эти преимущества японское правительство было намерено ликвидировать вышеуказанным декретом корейского императора [15, с. 20].

19 января 1906 г. Като Такааки сообщил Г.А. Козакову, что новый российский дипломатический представитель в Корею перед прибытием в эту страну должен будет явиться в МИД Японии для получения консульского разрешения. Судя по содержанию письма, сам Г.А. Козаков не имел возражений против выдачи экзекватуры японским министерством иностранных дел. Его лишь интересовал вопрос, согласно ли японское правительство с кандидатурой Г.А. Плассона: «Для того, что избежать возможных недоразумений, я хотел бы знать, будет ли выдана императорским правительством экзекватура Георгию Плассону, который был выбран графом Ламздорфом на должность русского генерального консула в Сеуле» [21; 22, с. 4].

В начале февраля 1906 г. Като передал Г.А. Козакову текст корейско-японского договора о протекторате, после чего документ был отправлен в российскую столицу [23, с. 8]. Согласно договору, все соглашения, ранее подписанные Кореей с другими державами, сохраняли свою силу. Кроме того, Сеул по-прежнему мог заключать соглашения с другими державами, однако лишь после их одобрения правительством Японии [24, с. 12]. МИД России посчитал, что содержание корейско-японского договора о протекторате свидетельствует о неправомерности решения Токио выдавать экзекватуру самостоятельно.

В соответствии с полученными из Санкт-Петербурга инструкциями, в середине февраля 1906 г. Г.А. Козаков снова встретился с Като Такааки для обмена мнениями по вопросу выдачи экзекватуры. Г.А. Козаков разъяснил позицию царского правительства, считавшего, что установленное Японией правило выдачи консульского разрешения расходится с общепринятой международной практикой и никак не связано с условиями вышеупомянутого договора о протекторате. Представитель России подчеркнул, что «...консульские экзекватуры даже в странах, не пользующихся полной самостоятельностью, выдаются по общепринятому порядку главою государства» [25, с. 18]. В ответ Като Такааки заявил, что как консул России, так и консулы всех остальных держав будут получать экзекватуру от правительства Японии. В качестве юридического обоснования такого решения японский министр сослался на передачу заведования внешними делами Кореи японскому министерству иностранных дел [26, с. 15].

Российское правительство попыталось заручиться поддержкой ведущих держав в вопросе экзекватуры. Однако США, Великобритания, Германия и Франция не поддержали Россию. Например, госсекретарь США Элиу Рут (Elihu Root) иронично назвал «очень интересными» попытки царского правительства восстановить свой прежний статус на Корейском полуострове и апеллирование Санкт-Петербурга к утратившим силу соглашениям. В беседе с Р.Р. Розеном Э. Рут совершенно открыто сказал, что Россия теряет время, пытаясь изменить предсказуемый результат (выдачу консульского разрешения Японией — Ю. П.), тем более что в Портсмуте Россия признала преобладание японских интересов в Корею [27]. Поддержка Японии ведущими державами была во многом предсказуемой. На переговорах в Портсмуте Россия уступила в главном, признав Корейский полуостров сферой японских интересов. Несогласие Санкт-Петербурга с частным вопросом, к которому относилась выдача консульского разрешения, не могло рассматриваться ведущими державами как принципиальная позиция в корейской проблеме.

Таким образом, даже ознакомление с содержанием корейско-японского договора о протекторате не позволило Санкт-Петербургу отстоять свою точку зрения. Для Японии вопрос о выдаче консульского разрешения имел принципиальное значение, а позиция царского правительства рассматривалась ею как попытка вмешаться в корейско-японские отношения. Следовательно, никакие доводы царского правительства не могли заставить Токио оставить прежней процедуру назначения в Сеул иностранных дипломатических представителей. Правительство Японии не смущало даже то, что в качестве юридического обоснования своего решения самостоятельно выдавать экзекватуру оно ссылается на соглашения, не имевшие прямого отношения к консульским вопросам – декрет императора Коджона 1904 г. и Корейско-японский договор о протекторате 1905 г.

Россия могла продолжать до бесконечности апеллировать к «общепринятой мировой практике», а японская сторона односложно отвечать о «своих правах на ведение внешними делами Кореи». Кроме того, Россия оказалась единственной страной, не согласившейся с изменением процедуры выдачи экзекватуры. Дальнейшее затягивание решения вопроса с выдачей консульского разрешения было бессмысленным. 29 апреля (12 мая) 1906 г. министерство иностранных дел России сообщило своему посланнику в Токио нижеследующую информацию. Российское правительство по-прежнему не считает верной с правовой точки зрения выдачу экзекватуры японцами, но «искренне стремясь к скорейшему установлению доверчивых отношений с Японией, мы были бы готовы ныне удовольствоваться получением экзекватуры для Г.А. Плансона от японского правительства» [10, с. 96].

После согласия царского правительства на получение экзекватуры от Японии Россия стала все больше дистанцироваться от корейско-японских дел. Император Коджон и корейские государственные деятели (Ли Джун, Ли Саноль Ли Виджон, Ли Бомджин) еще надеялись на помощь Санкт-Петербурга в восстановлении суверенитета Кореи. В июне 1907 г. в Гааге открывалась международная конференция, что позволяло вынести на обсуждение ведущих держав японскую политику на Корейском полуострове. Однако председательствовавший на Гаагской конференции А.И. Нелидов, в соответствии с указаниями А.П. Извольского, не допустил к участию в ее работе представителей корейского императора.

Аннексия Японией Кореи в 1910 г. была встречена совершенно спокойно большинством российских политиков. Заместитель министра иностранных дел России А.А. Нератов прокомментировал это событие следующим образом: «Присоединение Кореи к Японии не явилось для нас неожиданно: оно было совершенно с нашего ведома, и мы не заявили против этого акта возражений. Поэтому мы должны относиться вполне добросовестно к этому факту, отнюдь не поддерживать в корейцах надежды, которые они, может быть, еще питают, и не имеем оснований содействовать стремлению корейцев свергнуть японское владычество» [28, с. 117]. Таким образом, судьба независимости Кореи была окончательно решена с молчаливого одобрения царского правительства. Подобный результат был во многом предсказуем исходя из общеполитического курса Санкт-Петербурга, направленного на послевоенное урегулирование отношений с Японией и соблюдение условий Портсмутского мирного договора.

Заключение

Не вполне верным представляется высказываемое в российской историографии мнение, что Япония с трудом признала право России назначить своего представителя в Сеул [10, с. 94]. Рассмотрение вопроса о выдаче консульского разрешения свидетельствует, что японское правительство не было принципиально против назначения в Корею российского генерального консула. Возражение Токио вызвало намерение России получать консульское разрешение в обход японского правительства. Вместе с тем, Япония не собиралась ущемлять российские интересы в Корее и заявляла о готовности соблюдать условия Портсмутского мирного договора, предусматривавшего признание за Россией на Корейском полуострове статуса наибольшего благоприятствования. Как отмечал Г.А. Козаков, не было никаких «... оснований подозревать японское правительство в намерении отказать нам в Корее в правах и имуществах, которые оно признает за другими державами» [15, с. 19].

В вопросе выдачи консульского разрешения царское правительство апеллировало к практике, установленной в международных отношениях и обыкновенной логике, которой якобы должно было руководствоваться японское правительство. Практика выдачи экзекватуры протектируемым государством действительно существовала, но нигде не была закреплена юридически. С этой точки зрения, самостоятельной выдачей экзекватуры Япония не нарушала никаких норм международного права. Кроме того, японское правительство действовало вполне логично с позиций государства, чьи преобладающие интересы на Корейском полуострове были подтверждены Россией документально. Выдача консульского разрешения корейским императором, на чем настаивало царское правительство, уже никак не повлияла бы на статус самой Кореи, потеря независимости которой была фактически предreshена на переговорах в Портсмуте. Россия не могла не признать установление над Кореей японского протектората, поскольку такой шаг противоречил бы условиям мирного договора с Японией.

Неуступчивость царского правительства в вопросе выдачи консульского разрешения нельзя рассматривать как принципиальное несогласие России с установлением японского протектората. Указанные разногласия скорее отражали общую картину русско-японских отношений первого послевоенного времени, отличавшихся заметной напряженностью. Следует принимать во внимание, что после завершения Русско-японской войны часть российских военных кругов (А.Н. Куропаткин, В.А. Сухомлинов, Н.П. Линевиц) не только продолжала рассматривать Корейский полуостров в качестве субъекта русско-японских отношений, но и выступала за проведение там активной политики.

Постепенный переход царского правительства к политике поддержания статус-кво на Дальнем Востоке и урегулированию отношений с Японией оказал влияние и на позицию Санкт-Петербурга в корейском вопросе. Компромисс в вопросе выдачи консульского разрешения был достигнут после назначения в конце апреля 1906 г. министром иностранных дел А.П. Извольского, являвшегося сторонником соглашения с Японией [10, с.96]. Кроме того, в указанное время правительствами двух стран были начаты переговоры по заключению первых послевоенных соглашений по торговле, рыболовству и разграничению сфер влияния в Маньчжурии. Успешное решение указанных вопросов было для царского правительства намного важнее, чем не имевшее смысла продолжение противоборства по вопросу выдачи консульской экзекватуры.

Библиографический список

1. 1905 г., августа 23. – Мирный договор между Россией и Японией, заключенный в Портсмуте // Русско-китайские отношения. Официальные документы (1689 — 1916). – М.: Издательство восточной литературы, 1958.
2. Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. и Корея. – М.: Восточная литература РАН, 1997.
3. Курбанов, С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002.
4. イゴリ R. サヴェリエフ 『移民と国家：極東ロシアにおける中国人、朝鮮人、日本人移民』 / ИГОРИ R. САВЕЛИЕВ. – 東京：御茶の水書房、2005年。 – vi、323、lviiiページ=Савельев И. Р. Иммигранты и государство. Китайская, корейская и японская диаспоры на русском Дальнем Востоке. – Токио: Отя но мидзу сёбо, 2005.

5. Saveliev, Igor. *Militant Diaspora: Korean Immigrants and Guerrillas in Early Twentieth Century Russia* // *Forum of International Development Studies*. – 26 (Mar. 2004).
6. 朝鮮の近代史と日本. – 東京：大和書房、1987年。 – 300ページ = История Кореи в Новое время и Япония. – Токио: Дайва сёбо, 1987.
7. 和田春樹『ロシア領極東の朝鮮人 1863—1937』/和田春樹 // 東京大学社会科学研究所紀要. – 第6号. – 1989年. – 235-286ページ = Вада Харуки. Кореяцы на русском Дальнем Востоке, 1863 – 1937 гг. // Бюллетень Исследовательского центра социальных наук Токийского университета. – 1989. – № 6.
8. 和田春樹『日露逃亡犯罪人引渡条約付属秘密宣言書』/和田春樹 // 東京大学社会科学研究所紀要. – 第4号. – 1976年. – 86-116ページ = Вада Харуки. Секретное приложение к русско-японскому договору о выдаче преступников // Бюллетень Исследовательского центра социальных наук Токийского университета. – 1976.
9. Маринов, В.А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905 – 1914 годы). Очерки истории отношений. – М.: Наука, 1974.
10. Шулатов, Я.А. На пути к сотрудничеству. Российско-японские отношения в 1905 — 1914 гг. / Я.А. Шулатов. – Хабаровск – Москва: Изд-во Института востоковедения РАН, 2008.
11. Курбанов, С.О. Россия и Корея [Э/р]. – Р/д: http://www.asia-times.ru/countries/koreas/russia_korea1.htm. – Загл. с экрана. – Яз. русс.
12. Телеграмма Г.А. Козакова. Пекин. 6 сентября 1905 г. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 1.
13. Японо-корейский договор об установлении протектората Японии, заключенный в Сеуле 17 ноября 1905 г. // Ключников, Ю.В., Сабанин, А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотам и декларациях. От французской революции до империалистической войны / Ю.В. Ключников, А.В. Сабанин. – М.: Изд. Литиздата Н.К.И.Д., 1925. – Ч.1.
14. Mutsu, London. 5 мая 1906 г. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16. – 在韩国外国領事認可状交付一件 = Архив внешней политики Японии (Токио). – Ф. 6.1.3. 16. – О вручении находящимся в Корею иностранным консулам экзекватуры.
15. Г.А. Козаков – В.Н. Ламздорфу. 17 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 19 – 20.
16. Секретная телеграмма действительного статского советника Павлова. Шанхай, 25 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 111. – Л. 6.
17. Inouye – Saionji, Tokio, April 19, 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Архив внешней политики Японии (Токио). – Ф. 6.1.3. 16. В цитируемом документе Иноуэ ссылается на ноту царского правительства правительству Германии, в которой говорится о несогласии России с выдачей экзекватуры Японией.
18. Секретная телеграмма министра иностранных дел – Г.А. Козакову. 17 января 1906. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 2.
19. Копия с секретной телеграммы Г.А. Козакова. – Токио, 19 января / 1 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 3.
20. Гримм, Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925). – М.: Издание Института Востоковедения, 1927.
21. Legation Imperiale de Russie – His Excellency Monsieur T. Kato. 20 January 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Архив внешней политики Японии. – Токио. – Ф. 6.1.3. 16.
22. Г.А. Козаков – Като Такаки. – Токио, 20 января 1906 г. – ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 4.
23. Секретная депеша Козакова. – Токио, 26 января 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 8.
24. Секретная телеграмма Г.А. Козакова. – Токио, 28 января / 10 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 12.
25. Секретная телеграмма Козакова. – Токио, 15 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 18.
26. Секретная телеграмма Г.А. Козакова. – Токио, 3 / 16 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 15.
27. Aoki – Saionji, Tokio. May 10, 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Архив внешней политики Японии. – Токио. – Ф. 6.1.3. 16.
28. Временно управляющий министерством иностранных дел – Генеральному консулу в Сеуле Лютшу. 1 декабря / 18 ноября 1911 г. // Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878 – 1917. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1938. – Серия II, Т. XIX, – Ч. 1.

Bibliography

1. 1905 g., avgusta 23. – Mirnyj dogovor mezhdru Rossiej i Japoniej, zakljuchennyj v Portsmute // Russko-kitajskie otnoshenija. Oficial'nye dokumenty (1689 – 1916). – М.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958.
2. Pak Chon Hjo. Russko-japonskaja vojna 1904 – 1905 gg. i Koreja / Pak Chon Hjo. – М.: Vostochnaja literatura RAN, 1997.
3. Kurbanov, S.O. Kurs lekcion po istorii Korei s drevnosti do konca XX v. / S.O. Kurbanov. – SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2002.
4. イゴリ R. サヴェリエフ『移民と国家：極東ロシアにおける中国人、朝鮮人、日本人移民』/ イゴリ R. サヴェリエフ. – 東京：御茶の水書房、2005年. – vi, 323, 1viiiページ = Savel'ev I. R. Immigranty i gosudarstvo. Kitajskaja, korejskaja i japonskaja diaspori na russkom Dal'nem Vostoke / I.R. Savel'ev. – Tokio : Ota no midzu sjobo, 2005.
5. Saveliev Igor. *Militant Diaspora: Korean Immigrants and Guerrillas in Early Twentieth Century Russia* / Igor Saveliev // *Forum of International Development Studies*. – 26 (Mar. 2004).
6. 朝鮮の近代史と日本. – 東京：大和書房、1987年。 – 300ページ = Istoriia Korei v Novoe vremia i Japonija. – Tokio : Dajva sjobo, 1987.
7. 和田春樹『ロシア領極東の朝鮮人 1863—1937』/和田春樹 // 東京大学社会科学研究所紀要. – 第6号. – 1989年. – 235-286ページ = Vada Haruki. Korejcy na russkom Dal'nem Vostoke, 1863 – 1937 gg. / Vada Haruki // Bjulleten' Issledovatel'skogo centra social'nyh nauk Tokijskogo universiteta. – 1989. – № 6.
8. 和田春樹『日露逃亡犯罪人引渡条約付属秘密宣言書』/和田春樹 // 東京大学社会科学研究所紀要. – 第4号. – 1976年. – 86-116ページ = Vada Haruki. Sekretnoe prilozhenie k russko-japonskomu dogovoru o vydache prestupnikov / Vada Haruki // Bjulleten' Issledovatel'skogo centra social'nyh nauk Tokijskogo universiteta. – 1976. – № 4.
9. Marinov, V.A. Rossija i Japonija pered pervoj mirovoj vojnoj (1905 – 1914 gody). Ocherki istorii otnoshenij / V.A. Marinov. – М.: Nauka, 1974.
10. Shulатов Ja.A. Na puti k sotrudnichestvu. Rossijsko-japonskie otnoshenija v 1905 — 1914 gg. / Ja.A. Shulатов. – Habarovsk – Moskva : Izdatel'stvo Instituta vostoikovedenija RAN, 2008.
11. Kurbanov, S.O. Rossija i Korja [jelektronnyj resurs] / S.O. Kurbanov. – Rezhim dostupa: http://www.asia-times.ru/countries/koreas/russia_korea1.htm. – Zagl. s jekrana. – Jaz.russ.
12. Telegramma G.A. Kozakova. Pekin. 6 sentjabrja 1905 g. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii). – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 1.
13. Japonno-korejskij dogovor ob ustanovlenii protektorata Japonii, zakljuchennyj v Seule 17 nojabrja 1905 g. // Ključnikov, Ju.V., Sabanin, A.V. Mezhdunarodnaja politika novejšego vremeni v dogovorah, notah i deklaracijah. Ch. 1. Ot francuzskoj revoljucii do imperialističeskoj vojny / Ju.V. Ključnikov, A.V. Sabanin. – М.: Izd. Litizdata N.K.I.D., 1925.
14. Mutsu, London. 5 maja 1906 g. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16. – 在韩国外国領事認可状交付一件 = Arhiv vneshnej politiki Japonii (Tokio). – F. 6.1.3. 16. – O vruchenii nahodjajawimsja v Koree inostrannym konsulam jekzekvatury.
15. G.A. Kozakov – V.N. Lamzдорfu. 17 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 19 – 20.
16. Sekretnejaja telegramma dejstvitel'nogo statskogo sovetnika Pavlova. Shanhaj, 25 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 111. – L. 6.
17. Inouye – Saionji, Tokio, April 19, 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Arhiv vneshnej politiki Japonii (Tokio). – F. 6.1.3. 16. V citiruемом dokumente Inouje ssylaetsja na notu carskogo pravitel'stva pravitel'stvu Germanii, v kotoroj govoriťsja o nesoglasii Rossii s vydachej jekzekvatury Japoniej.
18. Sekretnejaja telegramma ministra inostrannyh del – G.A. Kozakovu. 17 janvarja 1906. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 2.
19. Kopija s sekretnoj telegrammy G.A. Kozakova. Tokio, 19 janvarja / 1 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 3.
20. Grimm, Je.D. Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dal'nem Vostoke (1842 – 1925) / Je.D. Grimm. – М.: Izdanie Instituta Vostokovedenija, 1927.
21. Legation Imperiale de Russie – His Excellency Monsieur T. Kato. 20 Januery 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Arhiv vneshnej politiki Japonii (Tokio). – F. 6.1.3. 16.
22. G.A. Kozakov – Kato Takaaki. Tokio, 20 janvarja 1906 g. – GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 4.
23. Sekretnejaja depesha Kozakova. Tokio, 26 janvarja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 8.
24. Sekretnejaja telegramma G.A. Kozakova. Tokio, 28 janvarja / 10 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 12.
25. Sekretnejaja telegramma Kozakova. Tokio, 15 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 18.
26. Sekretnejaja telegramma G.A. Kozakova. Tokio, 3 / 16 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 15.

27. Aoki – Sajonji, Tokio. May 10, 1906. 日本外交史料館、東京。 — 6.1.3. 16=Arhiv vneshnej politiki Japonii (Tokio). – F. 6.1.3. 16.

28. Vremennno upravljajuij ministerstvom inostrannyh del – General'nomu konsulu v Seule Ljutshu. 1 dekabnja / 18 nojabnja 1911 g. // Mezhdunarodnye otnoshenija v jepohu imperializma : Dokumenty iz arhivov carskogo i Vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917. – Serija II, T. XIX, Ch. 1. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1938.

Статья поступила в редакцию 08.07.11

УДК 940.3.4. (571.15)

Sulimov V.S. LABOUR TEAMS OF PUPILS OF SCHOOLS THE ALTAY DISTRICT IN 1915. Annotation. Article is devoted research of movement of labor teams of pupils of schools of the Ministry of national education in territory of the Altay district in 1915. The basic attention in the publication is given formation of the first labor teams in Barnaul and Biisk.

Key words: war, a team, peasants, pupils, an economy.

В.С. Сулимов, канд. ист. наук, доц. каф. права и методики преподавания обществознания Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, г. Тобольск, E-mail: vsulimov@km.ru

ТРУДОВЫЕ ДРУЖИНЫ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В 1915 ГОДУ

Статья посвящена исследованию движения трудовых дружин учащихся школ Министерства народного просвещения на территории Алтайского округа в 1915 году. Основное внимание в публикации уделено формированию первых трудовых дружин в Барнауле и Бийске.

Ключевые слова: война, дружина, крестьяне, учащиеся, хозяйство.

В годы первой мировой войны в учебных заведениях Министерства народного просвещения начали организовываться трудовые дружины из учащихся старших классов для оказания помощи семьям крестьян, призванных на армию. Свой вклад в развитие движения трудовых дружин внесли учащиеся школ Барнаула и Бийска.

Данная проблематика нашла отражение в публикациях дореволюционного периода [1, с. 12–13; 2, с. 32–33]. Этот вопрос исследовался в монографиях советского периода [3, с. 253]. Об организации трудовых дружин в Западной Сибири упоминал Ф.Ф. Шамахов [4, с. 183]. В последнее время вопрос о формировании дружин рассматривался О.Н. Гордиенко [5, с. 83–85]. Однако в ее работе мало уделялось событиям 1915 года.

Летом 1915 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа разослал начальникам средних учебных заведений и директорам народных училищ для сведения циркуляр департамента земледелия от 26 июня 1915 года. В циркуляре говорилось, что воспитанники общеобразовательных средних учебных заведений проявили желание участвовать в сборе урожая и выполнении других сельскохозяйственных работ, им доступных. Признавая необходимым поддержать этот патристический порыв, главноуправляющий землеустройством и земледелием приказал подведомственным средним и низшим сельскохозяйственным заведениям принять на себя по мере возможности руководство полевыми работами учеников общеобразовательных школ.

В связи с этим следовало совместно с местным учебным начальством организовать партии воспитанников средних общеобразовательных школ, для производства полевых работ. Для руководства каждой отдельной партии необходимо было откомандировать к ней необходимое число учащихся старших классов сельскохозяйственных учебных заведений, достаточно опытных для проведения полевых работ с целью показать приемы таковых участникам партии. Общее руководство и наблюдение за работами партий возлагалось на начальников сельскохозяйственных школ [6, л. 8]. В дружины добровольно вступали учащиеся старших классов мужских учебных заведений согласия родителей. В школах в этот период наступили каникулы, и собрать учащихся в дружины было затруднительно.

Данная схема организации и руководства дружинами в 1915 г. не работала. Не дожидаясь поддержки со стороны сельскохозяйственных учебных заведений и обществ, педагоги в Барнауле и Бийске проявляли инициативу по организации трудовых дружин, изыскивая средства для реализации своих планов.

Первая трудовая дружина на Алтае для оказания помощи крестьянам в полевых работах из учащихся школ Министерства народного просвещения была отправлена 21 июля 1915 г. в село Усятское в 30 верстах от Бийска. Дружина была образована при содействии комитета начальников средних и низших учебных заведений Бийска из 7 учениц Николаевской женской гимназии под наблюдением и надзором учительницы географии Т. Жуковой. Дружина получила средства от Бийского частного комитета для оказания помощи семьям, взятых на войну, в количестве 100 рублей. Ученицы занимались полевыми работами. Первоначально крестьяне отнеслись скептически к помощницам, однако вскоре отношение стало доброжелательным. Последовало приглашение приезжать на работы в следующем году [6, л. 410об. – 411]. Затем в комитет поступило заявление от попечительства села Сростков, что в 30 верстах от города, о желании воспользоваться трудом дружинников. На основании этого обращения комитет решал отправить дружину мужскую или женскую [6, л. 32].

В г. Барнауле Б.С. Абольник проявил инициативу по организации трудовой дружины, изыскивая средства для реализации своих планов. В июне 1915 г. преподаватель математики Барнаульского реального училища Б.С. Абольник сообщил попечителю Западно-Сибирского учебного округа (далее ЗСУО – В.С.) о своем обращении к начальнику Алтайского округа с просьбой командировать его в учреждение Красного Креста на войну в течение летних каникул. Учитель ответа на свою просьбу не получил. Затем Абольник переехал на дачу, однако «необходимость сидеть, сложа руки и отдыхать», когда каждый русский отдает «все свои силы и жизнь на пользу Родины», тяготила его [6, л. 21-21об.]. Преподаватель чувствовал в себе достаточно сил и энергии принять участие в общем деле защиты Отечества и просил дать ему какую-либо работу в этом направлении, командировав его до начала учебного года туда, где бы он мог быть полезен. До получения назначения Абольник собирался работать на участке призванного по мобилизации владельца дачи. Хотя учитель предпола-

гал, что мог быть использован в другом деле, «требующем умственного развития, нравственной энергии и готовности отдать все свои силы и жизнь за Родину» [6, л. 21об.]. Он был разносторонне образован: по окончании Петроградского университета поступил на механическое отделение Технологического института. Последний вуз учитель не закончил по независящим от него обстоятельствам. Попечитель ЗСУО поддерживал стремление Абольника, предложив ему устроить дружину из учащихся средних школ Барнаула для уборки урожая в сельской местности.

Абольник получил предложение попечителя ЗСУО о формировании дружины 18 июля. На следующий день учитель отправился в комитет по внешкольному надзору за решением на организацию дружины. Получив разрешение, Абольник обратился к председателю Алтайского сельскохозяйственного общества (далее АСХО – В.С.) с просьбой указать, где была необходима помощь по уборке урожая. Оказалось, что село Шадрино в 28 верстах от Барнаула, находилось в «беспомощном» состоянии из-за отсутствия рабочих рук. Учитель заручился обещанием секретаря общества В. В. Капустина об оказании помощи дружине в качестве инструктора. Капустин собирался выехать вместе с дружиной на полевые работы и познакомить учеников с сельскохозяйственными машинами на месте, в связи с небольшим периодом времени до начала учебных занятий.

В тот же день Абольник объездил ближайшие дачи, обращаясь к родителям учащихся с просьбой отпустить своих детей в дружину. Надзор за учениками учитель брал на себя. Заручившись согласием родителей, Абольник назначил сбор учащихся на 20 июля в здании реального училища для переговоров о времени отъезда. Желающих выехать на работы оказалось 8 человек. Незначительное количество желающих объяснялось отъездом учеников на каникулы, близостью начала учебного года и срочностью отправки на работы. Капустин мог выехать с дружиной только 22 июля. Тогда Абольник предложил учащимся собраться для отъезда в училище в этот день после молебна по случаю тезоименитства императрицы Марии Федоровны. После молебна в соборе, на котором присутствовали дружинники, учитель отправился в реальное училище: туда были вызваны экипажи для учащихся. Около 3 часов дня дружина выехала с инструктором в Шадрино. По дороге дружина побывала на даче председателя комитета по внешкольному надзору, где Абольник представил учеников. Официальное извещение о формировании дружины и времени выезда было направлено председателю комитета по почте заранее.

Прибыв вечером в Шадрино, Абольник разместил учащихся в здании местной школы, а затем вместе с Капустиным составил списки беднейших семей запасных солдат после опроса крестьян. Рано утром 23 июля в сопровождении инструктора дружина отправилась знакомиться с механизмом «самосброски», на которой предстояло работать ученикам. С этой целью учащиеся под руководством инструктора собрали машину данного типа, принадлежавшую семье солдата. Таким образом, учащиеся познакомились с устройством машины. Инструктором были указаны наиболее часто встречающиеся поломки и способы их устранения [6, л. 69].

После сборки машины дружина отправилась на поле, где под руководством инструктора каждый из учащихся поочередно работал на «самосброске», предоставленной одним из крестьян. Во время работы были наглядно продемонстрированы случаи «затора» машины и способы ее налаживания. Инструктор отметил, что учащиеся в достаточной мере ознакомились с предстоящей им деятельностью. С 24 июля дружинники стали самостоятельно выезжать на поля. Сначала Абольник назначал по три ученика на каждую машину. Затем по желанию учащихся этот порядок был изменен, и на каждую машину выделялось по два ученика. Так как АСХО не предоставляло дружине машин, то приходилось работать на машинах

семей запасных солдат. Между тем, жены беднейших солдат, у которых не было ни машин, ни работников, «осаждали» просьбами помочь убрать им хлеб. Поэтому, с целью помочь бедным семьям, Абольник отправился в Барнаул, где ему удалось «выхлопотать» у председателя АСХО «самосброску» в полное распоряжение дружины. Через несколько дней учитель достал еще две машины: «самосброску» и «сенокосилку с приводом». Благодаря этой инициативе, учащиеся стали убирать хлеб на полях беднейших семей запасных солдат [6, л. 69об.].

Обычно учащиеся выезжали на работу рано утром – около 6 часов, и возвращались часов в 8-9 вечера, так как поля находились в среднем в верстах 8 от села. Выезжавшие на более отдаленные пашни для экономии времени ночевали на месте работы в специально приспособленных помещениях – крытых маленьких избушках, имеющихся на таких полях. Впрочем, на отдаленных полях работа продолжалась не более двух дней подряд, и в избушках приходилось ночевать одну ночь. Дружинникам доставляло удовольствие ночевать на поле. Вечером происходило распределение работы на следующий день. Для установки очереди беднейших семей приходилось пользоваться указанием местных попечителей о семьях запасных, а в дальнейшем обращаться за советом к сельскому учителю. Во избежание несчастных случаев Абольник неоднократно предупреждал учащихся на счет осторожного обращения с машиной. Указывались опасные ее места, а также запрещалось быть вожатым, садясь верхом на своевольную лошадь. Запрягали лошадей в машину обычно крестьянские мальчишки, умеющие это делать. Учитель просил давать под машину наезженных лошадей, так как треск, производимый машиной, пугал непривычных животных. За все время пребывания дружины на полевых работах несчастных случаев не наблюдалось. Все воспитанники были здоровы. У одного ученика образовался «ячмень» в правом глазу, и учитель отправил его немедленно в город к родителям. Учащийся вернулся обратно через три дня.

В праздничные дни некоторые дружинники уезжали в город, оставшимся предлагалось посетить сельскую церковь. Если Абольник находился в эти дни в селе, то все вместе отправлялись в храм. До 4 августа дружина работала под наблюдением Абольника. Вечером того дня учитель выехал в город для подготовки тем к экзаменационным испытаниям по математике во всех классах, по причине отсутствия другого преподавателя по данному предмету. На время своего отсутствия Абольник поручил воспитательный надзор и распределение работ местному учителю. В свободные от занятий дни, Абольник приезжал в село, привозя с собой новых дружинников, взамен уезжавших.

Кроме восьми учеников изъявили желание принять участие в полевых работах еще четыре ученика 4-6 классов реального училища. Они были в разное время откомандированы на работу. Двое из них, Болотов и Кривенко, вызвались работать последние дни в 7 верстах от Шадрино в селе Бурановское. Туда они и были отправлены вместе с «самосброской» по просьбе жителя этого села, вернувшегося в отпуск с фронта. Он настоятельно приглашал помочь двум семьям его односельчан, находившимся в «беспомощном состоянии» [6, л. 70об.].

Работы закончились 20 августа. Всего насчитывалось 14 рабочих дней. На праздники пришлось 9 дней и 5 дней шли дожди. Всего было убрано 62 $\frac{1}{4}$ десятины хлеба. Если принять во внимание, что каждый день в работе принимало участие не более 6 учащихся, то следовало считать труд учеников «достаточно» продуктивным. Большей продуктивности работы препятствовало отсутствие в распоряжении дружины машин с момента приезда в село. Имело место некоторое недоверие, проявленное на первых порах собственниками машин. Они сомневались относительно умелости дружинников: боялись поломки, хотя Абольник заверил, что ответственность за

целость машины и исправление ее, несет дружина. В связи с этим отсутствовало необходимое количество машин. Только через неделю после прибытия в село работы пошли полным ходом, когда селяне «воочию убедились в искусстве» учеников и стали охотно предлагать свои машины для уборки. Затем прибыли из города машины, присланные АСХО. Последние были оставлены Абольником на попечение учителей сел Шадрино и Бурановского для предоставления их женам запасных, наиболее нуждающимся.

По мнению Абольника, полевые работы оказали на учащихся в воспитательном отношении «благотворное» влияние. Каждый чувствовал, что своим трудом он приобщается к доблестной армии, принимая «личное участие в общем великом деле дорогой Родины» [6, л. 71]. В физическом отношении условия полевых работ сослужили также известную пользу: по наблюдениям учителя участники дружины заметно окрепли и «поздоровели». Проезд дружины и продовольствие Абольник оплачивал из своих личных средств. В селе Шадрино помощь была оказана семьям 16 запасных солдат. В селе Бураново двум семьям. В большинстве хозяйств убрали пшеницу. Только в четырех семьях пшеницу и овес.

Была также организована дружина в Барнаульской мужской гимназии. На призыв директора гимназии откликнулись 6 гимназистов и реалист. Из них удалось организовать дружину монтеров для управления сельскохозяйственными машинами при уборке урожая. Дружина познакомилась с машинами при АСХО и приступила в июле к полевым работам в деревне Бельмесево [6, л. 28-28об.].

Всего в Барнаульском уезде летом 1915 г. было организовано 4 трудовые дружины. Первая состояла из 5 человек, вторая из 8 человек, третья – также из 8 человек и четвертая сначала из 6, а затем из 8 человек. Первая дружина была образована без участия учащихся местных учебных заведений. Во вторую вступили 3 ученика реального училища, 3 учителя, 1 студент и один воспитанник духовной семинарии. В третью дружину вошли 8 учеников мужской гимназии. В четвертую

дружину вступили сначала 6, затем 8 учеников реального училища [6, л. 440об.].

Первые три дружины состояли из лиц, прошедших устроенные специально для них АСХО монтерские курсы. Они работали самостоятельно небольшими группами. Последняя группа, состоявшая из учеников реального училища, была собрана за два дня до отъезда на место работы, и на курсах по машиноведению не занималась. Данная дружина приступила к практическим работам под руководством Капустина и под наблюдением учителя Абольника. Расходы на содержание дружинников 1 и 2 групп взяло на себя АСХО. Учащиеся гимназии поехали за счет своих средств. Реалисты содержались на личные сбережения учителя, возмещенные осенью из специальных средств училища. В связи с поздним образованием дружин учащиеся занимались уборкой полей. Особенно успешно шла работа у дружинников, посещавших монтерские курсы. Погода благоприятствовала уборке. Ученики гимназии трудились с 14 июля по 1 сентября, учащиеся реального училища с 23 июля по 20 августа. На здоровье учащихся и их психическое состояние физический труд оказал благотворное влияние. Крестьяне на первых порах относились к деятельности дружинников недоверчиво, полагая, по недоразумению и недостаточной осведомленности, что за работу учащихся будут взysкиваться в дальнейшем деньги. Недоверие это в некоторых селениях старались поддерживать лица, заинтересованные в эксплуатации бедноты. Не смотря на эти моменты, дружинникам удалось завоевать благожелательное отношение со стороны большинства населения и благодарность крестьян, пользовавшихся бесплатной их помощью.

Организация трудовых дружин школ МНП в Барнауле и Бийске в 1915 г. имела ряд особенностей. Дружины приняли участие в полевых работах со второй половины июля. Этому способствовали следующие моменты: МНП выступило с инициативой о создании дружин только в июне, отсутствовала проработанная нормативная база по формированию дружин, не было налажено взаимодействие между учебными заведениями и учреждениями, оказывающими помощь крестьянам.

Библиографический список

1. Яковлев, Л.Н. Доклад об основании Комитета для организации в 1916 г. полевых работ на землях призванных // Алтайский крестьянин. – 1915. – № 42.
2. Алтайское сельскохозяйственное общество (об ученических дружинах) // Алтайский крестьянин. – 1916. – № 47.
3. Крестьянство в Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1983.
4. Шамахов, Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями. – Томск, 1966.
5. Гордиенко, О.Н. Организация трудовых дружин учащихся в помощь солдатским семьям на территории Алтайского округа в период первой мировой войны // Вестник ТГПУ. – Томск, 2008.
6. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 126. Оп. 2. Д. 3054.

Bibliography

1. Yakovlev, L.N. Doklad ob osnovanii Komiteta dlya organizatsii v 1916 g. polevikh rabot na zemlyakh prizvannikh // Altajskij krest'yanin. – 1915. – № 42.
2. Altajskoe sel'skokhozyajstvennoe obshchestvo (ob uchenicheskikh družinakh) // Altajskij krest'yanin. – 1916. – № 47.
3. Krest'yanstvo v Sibiri v period kapitalizma. – Novosibirsk, 1983.
4. Shamakhov, F.F. Shkola Zapadnoj Sibiri mezdu dvumya burzhuažno-demokratičeskimi revolyuciyami. – Tomsk, 1966.
5. Gordienko, O.N. Organizatsiya trudovikh družin uchastnikh v pomoť soldatskim sem'jam na territorii Altajskogo okruga v period pervoj mirovoj vojny // Vestnik TGPU. – Tomsk, 2008.
6. GATO (Gosudarstvennij arkhiv Tomskoj oblasti). F. 126. Op. 2. D. 3054.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК: 94 (100)

Yurchenko E.S. W. WILSON'S ADMINISTRATION POSITION ON THE PROBLEM OF STATUS OF NATIONAL STATES, APPEARING ON THE TERRITORY OF FORMER RUSSIAN EMPIRE, DURING PARIS PEACE CONFERENCE. The article deals with self-determination of nations problems of Russian – American relations in 1919-1920. The author of the article investigates the connection between a new track in foreign affairs of W. Wilson's government and development of separatist's movement in former provinces of Russian Empire. Attitude of USA to the national question crises and the problem of the status of national states.

Key words: self-determination, national question, status of national states, peace settlement, borderline conflict, territorial integrity.

Е.С. Юрченко, ст. преп. каф. всемирной истории ГОУ ВПО ДВГУ, г. Хабаровск, E-mail: Y-K22@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ В. ВИЛЬСОНА К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ, ОБРАЗОВАВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В работе отражена позиция американского руководства по вопросу о статусе национальных государственных образований в период проведения Парижской мирной конференции. Отношение администрации США к концепции самоопределения наций и роль национального вопроса в «русской политике» официального Вашингтона в 1919-1920 гг.

Ключевые слова: признание независимости, территориальная целостность, самоопределение наций, территориально-пограничные конфликты, внешнеполитическая стратегия.

Поиск путей и методов завоевания и сохранения доминирующего положения на международной арене уже больше века остается для правительства США центральной проблемой. В период развития дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве в 90-е гг. США планомерно наращивали силовое давление, стремясь закрепить получившие независимость республики в орбите американского влияния, а также обеспечить военное присутствие в регионе СНГ [1]. Поддержка администрацией США чеченских сепаратистов, попытки вмешаться в развитие грузино-абхазского конфликта, а также курс на «отрыв» Косова от Сербии, – все это свидетельствует о том, что фактор национального самоопределения является одним из наиболее актуальных методов реализации государственных интересов для американского руководства. В связи с этим особое значение приобретает изучение истоков курса администрации Белого Дома на формирование моноэтнических государств, а также анализ первых попыток правительства США использовать национальный вопрос в России для реализации внешнеполитических целей и задач.

Необходимо отметить, что проблема взаимодействия администрации В. Вильсона с правительствами национальных окраин бывшей Российской империи крайне незначительно представлена как в работах отечественных, так и зарубежных исследователей. Она, как правило, рассматривается либо в контексте общей политики иностранных государств по отношению к национальным правительствам в период гражданской войны и интервенции, либо в рамках исследования истории национального вопроса в России¹⁵. Для большинства отечественных исследований характерно признание того факта, что национальные правительства полностью доверили гарантии суверенитета своих стран иностранным державам, которые использовали процесс дезинтеграции Российской империи для реализации собственных целей и задач.

Среди исследований, затрагивающих проблему отношения правительства США к вопросу о будущем национальных государственных образований необходимо отметить исследования Дж. Киракосяна в которых нашло отражение намерение правительства США еще в конце XIX века вступить в борьбу с европейскими державами за контроль над черноморскими проливами и Турецкой Арменией [2; 3]. В работе А. Ментешавили «Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой.

1918 – 1921 гг.» рассмотрены отдельные аспекты политики американского руководства в отношении государств Закавказья в период иностранной интервенции [4].

Англоязычные авторы больше акцентируют внимание на стремлении администрации Вильсона заложить право наций на самоопределение в основу послевоенного мирного урегулирования, чтобы им могли воспользоваться народы, достигшие определенного уровня экономической и политической зрелости [5, с. 99-100]. Расхождение между правом наций на самоопределение и декларировавшимся президентом стремлением сохранить территориальную целостность России, они объясняют тем, что в представлении президента реализация права на самоопределение в отношении всех, претендующих на суверенитет государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи, была невозможна. Так Д. Фоглесонг отмечает двойственное отношение американского президента к тому, какие из наций могут немедленно претендовать на независимость, а какие должны будут пройти длительный путь становления государственности под патронажем более развитой демократической державы [6, с. 602–626].

Первая мировая война коренным образом изменила политическую карту мира. Крушение империй, возникновение огромного количества слабых, неспособных противостоять утверждению иностранного влияния национальных государств, – все это предоставило исключительную возможность укрепить позиции США в послевоенном мире. Еще в ходе Первой мировой войны американская администрация предложила заложить принцип самоопределения наций в основу послевоенного мирного урегулирования. Включив в него национальный компонент, американский президент выступил за воссоздание независимого Польского государства и передачу Турецкой Армении под международный контроль. Однако реализация этих инициатив зависела от позиции российского руководства, стремившегося не допускать иностранного вмешательства в решение «польского вопроса», а также добивавшегося, чтобы Турецкая Армения и черноморские проливы были переданы России. Революционные кризисы, гражданская война и дезинтеграция российского государства в 1917-1918 г. экономическая и политическая отсталость большинства национальных регионов, их стремление заручиться иностранной поддержкой способствовали тому, что к концу 1918 г. большинство окраин бывшей Российской империи оказались под контролем иностранных государств.

Правительство США было ограничено в средствах реализации целей и задач внешней политики из-за сильных изоляционистских традиций и оппозиции в Конгрессе. Руководство Белого Дома рассчитывало, что создание международного регулирующего механизма Лиги Наций, позволит США играть ключевую роль при решении вопроса о статусе и границах новых государств. На Парижской мирной конференции, проходившей с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г., позиция американской делегации отличалась двойственностью. С одной стороны, принцип самоопределения народов являлся ос-

¹⁵ См. подробнее: Аманджолова, Д.А. Национальный вопрос в России в годы гражданской войны / Д. А. Аманджолова. URL: <http://his.lseptember.ru> (дата обращения 4. 10. 2005); Гушин, А.В. Польша и вопрос о международно – правовой охране национальных меньшинств на Парижской мирной конференции / А. В. Гушин. URL: <http://i-grappa.livejournal.com/291302.html> (дата обращения 15. 09.2009); Клейменова, Н.Е. Польский вопрос во внешней политике России в первой мировой войне август 1914 – октябрь 1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Е. Клейменова. – М., 1996; Михайлов, Я. Л. Экспансия британского империализма в Азербайджане (1918-1920): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Я. Л. Михайлов. – Баку, 1985; Пипия, Г. В. Германский империализм в Закавказье / Г.В. Пипия. – М., 1978;

новой американской мирной программы, с другой его реализация в отношении всех национальностей была невозможна, поскольку была связана с вопросом о территориальной целостности Германии, Турции и России и вызывала острые противоречия между союзниками. Администрация В. Вильсона настаивала, чтобы представители национальных окраин к не были допущены к участию в мирной конференции. Последовательно добиваясь решения всех вопросов, связанных с судьбой новых государств посредством Лиги Наций, американское руководство на протяжении 1919- 1920 гг. стремилось лишить своих стратегических соперников возможности действовать в одностороннем порядке. Намерение Франции укрепить свои позиции в Центральной Европе за счет усиления Польши, также как попытки Великобритании закрепиться в Закавказье за счет поощрения сепаратизма национальных правительств, как и стремление Японии создать буферное государство на Дальнем Востоке встретили активное противодействие американской стороны.

В конце января 1919 г. разведывательная группа Американской комиссии по заключению мирного договора подготовила проект рекомендаций. Согласно ему, «пограничные районы», не обладавшие «достаточными возможностями для создания сильных независимых государств, особенно балтийские провинции и Украину», следовало поощрять к объединению с Россией в том случае, «если это воссоединение может быть осуществлено в рамках федеративной или подлинно демократической России». С другой стороны, заявляли специалисты, если большевики удержатся у власти, «не остается иной альтернативы, кроме как признать независимость и определить границы» проживания нерусских национальностей [7, с. 338]. В ноябре 1918 – феврале 1919 г. советские войска заняли почти всю территорию Белоруссии, значительную часть Прибалтики, Левобережную Украину. Постановлением от 13 ноября 1918 г. ВЦИК об аннулировал Брест – Литовский мирный договор. В постановлении подчеркивалось, что трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа должны сами решить свою судьбу. После того как в марте 1919 г., советский режим был установлен в Риге и на большей части территории Латвии, правительство США одобрило продвижение германских войск в Прибалтике. Госсекретарь США Р. Лансинг поддержал идею главы Американской администрации помощи Г.К. Гувера предоставить помощь прибалтийским государствам в расчете, что рано или поздно германские силы будут заменены латвийской армией [8, с. 347]. При этом союзники хотели иметь гарантии того, что Германия покинет Прибалтику, как только это потребуется. 2 мая 1919 г. при обсуждении текста договора с Германией они включили положение о том, что «Германия признает и ожидает неотъемлемой независимости всех территорий, которые были частями бывшей Российской империи» [9, с. 342–344].

Воспользовавшись стремлением американского руководства использовать войска национальных государств в качестве альтернативы союзной интервенции, К.Г. Маннергейм, которого после поражения Германии Сейм Финляндии назначил регентом, предложил союзникам использовать финские войска для захвата Петрограда [10, с. 178]. Маннергейм изъявил готовность начать боевые действия, если США согласятся быстро доставить запасы продовольствия в Финляндию, и пообещают ему территориальную компенсацию на Мурманском полуострове. Предложение

Маннергейма стало для руководства США поводом определить свою позицию по вопросу о предоставлении дипломатического признания Финляндии¹⁶. 1 мая 1919 г. госсекретарь

США Р. Лансинг обратился к президенту в связи с инициативой британской стороны включить вопрос о признании финской независимости в повестку дня встречи Совета министров иностранных дел. «Это ставит нас лицом к лицу перед всеобщей политической признавать ли как отдельные суверенитеты все части бывшей Российской империи...», – писал Лансинг, – Я не хочу задевать достоинства Финляндии, которая как вы знаете, исключительно сильна, но мне необходим ваш совет по общей политике относительно признания государств, выделившихся из состава России» [9, с. 319]. В ответ президент выразил свою убежденность в том, что признание Финского правительства «не обременит правительство США признанием независимости других частей бывшей Российской империи» [9, с. 404]. 7 мая 1919 г. правительство США де-факто признало независимость Финляндии.

19 июня состоялось соглашение между К. Маннергеймом и Н.Н. Юденичем о совместных действиях. Союзники информировали Маннергейма о том, что «у них нет возражений против начала его боевых операций с целью взятия Петрограда» [6, с. 623]. Однако адмирал Колчак отверг соглашение Юденича-Маннергейма, заявив, что только русское Учредительное собрание, которое соберется после свержения большевистского режима в Москве, может признать независимость Финляндии. Наступление на Петроград провалилось. В июле, Маннергейм не смог занять пост президента Финляндии на выборах, продемонстрировавших усиление левоцентристских партий, выступивших против вмешательства в гражданскую войну в России [11, с. 707].

Борьба вокруг проблемы признания независимости национальных окраин России оказалась тесно связанной с борьбой за дипломатическое признание правительства А.В. Колчака. В качестве одного из основных условий продолжения союзнической помощи Совет четырех потребовал от Омского правительства признания независимости Польши и Финляндии, и чтобы все отношения между Латвией, Литвой, Эстонией, Кавказскими и Закавказскими территориями и Россией решались при посредничестве Лиги Наций [8, с. 468–470]. 4 июня 1919 г. Колчак признал независимость Польши, но подчеркнул, что её границы, как и судьба Финляндии и Бессарабии, будут определены новым Учредительным собранием. Верховный правитель согласился с автономией Прибалтики, Кавказа и Закаспия, но размеры этих автономий должны быть определены отдельно. В этом вопросе допускалось посредничество Лиги Наций.

Союзники продолжали реализовывать собственные внешнеполитические задачи. Желая укрепить свои позиции в Восточной Европе и создать буфер между Советской Россией и Германией, правительство Франции поощряло захватническую политику Польши на Востоке. Ставший главой польского государства в ноябре 1918 г. Ю. Пилсудский спустя пять дней после подписания Германией Компьенского перемирия провозгласил создание независимой Польши [12, с. 20]. Руководство Польши старалось захватить как можно больше территорий на Востоке. Из Франции в Польшу начали перебрасываться войска Ю. Галлера, которые вскоре развернули активные наступательные действия в Восточной Галиции против украинских войск. Как указывал в своем донесении 11 апреля 1919 г. президенту В. Вильсону американский представитель при миссии государств Антанты в Польше генерал-майор Дж. Кернан: «Хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идет речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного. Напротив, я с удовлетворением отмечал, что даже незначительные стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и о намерении как можно скорее занять русские земли и продвинуться насколько возможно

¹⁶ Финляндия объявила о своей независимости еще в 2 декабря 1917 г. Однако правительство США отказалось предоставить ей дипломатическое признание, сославшись на невозможность такого шага до созыва российского Учредительного собрания. См: State Dept. to

Embassy – St. Petersburg. December 13. Russia: From Czar to Commissars, 1914–1918. г. 5

далее» [12, с. 21]. И. Падеревский, возглавивший польскую делегацию в Париже объяснил военные мероприятия на Востоке беззаконием, чинимым по его словам, украинской армией. Однако американское руководство увидело в действиях польской армии попытки французских военных осуществить план по созданию санитарного кордона против большевиков [8, с. 531]. Несмотря на то, что США последовательно поддерживали идею воссоздания единой Польши с выходом к Балтике, укрепление позиций Франции в Восточной Европе за счет создания санитарного кордона противоречило планам американского руководства.

Американская администрация рассчитывала получить на конференции мандат на управление Турцией, и готовилась вести туда свои войска. Поскольку еще в октябре 1918 г. правительства США заявили о намерении сделать Кавказ частью Турции, то мандат подразумевал и включение Кавказа в сферу влияния США [13, с. 81-82]. В середине марта 1919 г. в Тифлис прибыли представители США Ф. Смит и Дж. Б. Мур. 22 марта состоялась их встреча с министром иностранных дел Грузии Е. Гегечкори и министром внутренних дел Н. Рамизвили. Грузинские руководители акцентировали внимание на том, что молодой грузинской демократии невозможно будет выжить без помощи извне. Добившись согласия на мандат США, американцы пообещали Грузии продовольственную и финансовую помощь [4]. Однако осенью 1919 г. в Закавказье побывала американская военная миссия во главе с генералом Д. Харбордом. Выводы генерала были неутешительны: «С точки зрения Запада все три правительства абсолютно не обладают никакой властью, не пользуются доверием и, несомненно, коррумпированы. Каждое из них находится в крайне запутанном финансовом положении. Ко всем этим сложностям добавляются религиозные различия, что постоянно грозит раздорами, если над ними не будет установлен общий контроль... Мы убедились, что каждый из этих народов с удовольствием согласился бы на передачу своего государства под мандат любой державы» [4].

Тем не менее, представители национальных правительств Закавказья не теряли надежды заручиться поддержкой США. 28 мая 1919 г. азербайджанской делегации в Париже удалось встретиться с президентом В. Вильсоном. Но Вильсон заявил, что вопрос Азербайджана будет решаться после решения вопроса о России. Азербайджанская делегация надеялась с помощью союзников урегулировать не только вопрос о дипломатическом признании и финансовой поддержке, но и о претензиях Ирана на территорию Азербайджана. С этой целью в Париже с 23 по 28 мая 1919 г. были проведены встречи с английским представителем Л. Маллетом и представителем США, бывшим послом в Турции Г. Морганом. После того как в Лондоне 19 августа 1919 г. был заключен англо-иранский договор, Иран отказался от территориальных претензий к Азербайджану. 1 ноября 1919 г. Иран признал независимость Азербайджана, и установил с Баку дипломатические отношения. «Совет десяти» Парижской мирной конференции осенью 1919 г. предложил мандат на Азербайджан Италии. Лишь падение кабинета В. Орландо не позволило итальянцам, которые планировали ввести в регион 100 тысячный контингент войск, оккупировать Закавказье. Новый кабинет Ф. Нитти не решился на такую операцию.

Активизация войск Н.Н. Юденича и А.И. Деникина в августе-сентябре 1919 г. заставила союзников занять выжидательную позицию по вопросу о признании правительств Закавказских республик. 14 ноября 1919 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Н. Керзон заявил, что «вопрос о признании Грузии связан и с признанием других Закавказских республик, что, в свою очередь, связано с решением всего «русского вопроса» и, хоть и в меньшей степени, с условиями мирного договора с Турцией» [4]. Правительство США, занятое подготовкой к голосованию в Конгрессе по вопросу о ра-

тификации Версальского договора, воздержалось от заявлений.

В Прибалтике, где в состав Северо-Западной армии продолжали вливаться немецкие части, британские представители решили поддержать независимость балтийских государств. В августе 1919 г. британские генералы добились от Н.Н. Юденича подписания «предварительной декларации», предусматривавшей независимость Эстонии. Российский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметев немедленно проинформировал Государственный департамент США, что Юденич не имел полномочий предпринимать подобный шаг. Эстонцы попытались получить от союзников в Париже признание де-юре. Когда союзники отказались, они приняли предложение Советского правительства начать мирные переговоры. В середине сентября в Ревеле прошла конференция четырех балтийских государств. В донесении российского посланника в Швеции К.Н. Гулькевича министру иностранных дел Омского и Екатеринбургского правительств Д.С. Сазонову подчеркивалось, что переговоры ведутся с ведома союзников¹⁷. Б.А. Бахметев заявил в Госдепартаменте, что неясная политика союзников может толковаться народностями как поддержка сепаратистских тенденций¹⁸. 23 октября внешнеполитическое ведомство США одобрило инициативу Бахметева обратиться к британскому правительству с предложением, выдвинуть ультиматум правительствам балтийских государств и пригрозить им прекратить помощь, если они не прекратят переговоры с большевиками [11, с. 714,721]. Однако рост республиканской оппозиции и тяжелая болезнь заставили президента Вильсона в конце 1919 г. уклониться от вмешательства в развитие ситуации в Прибалтике и других регионах. Уже 13 декабря Лансинг заявил, что несмотря на «бедственное положение Эстонии», Соединенные Штаты лишены возможности оказывать поддержку этой стране, и что лично он «против расчленения России» [11, с. 748-749].

Д.С. Сазонов полагал, что в связи с ростом влияния левых на общественное мнение в Европе и Америке и возрастающими финансовыми затруднениями союзников, те будут все настойчивее продвигать мысль о «...необходимости привлечения к борьбе с большевиками всех, возникших на окраинах России государственных образований...». Он обратился к своим заместителям в Иркутске и Таганроге с просьбой информировать его о состоянии дел в России исходя из чего, рекомендовал, либо постараться избежать переговоров на данную тему как можно дольше, либо определиться в отношении степени уступок для каждого из национальных государственных образований¹⁹.

8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты огласил Декларацию о временных восточных границах Польши, согласно которой границей стала линия этнографического преобладания польского населения от Восточной Пруссии до бывшей русско-австрийской границы на Буге. Относительно оккупированных Польшей земель на востоке в декларации не было сказано ни слова. Д. С. Сазонов призвал Б.А. Бахметева усилить воздействие на американское правительство с целью не допустить реализации в жизнь этого плана²⁰. Бахметев ответил, что речь Ллойд Джорджа от 17 ноября, в которой он указал на опасность для Англии сохранения единой России,

¹⁷Посланник в Швеции К.Н. Гулькевич докладывал Д.С. Сазонову: «Представители одной из тесно связанных с Великобританией Держав стремятся убедить меня, что и создание независимости недавних наших северо-западных окраин и переговоры с большевиками – составные части глубоко продуманного плана, конечная цель которого: помешать возрождению нашей Родины в прежнем значении и величии». ГАРФ, ф.10003, к. 86, р. 5.

¹⁸Посол в Вашингтоне – поверенному в делах в Лондоне. 13 ноября 1919 г. ГАРФ, ф. 10003, к. 93, р. 3.

¹⁹Министр – МИД. 28 ноября 1919 г. ГАРФ, ф.10003, к. 86, р. 3.

²⁰Министр – Послу в Вашингтоне. 16 декабря 1919 г. ГАРФ, ф.10003, к. 93, р. 3.

вызвала в целом негативную реакцию в США. По его мнению, «это укрепляет американцев в мысли об отсутствии единства целей и побуждений с союзниками и неизбежности для Америки независимой политики в отношении России»²¹.

20 января 1920 г. госсекретарь направил президенту доклад по ситуации в России, с рекомендацией представить в Конгрессе в виде специального послания и послание английского премьера. В послании Ллойд Джорджа говорилось, что один из выводов, к которым пришли союзные правительства – то, что они должны провозгласить политику невмешательства в границы России, но при этом признать независимость пограничных государств [14, с. 307-309]. Вскоре после этого правительства Великобритании и Франции признали де-факто независимость Грузии и Азербайджана и Армении.

США отказались присоединиться к решению союзников. В конце января 1920 г. Бахметев доложил Сазонову в Париж, что Америка осознает, что «политика вознаграждения национальностей и пограничных государств за их отпор большевизму путем присоединения русских территорий или признания независимости ведет лишь к усилению большевиков, так как подобная борьба с большевистской опасностью за счет России объективно обращает большевистское военное движение в действие, направленное к защите и охранению России как таковой»²². Однако, для руководства США проблема Закавказских республик была неотъемлемой составляющей вопроса о судьбе Турции, Турецкой Армении и черноморских проливов [11, с. 778]. Поэтому уже в апреле 1920 г. правительство США признало де-факто независимость Армении. Верховный Совет союзных держав предложил президенту США В. Вильсону роль третейского судьи в определении армяно-турецкой границы и принять мандат на Армению [11, с. 779-783]. Американский президент выразил свое согласие и 24 мая 1920 г. обратился за полномочиями к Конгрессу [15]. Однако Сенат США отклонил предложение президента. По воспоминаниям сенатора Ф.Б. Маршала отказ основывался большей частью на докладе генерал-майора Джеймса Харборда. В докладе подчеркивался серьезный характер проблемы обеспечения с помощью военной силы внутреннего порядка и защиты региона от внешней агрессии. Отмечались политические осложнения, которые могли возникнуть для целого поколения или больше, если США ввяжутся в водоворот Восточного вопроса. Финансовое бремя мандата определялось высокой цифрой в 750 млн. долл. на период в пять лет [15].

В. Вильсон добился включения Армении в число стран победительниц при подписании мирного договора с Турцией

10 августа 1920 г. Он предложил передать Армянскому государству несколько вилайетов Турции. Турецкий парламент отказался ратифицировать договор, и войска Турции вновь вторглись в Армению. В связи с угрозой захвата столицы, ее правительство было вынуждено подписать перемирие, и Армению заняли войска Красной армии. К этому времени Советское правительство уже подписало мирный договор с Эстонией 2 февраля 1920 г., спустя полгода были заключены мирные договоры с Литвой (11 июля) и Латвией (12 августа). Осенью 1920 г. войска Красной армии заняли Украину. В связи с советизацией Армении союзники в конце декабря 1920 г. попытались привлечь американского президента к урегулированию ситуации. Однако Вильсон отказался. Он заявил, что всеобщего мира можно будет достичь только заключением соглашения между великими державами не пользоваться сложившимися в России условиями, и не нарушать ее территориальную целостность [16, с. 236].

Период проведения Парижской мирной конференции характеризуется наиболее активной политикой США направленной на ограничение суверенитета российского государства в решении вопроса о территориальной целостности страны и стремлением добиться в отношении России провозглашенного Вильсоном принципа «одна страна – одна нация». Не имея возможности из-за противодействия республиканской оппозиции опереться на масштабное военное присутствие, Вильсон стремился не допустить раздела де-факто территории империи между союзниками, и оттягивал предоставление независимости слабым, неспособным к самостоятельному выживанию национальным образованиям. При этом американская делегация добивалась от союзников отказа от интервенции в Россию и соблюдения в отношении нее принципа территориальной целостности. Это позволило бы прибегнуть к механизму Лиги Наций и посредничеству США при решении вопроса о статусе и границах национальных государств. Несмотря на то, что попытки официального Вашингтона использовать национальный вопрос в России для реализации внешнеполитических задач в 1919-1920 гг. оказались малоэффективными, они оказали существенное влияние на выбор средств и методов утверждения геополитического влияния США последующими администрациями.

²¹ Там же.

²² Посол в Вашингтоне – министру. 23 января 1920 г. ГАРФ. ф.10003. к. 86. р. 1.

Библиографический список

1. Кавтарадзе, С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве / С. Д. Кавтарадзе. – М.: Владос, 2005.
2. Киракосян, Дж. Ближневосточный кризис 1895 – 97 гг., Армения и политика США / Дж. Киракосян // Вопросы востоковедения. – Ереван. – 1983. – Вып. 1–2.
3. Киракосян, Дж. Западная Армения в годы Первой мировой войны. – Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1971.
4. Ментешавили, А. Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918 – 1921 гг. [Э/р]. – Тбилиси, 1989. – URL: <http://www.infospace.narod.ru>
5. Lansing, R. The Peace Negotiations. A personal narrative. – Boston; N.Y.: Houghton Mifflin company, 1935.
6. Фоглесонг, С.Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 гг. // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1998.
7. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1986. –Vol. 53.
8. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1989. –Vol. 59.
9. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1988. –Vol. 58.
10. Иоффе, Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. – СПб., 2005
11. Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Russia. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1936.
12. Мельтюхов, М. И. Советско – польские войны. Военно – политическое противостояние 1918 – 1939 гг. [Э/р]. – URL: <http://wcry.narod.ru>
13. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1987. –Vol. 55.
14. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1991. –Vol. 64.
15. Барсегов, Ю. Г. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий: в 2 т. [Э/р]. – URL: <http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v1/425-442.htm>. – Т.1.
16. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1992. –Vol. 67.

Bibliography

1. Kavtaradze, S.D. Ehtnopoliticheskie konfliktih na postsovetском prostranstve / S. D. Kavtaradze. – M.: Vidos, 2005.
2. Kirakosyan, Dzh. Blizhnévostochniy krizis 1895 – 97 gg., Armeniya i politika SShA / Dzh. Kirakosyan // Voprosih vostokovedeniya. – Erevan. – 1983. – Vihp. 1– 2.
3. Kirakosyan, Dzh. Zapadnaya Armeniya v godih Pervoy mirovoy vojnih. – Erevan: Izd-vo Erevanskogo universiteta, 1971.
4. Menteshashvili, A. Iz istorii vzaimootnosheniy Gruzinskoy Demokraticheskoy Respubliki s sovetской Rossiej i Antantoy. 1918 – 1921 gg. [Eh/r]. – Tbilisi, 1989. – URL: <http://www.infospace.narod.ru>
5. Lansing, R. The Peace Negotiations. A personal narrative. – Boston; N.Y.: Houghton MIFFLIN kompani, 1935.
6. Foglesong, S.D. Soedinenniye Shtatih, problema samoopredeleniya natsiy i borjba protiv bolshevikov v Pribaltike. 1918–1920 gg. // Pervaya mirovaya vojna: Prolog XX veka. – M.: Nauka, 1998.
7. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1986. –Vol. 53.
8. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1989. –Vol. 59.
9. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1988. –Vol. 58.
10. Ioffe, Eh. Linii Mannergejma. Pisjma i dokumentih. Taynih i otrikhiya. – SPb., 2005
11. Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Russia. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1936.
12. Meljtyukhov, M. I. Sovetsko – poljskie vojnih. Voенно – politicheskoe protivostoyanie 1918 – 1939 gg. [Eh/r]. – URL: <http://wcry.narod.ru>
13. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1987. –Vol. 55.
14. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1991. –Vol. 64.
15. Barsegov, Yu. G. Genocid arмян. Otvetstvennostj Turcii i obyazateljstva mirovogo soobthstva. Dokumentih i kommentarij: v 2 t. [Eh/r]. – URL: <http://www.genocide.ru/lib/barsegov/responsibility/v1/425-442.htm>. – T.1.
16. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1992. –Vol. 67.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 9(с)17

Novikov I.A. USE OF REGIONAL APPROACH TO THE STUDY OF THE RUSSIAN EMPIRE MINING INDUSTRY XVIII – EARLY XIX CENTURY. The article reflects the results of a regional approach in the study of mining industry in the Russian Empire XVIII – early XIX centuries and its control system, analyzed the reasons for the creation and evolution of regional governments to the mining and metallurgical industry of Russia in this period, revealed similarities and differences in the various mining and metallurgical regions.

Key words: the regional approach, mining industry, the industrial complex, mountain plants, mining bosses.

И.А. Новиков, канд. ист. наук, доц., Челябинский государственный педуниверситет, г. Челябинск,
E-mail: mns@gasu.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

В статье отражены результаты применения регионального подхода при изучении горнозаводской промышленности Российской империи XVIII – начала XIX вв. и системы управления ее; проанализированы причины создания и эволюции региональных органов управления горнозаводской промышленностью России в данный период, выявлены общие черты и отличия в различных горнозаводских регионах.

Ключевые слова: региональный подход, горнозаводская промышленность, индустриальный комплекс, горные заводы, горные начальства.

Начиная с 90-х гг. XX в., произошел всплеск интереса к изучению региональной тематики. Благодаря ему, были достигнуты определенные успехи, что позволило изучать характер Российской империи и СССР в различных временных плоскостях. Однако региональный подход до сих пор остается неопределенным в своих методологических основаниях, поэтому о наличии такого направления можно говорить лишь условно. Понятие «регион» крайне неопределенно. Особенно после образования федеральных округов. На такое «звание» претендуют любые территории, принципы выделения которых многообразны и зависят, как от историков, так и в большинстве случаев от региональных политиков. В подавляющем числе исследований способ воображения региона, причины и критерии выделения того или иного пространства не объясняются сколько-нибудь четко и подробно. Достаточно взглянуть на современные карты и школьные атласы, имеющиеся в постсоветских государствах. За этим скрывается убеждение историков, что выбранные ими границы региона «естественны», а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения. Чаще всего, границы пространства определяются политиками, а исто-

рики лишь подгоняют под официоз свою национальную историю в заданных сверху границах.

Вместе с тем, региональный или национально-региональный подход необходимо рассматривать как направление, которое способствует рассматривать протекание исторических процессов более объективно, акцентируя внимание не только на определенной территории, но и на их совокупности, т.к. ход событий во многом имеет единую основу, но с региональным оттенком. Особенно объективно данный подход проявляется при изучении различных аспектов горнозаводских регионов Российской империи и СССР: Уральского, Олонечского, Алтайского, Забайкальского, Южнорусского (Украинского), Закавказского (Грузинского), Западнорусского (Польского, Белорусского, Литовского). Связано это с тем, что горнозаводская промышленность является стержневой основой развития любого государства. Но при очевидной важности, данная тема не нашла своего отражения в исторической литературе. Региональные историки акцентируют внимание только на протекании процессов на «своей» горнозаводской территории [1].

Начиная с XVIII в., черная и цветная металлургия стали основой промышленного развития Российской империи и

отдельных ее регионов. В начале XXI в. металлургия – это третья по важности отрасль для бюджета России. Мы занимаем ныне четвертое место в мире по выплавке чугуна и стали. До революции уральский и южнорусский (украинский) экономические районы являлись основными горно-металлургическими центрами Российской империи. В настоящий момент они продолжают занимать лидирующие позиции в мировом производстве металла: Урал производит в год 17 млн. т чугуна, что составляет 35 % от общероссийского выпуска и 3,2% от мирового, а Украина – 22,5 млн. т и 4,2% от мирового [2, с. 30, 32].

Горнозаводские регионы – это старопромышленные районы, отличающиеся исторически сложившейся производственной структурой. Именно металлургия даёт основной толчок развитию всей индустрии данных регионов, что стало особенно заметно с вовлечением России и Украины в мировой экономический кризис. На их территории не найти аналогичных примеров столь мощного и во многом определяющего влияния этой отрасли на всё социально-экономическое развитие и территориальную организацию хозяйства. Вместе с тем, металлургия, как и вся экономика России и Украины – основных горнозаводских регионов дореформенной России, в условиях реформирования 90-х гг., переживала острый кризис, во многом аналогичный упадку горнозаводского производства в России конца XVIII, в 60-80-е гг. XIX и в начале XX в. Как и тогда, упадок производства был связан с изменением промышленной политики правительства, экспортной составляющей производства, а также изменением системы управления экономикой.

Развитие горнозаводского производства и его модернизация во многом зависели от потребностей русской армии. Правительство лихорадочно предпринимало меры для снабжения ее новым оружием. Сделать же это могла только горнозаводская промышленность. Потому-то на необъятных просторах России возникали металлургические заводы, расположенные не только у месторождений железных, медных и серебряно-винцовых руд, но и не слишком далеко от места сбыта, т.к. удаленность от них сказывалась на себестоимости металла и на его своевременной доставке. Необходимо было учитывать и потребность местного населения в металле на вновь присоединенных землях.

К концу XVIII в., благодаря победам в войне в против Османской империи и Польши, Россия сумела существенно расширить свои границы на юге и западе. Это привело к ликвидации в них рынка шведского металла, поскольку Россия установила высокие пошлины на его ввоз из-за границы, придавая, таким образом, большое значение становлению здесь металлургического производства. Результатом этого, стало появление в западнорусских губерниях, в Донбассе и в Закавказье новых заводов.

Но вновь присоединенные земли вдоль побережья Азовского и Черного морей надо было и защищать, и осваивать. В этих малонаселенных землях строились и новые крепости, и портовые города, а на верфях – корабли, нуждавшиеся в большом числе корабельных и крепостных артиллерийских орудий и снарядах. Всё это надо было производить на месте. Их эта задача, благодаря настойчивости Новороссийского генерал-губернатора Г.А. Потемкина (а затем П.А. Зубова) была решена. Организованные ими «поисковики», разведали в степном крае богатые месторождения каменного угля и других полезных ископаемых [3, л. 230]. Их освоение (посредством строительства завода) было поручено (по просьбам командира Черноморского адмиралтейства Н.С. Мордвинова и Новороссийского генерал-губернатора П.А. Зубова) Карлу Карловичу Гаскойну, выходцу из Шотландии, волею судьбы оказавшегося в 1786 г. в России и ставшего во главе Александровского пушечного завода в Карелии, а затем и директором Олонекских, Кронштадтского и Санкт-Петербургского заводов.

14 ноября 1795 г. Екатерина II подписала указ «Об устройстве литейного завода в Донецком уезде», при р. Лугани и об «учреждении ломки найденного там каменного угля», определив сумму на его сооружение – 650 тыс. рублей за счет казны [4, л. 264]. Строительство нового завода поручалось К.К. Гаскойну, на основании заключенного с ним соответствующего контракта [5, л. 13]. В связи с этим, на Александровском заводе в Петрозаводске началось изготовление необходимой техники, а весной 1796 г. на место постройки выехали К.К. Гаскойн, его первый управитель – А. Пикарон, управлявший до этого Кронштадтским заводом, шотландские мастера и рабочие с Олонекских заводов. В 1796 г. были построены дома для директора, мастеровых, склады, шахта в Лисичьем буераке (первая угольная шахта в России).

С самого начала строительства очень остро встал кадровый вопрос. Решался он за счёт мастеровых Олонекских заводов, закрытых из-за безлесья, а также Липецких заводов, Херсонского литейного двора [6, л. 22; 7, л. 32; 4, л. 265]. К.К. Гаскойн установил на строительстве строгую дисциплины, в отношении пьянства рабочих. Он запретил продавать вино и крепкие напитки при рудниках и заводах и выступил за сокращение числа имеющихся здесь кабаков [4, л. 267-267об]. Выступил он и за сокращение всех праздничных дней, определив выходными лишь воскресенье и еще четыре дня в году. Пьяниц он стал лишать «награждения», а ведущих трезвый образ – поощрять. Кроме того, приветствовалось чистота в избах и употребление полпива вместо вина [8, л. 15-16]. Кроме россиян, использовались «в работе» и польские военнопленные. В 1797 г. их было 70 чел. Спустя пять, их осталось 54 чел. После многочисленных просьб, они были отпущены на родину [9, л. 2].

Вновь выстроенный Луганский завод стал поставлять Черноморский флот и крепостям Азовского и Черноморского побережий пушки малых калибров, гранаты и ядра. Помимо этого, он отливал различные чугунные изделия: литые, решетки для печей винокурных заводов, памятники, кресты для церквей и др. [10, л. 15-17]. В работе он использовал привозной уральский чугун, доставлявшийся сюда весной по высокой весенней воде. Попытки организовать здесь свою плавку (на основе местных руд) оказались неудачными. В октябре 1800 г. строительство было закончено и на Украине была задута первая доменная печь. На ней (впервые в истории России и Украины) чугун был выплавлен с помощью каменноугольного кокса. Однако он оказался низкого качества. В дальнейшем попытки получения чугуна на коксе были также неудачными. Поэтому правительство вознамерилось закрыть Луганский (или Александровский) завод. Однако этого, не произошло, но данные «сопоры» очень подорвали здоровье К.К. Гаскойна и 20 июля 1806 г. он скончался [11, л. 32].

Природно-географические условия западно-русских губерний позволяли, как известно, еще с незапамятных времен (используя болотные руды и лесные ресурсы) получать железо. Отсутствие же развитой транспортной системы сильно повышало стоимость привозимого с Урала металла. В этих условиях развитие металлургического производства в западно-русских губерниях было для частных заводоладельцев экономически выгодным делом. Понемногу металл давали четыре завода: Вишневский (И. Хрептовича), Старинковский (А.И. Бенкендорфа), Чернявский (великого князя Николая Николаевича) и Налибокский (Л.П. Витгенштейна). Старейшим предприятием из них был Вишневский завод, на нём домна была задута еще в 1782 г. Он давал в среднем 10 тыс. пудов чугуна и стали. Берг-коллегия периодически рассматривала вопросы об оказании помощи владельцам заводов. Кроме того, металл добывался самими крестьянами из обломков старого железа. Словом, заводы западно-русских губерний и Царства Польского в среднем выплавляли в год до 6% общероссийского металла [12, л. 1-135; 13, л. 1-149; 14, с. 70-73; 15].

Значительная удаленность от центра страны, разбросанность горнозаводских регионов и необходимость контроля за частнозаводчиками понудили правительство создать центральное и региональное горнозаводское управление. В XVIII в. – это были Берг-коллегии, Кабинет Его Императорского Величества, Берг-конторы, Канцелярии заводов и горные начальства. С созданием в 1802 г. министерств, изменилась и структура органов управления горнозаводской промышленностью. Теперь её основой становятся горные правления (из одного или двух департаментов, в зависимости от формы собственности расположенных на подчиненной территории заводов).

Региональные органы горнозаводского управления создавались в зависимости от распространения металлургической промышленности на территории России. Их ядром стали в XVIII – начале XIX вв. сначала «бергамты», а затем – «Канцелярии заводов и горные начальства», а также «горные правления». По своему административно-правовому положению они приравнивались к губернским и провинциальным канцеляриям, берг-конторам, а управители – воеводам. Структура аппарата представляла собой разветвленную сеть «повытий» и приравненных к ним подразделений, которые со времени сливались, разделялись и реорганизовывались. В 20-е гг. XVIII в. возникло повышение, ведавшее Олонекскими Петровскими заводами (в их подчинение попадет с 1795 г. и Луганский завод); 1720 г. – Казанское; 1725 г. – Пермское и Нерчинское; 1736 – Томское и Кузнецкое; 1737 г. – Красноярское; 1747 г. – Колывано-Воскресенское; 1754 г. – Оренбургское; 1764 г. – Гороблагодатское горные начальства [12, л. 1; 16, л. 8; 5, л. 13; 17, с. 219; 18, с. 787].

От губернских и провинциальных властей им были переданы функции сбора по оброчным статьям, рекрутские наборы и сборы лошадей для драгунских команд. К ним поступали десятичный сбор и чрезвычайные подати с заводов. Именно они осуществляли контроль за частными заводами. В их функции состояло и освидетельствование причин остановки домен и вододействующего оборудования на заводах, рассмотрение земельных споров из-за месторождений и рудников, возникавших между казной и заводоладельцами [17, л. 220-221]. Данная региональная структура просуществовала (с небольшими изменениями) до 1781 г. и с 1797 по 1802 гг. – на Урале и до 1828 г. – в Западной Сибири (на Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводах).

На Сибирских (Уральских) заводах (до середины XVIII в. Урал считался частью Сибири, и поэтому заводы назывались Сибирскими) местные органы создавались под руководством И.Ф. Близера, В.Н. Татищева и В.И. Геннина. С 1722 по 1734 гг. В.И. Геннин пытался воспроизвести систему управления, которая действовала (под его руководством) на Олонекских заводах. В 1723 г. ими стал руководить Высший горный совет – Сибирский обербергамт (в строящемся Екатеринбурге). Постепенно в новую «столицу» были переведены все органы управления горнозаводским краем. Обербергамт являл собою сложный и разветвленный госаппарат управления, решавший задачи по управлению горнозаводской промышленностью Урала и Сибири. В годы деятельности Сибирского обербергамта были заложены основы местной системы управления горными заводами региона. В его подчинении находились низовые звенья – бергамты.

Подчиненность Екатеринбургу проявлялась и в назначении управителей и руководителей Нерчинского бергамта, а также в проведении ревизий подчиненного учреждения. Чаше всего это происходило в период уменьшения выплавки серебра на заводах. Так, в 1736 г., по решению В.Н. Татищева, на Нерчинский завод, для его осмотра и свидетельства руд, был послан бергмейстер Н.Г. Клеопин, заключивший, что «в силу многих разных рудных признаков ... здешнее место оставить не надлежит» [19, л. 1 об-2]. Это дало толчок для дальнейшего развития Нерчинских заводов.

Промышленный вектор перекинулся в середине 40-х гг. XVIII в. на Южный Урал. В 1744 г. Берг-коллегии и оренбургский губернатор И.И. Неплюев разработали совместное решение по строительству и развитию горных заводов на Южном Урале, но только за счет частной инициативы [20, с. 143]. Позднее, в 1753 г., Сенатским указом их строительство было разрешено не только государству, но и «партикулярным людям» [21, с. 907]. Заводы Южного Урала подчинялись, первоначально, непосредственно Канцелярии Главного правления заводов в Екатеринбурге, а с 1753 г. – Оренбургскому горному начальству, во главе с шихтмейстером А. Степановым [21, с. 899, 907; 22; 23; 24; 25]. В 1755 г. последнее было переведено в Уфу, т.к. «все состоящие в тамошней губернии заводы туда прилежат». Территория Оренбургского горного начальства была охвачена тогда «бунтами башкир». Поэтому заводы представляли собой «мини крепости» [22, л. 11-11 об; 25 об; 62 об; 98].

Передача 1 мая 1747 г. в казну Колывано-Воскресенских горных заводов А.Н. Демидова, привела к образованию одноименной Канцелярии горного начальства, во главе с бригадиром А.В. Безром [26, л. 1]. Но подчинялась она не Берг-коллегии, а Кабинету Е.И.В. [27, с. 700-701]. Связано это было с «производственной» спецификой заводов, добывавших серебро. Канцелярия возглавлялась начальником Колывано-Воскресенских заводов и состояла из общего присутствия и приказных служителей. В подчинении у неё находились горные и заводские конторы и земские управители, через которых осуществлялось руководство всей промышленностью, полицейские и судебные функции (в отношении приписных крестьян и мастеровых заводов и рудников).

Колывано-Воскресенское горное начальство, следуя указаниям Кабинета, постоянно расширяло границы и функции своего ведомства, распространяя административную власть на все большую территорию и на решение самых разнообразных функций. Его руководящим органом выступала Канцелярия – многофункциональное учреждение, осуществлявшее общее и специализированное управление подведомственными заводами, рудниками и населением, обслуживающим их. Она являлась важнейшим компонентом местной административно-хозяйственной системы, олицетворяя собой высший региональный уровень власти в регионе. Канцелярия состояла из присутствия и собственно канцелярии [28, с. 113-114]. Однако, некоторые важные вопросы решал сам главный командир. Таким образом, подлинного равенства между членами присутствия не существовало. Его центральной фигурой был главный командир Колывано-Воскресенского горного начальства. Назначаемый лично монархом, он обладал широкими полномочиями и был фактически высшим должностным лицом «горнозаводской» Западной Сибири.

С проведением Екатериной II губернской реформы и унификацией, управления Канцелярии заводов и горные начальства были (вслед за Берг-коллегией) закрыты. 23 марта 1783 г. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства была упразднена, а ее функции переданы Горной экспедиции Колыванской губернии для управления рудниками и заводами. Образование последней бфлю связано с реформой административно-хозяйственного управления территорий, рудниками и заводами Колывано-Воскресенского горного округа, в результате чего «свет» увидела Колыванская область и органы управления ею – казенный и судебный департаменты. Горная экспедиция вошла в состав казенного департамента [29, с. 874 – 875].

В 1785 г. в подчинение начальника Колывано-Воскресенских заводов перешла Горная экспедиция, ему предоставлялись все полномочия по руководству местными заводами, горнозаводской промышленностью и населением [30, л. 18-21]. Нерчинские заводы, как и Алтайские, находились у Кабинета на особом положении. 5 января 1787 г. Екатерина II подписала указ «Об отдаче Нерчинских заводов в ведомство

Кабинета Его Императорского Величества». Причиной передачи стала специфика заводского производства и поиск новой формы хозяйственного управления. Заводы были переданы под особое распоряжение генерал-майора М.Ф. Соймонова и управлялись как и Кольвано-Воскресенские [31, с. 787]. Вместо канцелярии, ими стала управлять горная Нерчинская экспедиция. Из-под ее юрисдикции отошли земские дела, «управление одними только горными и воинскими чинами и мастеровыми всякими заводскими людьми». Спустя год, 10 февраля 1788 г., эти обязанности Нерчинской горной экспедиции были подтверждены [19, л. 4 об-5].

Переход горных заводов под управление Горных экспедиций при Казенных палатах привел к падению производства, остановке и закрытию заводов. Всё это случилось из-за «невыполнения горных и заводских работ по независимости их от заводской команды воспоследовали немалые упущения и затруднения» [26, л. 115 об.]. Поэтому в 1797 г. Канцелярии были вновь восстановлены [32, с. 507], а Кольвано-Воскресенские и Нерчинские горные заводы переданы из ведомства Кабинета – Берг-коллегии. Для их руководства была учреждена (при Берг-коллегии) Экспедиция Кабинетских заводов во главе с А.Ф. Дерябиным [33, л. 681-681 об.].

Еще в период строительства Луганского завода начали создаваться будущие органы его управления. В 1795 г. был учрежден штат завода, а при Екатеринославской казенной палате – создана Горная экспедиция для управления литейным заводом [34, л. 35]. Открытие правления завода состоялось 5 августа 1798 г. В его обязанности входило, «все, что до соблюдения хорошего хозяйства касаться может, что полезно Императорскому Величеству...»: оно должно было следить за своевременной выдачей жалованья чиновникам, английским и русским мастерам, воинской команде, чтобы заводские строения содержались в прочности, вести заводскую корреспонденцию, предупреждать все недостатки в действии... завода, в первый день каждого месяца свидетельствовать заводскую казну по приходным и расходным книгам, заботиться о больнице и наблюдать за выполнением работ приписными крестьянами [34, л. 41-41 об.].

Новым начальником завода был назначен Я.Х. Нилус (возглавит завод до 1822 г.) [8, л. 4]. Но руководил он заводом уже в других условиях, т.к. в соответствии с реформой горнозаводского управления и принятием Проекта горного положения 1806 г., произошла реорганизация центрального и регионального горнозаводского управления.

Благодаря деятельности К.К. Гаскойна, на рубеже XVIII-XIX вв. и в течение первых десятилетий XIX в., Луганский завод оставался на уровне передовых заводов Европы. К.К. Гаскойн сочетал в себе разносторонние технические знания и редкий организаторский талант. Создание крупной металлургической и машиностроительной промышленности, строительство первых российских паровых машин, преобразования в области мер и весов, организация монетного дела с помощью паровых двигателей – такова только часть его заслуг. Он воспитал целую плеяду учеников, как шотландцев, так русских, которые определили развитие Олонецких и Луганского заводов в первой половине XIX в. К. К. Гаскойн, несомненно, был одной из наиболее значительных фигур среди горноза-

водских руководителей второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Благодаря ему, была заложена база для развития металлургической, горнодобывающей и машиностроительной промышленности Украины, вышедшей во второй половине XIX в. на передовые позиции в России и оставалась таковой до крушения СССР.

В XVIII в. происходил, как видим, поиск оптимальной системы управления, что, в конечном итоге, привело не только установлению трехступенчатой структуры (Канцелярия – Горное начальство – заводская контора), но и к повышению роли горного начальника. Но это были лишь внешние очертания, и правительство продолжало искать пути для преобразования не только местных, но и центральных органов власти горнозаводской промышленности. Поскольку усиление единоначалия и коллегиальный способ управления нередко вступали в противоречие друг с другом, то появление Берг-коллегии и Канцелярий заводов правления можно характеризовать как переходный этап в системе управления горнозаводскими регионами.

С принятием Проекта горного положения 1806 г. происходит централизация регионального горнозаводского управления. Создается Горный департамент, с 1811 г. – Департамент горных и соляных дел. Основное направление реформы было направлено на Уральский горно-металлургический район. В соответствии с ним, вся территория страны делилась на горные области, одной из которых стала Западная. В 1816 г. управление горною частью в Царстве Польском было поручено Главной горной дирекции (с центром в г. Кельц), подчиненной департаменту ремесел и искусств при Комиссии внутренних дел [35, л. 9 об.]. В 1828 г., в соответствии с «Учреждением управления Кольвано-Воскресенских горных заводов» их Канцелярия преобразуется в Кольвано-Воскресенское горное правление [36]. После присоединения в 1801 г. Грузии к России, последовал указ «Об учреждении горного производства в Грузии» и там была учреждена в 1816 г. Горная экспедиция для заведывания горными делами. Ведению ей подлежали горные и минеральные промыслы в Закавказье [35, л. 8-8 об.].

Таким образом, центральные и региональные органы управления горнозаводской промышленностью и горнозаводскими регионами Российской империи, созданные в XVIII веке, трансформировались и модернизировались в начале XIX в., исходя из потребностей времени и промышленности. Методы управления во многом определялись уровнем развития общества. Поэтому они являлись общими для различных органов власти – светских и духовных, казенных и частных. Чем сильнее централизовывалась и бюрократизировалась государственная система управления, тем более унифицированно она относилась к своим низовым звеньям. Кроме того, управление всегда являло собой универсальную проблему, внимание к которой всегда усиливается на переломных этапах общественного развития. Анализ его специфических форм обогащает понимание предмета, способствует принятию необходимых решений в современной практике национально-регионального управления, что позволяет отходить от превалирования политико-идеологических тенденций над научными.

Библиографический список

1. Кричевцев, М.В. Кабинетная система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в. Автореф. дис. кин. Екатеринбург, 1995; Тороп В.В. Система управления частными горнозаводскими хозяйствами Среднего Урала в первой половине XIX в. Автореф. ... дис. кин. Екатеринбург, 1999; Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века. Уральское горное управление. М., 2008; Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999; Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае: (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): управление и обслуживание. Барнаул, 1997 и др.
2. Запарий, В.В. История черной металлургии Урала. 90-е гг. XX века. – М., 2003.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2199.
4. Там же. Д. 2203.
5. Там же. Оп. 1/6. Д. 2988.
6. Государственный архив Луганской области (ГАЛО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
7. Там же. Д. 103.

8. Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 487.
9. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97.
10. Там же. Д. 69.
11. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 37. Оп. 5. Д. 50/261.
12. РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Д. 781.
13. Там же. Оп. 1/6. Д. 3005.
14. Киштымов А.Л. Урал и судьбы черной металлургии Беларуси в XIX в. // Три столетия уральской металлургии. – Екатеринбург, 2001.
15. Гагемейстер Ю. О торговле железом в России // Коммерческая газета. 1856. НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2/9.
16. Корепанов Н.С. Уральское горное управление // Уральский исторический вестник. – 1996. – № 3.
17. ПСЗ-1. Т. 22. № 16496.
18. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 3083.
19. Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. – Т. IV. Ч. 2.
20. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). – Т. 13. № 10141.
21. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 11.
22. Там же. Д. 29.
23. Там же. Д. 30.
24. Там же. Д. 142.
25. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 3081.
26. ПСЗ-1. Т. 12. № 9403.
27. Пережогин А.А. Канцелярия Горного начальства в системе управления Колывано-Воскресенских заводов (1747-1780 гг.) // Ползуновский альманах. – Барнаул, 2004. – № 2.
28. ПСЗ-1. Т. 21. № 15679.
29. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 59.
30. ПСЗ-1. Т. 22. № 16496.
31. Там же. Т. 24. № 17862.
32. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/5. Д. 2719.
33. Там же. Оп. 1/6. Д. 2973.
34. РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 144.
35. ПСЗ-2. – Т. 3. – № 1960.

Bibliography

1. Krichevcev, M.V. Kabinetnaya sistema central'nogo upravleniya gornozavodskim khozyaystvom Urala i Sibiri vo vtoroy polovine XVIII v. Avtoref. dis. kin. Ekaterinburg, 1995; Torop V.V. Sistema upravleniya chastnymi gornozavodskimi khozyaystvami Srednego Urala v pervoy polovine XIX v. Avtoref. ... dis. kin. Ekaterinburg, 1999; Zubkov K.I., Korepanov N.S., Poberezhnikov I.V., Tulisov E.S. Territorialno-ehkonomicheskoe upravlenie v Rossii XVIII – nachala XX veka. Ural'skoe gornoe upravlenie. M., 2008; Tulisov E.S. Istoriya upravleniya gornozavodskoy promyshlennost'yu Urala na rubezhe XVIII i XIX vekov. Ekaterinburg, 1999; Soboleva T.N., Razgon V.N. Ocherki istorii kabinetnogo khozyaystva na Altai: (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.): upravlenie i obsluzhivanie. Barnaul, 1997 i dr.
2. Zapariy, V.V. Istoriya chernoy metallurgii Urala. 90-e gg. XX veka. – M., 2003.
3. Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 271. Op. 1/3. D. 2199.
4. Tam zhe. D. 2203.
5. Tam zhe. Op. 1/6. D. 2988.
6. Gosudarstvenniy arkhiv Luganskoy oblasti (GALO). F. 1. Op. 1. D. 2.
7. Tam zhe. D. 103.
8. Tam zhe. F. P-2. Op. 1. D. 487.
9. Tam zhe. F. 1. Op. 1. D. 97.
10. Tam zhe. D. 69.
11. Nacionalniy arkhiv Respubliki Kareliya (NA RK). F. 37. Op. 5. D. 50/261.
12. RGADA. F. 271. Op. 2. D. 781.
13. Tam zhe. Op. 1/6. D. 3005.
14. Kishtimov A.L. Ural i sudbiny chernoy metallurgii Belarusi v XIX v. // Tri stoletiya uralskoy metallurgii. – Ekaterinburg, 2001.
15. Gagemeyster Yu. O torgovle zhelezom v Rossii // Kommercheskaya gazeta. 1856. NA RK. F. 37. Op. 5. D. 2/9.
16. Korepanov N.S. Ural'skoe gornoe upravlenie // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. – 1996. – № 3.
17. PSZ-1. T. 22. № 16496.
18. RGADA. F. 271. Op. 1/6. D. 3083.
19. Materiali po istorii Bashkirskoy ASSR. M., 1956. – T. IV. Ch. 2.
20. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ-1). – T. 13. № 10141.
21. Gosudarstvenniy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO). F. 115. Op. 1. D. 11.
22. Tam zhe. D. 29.
23. Tam zhe. D. 30.
24. Tam zhe. D. 142.
25. RGADA. F. 271. Op. 1/6. D. 3081.
26. PSZ-1. T. 12. № 9403.
27. Perezhogin A.A. Kancelyariya Gornogo nachal'stva v sisteme upravleniya Kolihvano-Voskresenskikh zavodov (1747-1780 gg.) // Polzunovskiy aljmanakh. – Barnaul, 2004. – № 2.
28. PSZ-1. T. 21. № 15679.
29. Gosudarstvenniy arkhiv Altayskogo kraya (GAAC). F. 163. Op. 1. D. 59.
30. PSZ-1. T. 22. № 16496.
31. Tam zhe. T. 24. № 17862.
32. RGADA. F. 271. Op. 1/5. D. 2719.
33. Tam zhe. Op. 1/6. D. 2973.
34. RGIA. F. 37. Op. 67. D. 144.
35. PSZ-2. – T. 3. – № 1960.

Статья поступила в редакцию 08.08.11

УДК 94 (571.1)

Nekrasov V.L. MODEL OF REGIONAL POLICY AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (1957 – 1965). In this paper, based on documents and records of federal and regional archives – estimated model of regional politics and issues of industrial modernization of Tomsk and Tyumen regions in 1957–1965 years.

This article was prepared with financial support from RFBR, project «Industrial modernization of the northern regions of Western Siberia in the 1950s – the first half of 1960s», № 10-06-90713 and «Methodological problems in applying the concepts and methods of synergetic to analyze the industrial modernization of Siberian regions», № 11-06-90735.

Key words: North of Western Siberia, regional policy, industrial modernization, the model of socio-economic transformation.

В.Л. Некрасов, канд.ист. наук, с.н.с. Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут, E-mail: katon1981@yandex.ru

МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1957–1965 гг.)

В данной статье на основе документов и материалов федеральных и региональных архивов – оцениваются модели региональной политики и проблемы индустриальной модернизации Томской и Тюменской областей в 1957–1965 гг.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, региональная политика, индустриальная модернизация, модели социально-экономической трансформации.

«Великое десятилетие» в социально-экономическом развитии регионов Сибири аккумулировало разнонаправленные тенденции. С начала 1950-х гг. вновь обозначилась, прерванная Великой Отечественной войной, тенденция движения производительных сил на Восток. В государственной индустриальной и региональной политике доминирующей выступала цель подчинять региональное развитие общегосударственным интересам, одновременно регионы также накапливали социально-экономический и политический потенциал и начинали проявлять свою активность и самостоятельность. Этому способствовали, изменения в системе государственного управления в СССР, демонтаж отраслевой системы управления и создание новых механизмов регионального развития, связанный с решением проблем комплексного освоения территорий Сибири.

По единому мнению сибирских историков, т.н. «совнархозовский» период (1957–1965 гг.) имел большое значение для краев и областей Сибири [1, с. 98]. Несмотря на определенную ограниченность реформы управления промышленностью и строительством 1957 г., [2, с. 279] совнархозы придали новый импульс реализации принципа комплексности в региональном развитии. По словам А.Б. Коновалова, «в Сибири их руководители проявляли заинтересованность не только в развитии традиционных отраслей экономики, но и в развертывании принципиально новых производств, которые должны были стать источников социального развития провинции» [3, с. 372].

Ликвидация министерств и создание совнархозов расширило возможности региональных партийных и советских органов власти в определении приоритетов социально-экономического развития территорий. По инициативе партийных и советских органов начали активно разрабатываться региональные социально-экономические программы. Партийные руководители сибирских регионов стремились обосновать необходимость комплексного развития своих территорий, всячески способствовали проведению в них научных экспедиций и изысканий, организации конференций по изучению производительных сил, лоббировали строительство на подведомственных территориях промышленных предприятий и инфраструктурных объектов союзного значения. Иными словами, в 1957–1965 гг. необходимо признать существование региональной политики, проводимой центральными государственными органами власти и региональную политику местных партийных, советских и хозяйственных органов власти в отношении собственной территории [4, с. 552–553].

В «великое десятилетие» государственная индустриальная и региональная политика предусматривала широкомасштабное освоение восточных районов (Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия) [5, л. 1–5].

Директивы шестого пятилетнего плана (1956–1960 гг.) предполагали превращение Сибири в крупнейшую базу по

добыче угля и производству электроэнергии, создание третьей металлургической базы, современных центров машиностроения и химической промышленности [6, с. 82–83].

Несмотря на известный провал в выполнении шестого пятилетнего плана, в том числе кардинальное сокращение капитальных вложений по основным отраслям промышленности в восточных районах [4, с. 24], и фактическое признание советским правительством в нереальности достижения плановых показателей [7, с. 536], в высшем советском руководстве не отказывались от реализации программ освоения Сибири. 19 сентября 1957 г. на заседании Президиума ЦК было принято решение о разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР. В тот же день было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг.» [8, с. 688–691]. Данное постановление не получило, наш взгляд, должной оценки в отечественной историографии [9, с. 193–194], между тем, в постановлении и тексте сообщения ЦК КПСС и Совета Министров СССР, опубликованном 26 сентября 1957 г. в «Правде», определялся новый механизм индустриальной и региональной политики, включавший семилетнее планирование, совнархозы, новые приоритеты структурного и пространственного развития советской экономики. Восточные районы страны, и в первую очередь Сибирь выступили пространством, где совнархозы должны были продемонстрировать свои возможности, как экономические органы, заинтересованные в комплексном использовании ресурсов и развитии промышленности территорий [1, с. 131].

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. в Сибири быстрыми темпами продолжался процесс индустриального обновления на основе реализации индустриальных, энергетических, сырьевых, инфраструктурных проектов, создания транспортных коридоров. Крупнейшими проектами, реализуемыми в Сибири в 1957–1965 гг. являлись строительство гидроэлектростанций на реках Ангара, Енисей, Обь, и создание на их базе энергоемких комплексов в сфере металлургии, химической промышленности, машиностроения, строительство Западно-Сибирского металлургического комбината в Новокузнецке, создание нового научного центра в Новосибирске, электрификация магистрали Москва-Байкал и др. [4, с. 330–345].

Новые промышленные агломерации Сибири (Кемерово, Красноярск, Новосибирск, Омск) смыкаясь с промышленными агломерациями Урало-Поволжья, образовывали производственный хребет советской экономики.

Лидерами индустриального развития Западной Сибири на рубеже 1950–1960-х гг. выступали Кемеровская и Новосибирская области – около $\frac{1}{3}$ и около $\frac{1}{5}$ валовой промышленной продукции соответственно. В Восточной Сибири 80% валовой промышленной продукции производилось в Красноярском крае и Иркутской области [10, с. 66, 67].

Север Западной Сибири находился на периферии индустриального обновления экономики Урала и Сибири. В середине 1950-х гг. Тюменская и Томская области представляли собой аграрно-индустриальные территории с неразвитой промышленностью, пространственной дихотомией между южными и северными районами. В 1960 г. доля Тюменской и Томской областей в промышленном производстве Западно-Сибирского экономического района составила 10% [10, с. 66].

В 1956 г. население Тюменской области составляло 1,088 млн. человек, в том числе городское – 307,9 тыс. (28,3%) и сельское – 780,2 тыс. (71,7%). В 1960 г. доля городского населения возросла до 34% [11, с. 13]. Из 750,8 тыс. человек, проживавших в Томской области, городское население составляло 316,2 тыс. (42,1%), сельское – 434,6 тыс. (57,9%). В 1959 г. доля городского населения выросла до 359,9 тыс. человек (48%) [12, с. 7; 22, с. 5]. Однако, в целом темпы урбанизации данных регионов отставали от роста городского населения в РСФСР, Урала, Западной и Восточной Сибири, где доля городского населения в 1959 г. составила 52%, 62%, 51%, 52% соответственно [13, с. 139, 187]. Следует отметить, что отличительной чертой формирования населения Тюменской области в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. являлось отрицательное сальдо миграционного обмена [14, с. 54].

В 1950-е гг. в экономике Тюменской области доминировали традиционные, низкотехнологические, трудоемкие отрасли, – лесная, рыбная промышленность, переработка сельскохозяйственной продукции, судостроительная и судоремонтная промышленность [15, л. 11-16]. В Тюменской области отсутствовала соответствующая масштабному промышленному строительству энергетическая база [16, л. 8-9].

Наибольший удельный вес промышленных рабочих в 1955 г. среди отраслей промышленности приходилось на лесную промышленность (лесоразработки и деревообработка) – 48%, в пищевой промышленности – 22%, машиностроении и металлообработке – 15%, на остальные отрасли приходилось 15% рабочих. К 1960 г. положение несколько изменилось, но в структуре занятых, по-прежнему лидировала лесная промышленность – 37% занятых, в отрасли работало 40 тыс. человек, пищевая промышленность – 23%, машиностроение и металлообработка – 18%, остальные отрасли – 22% [11, с. 8; 1, с. 111]. В традиционных отраслях промышленности было сосредоточено около половины основных производственных фондов и 60% всех промышленных рабочих [11, с. 92].

Иными словами, следует согласиться с оценкой, что на рубеже 1950-1960-х гг. Тюменская область продолжала оставаться «типичной сибирской глубинкой со слабо развитой промышленностью и сельским хозяйством» [17, с. 203].

В записке Тюменского обкома КПСС и Тюменского облисполкома, направленной 13 февраля 1956 г. секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву и Председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину, подчеркивали, что Тюменская область представляет собой географически исключительно выгодный для промышленного и сельскохозяйственного развития, находящийся между крупнейшими угольно-металлургическими базами Кузбасса и Урала, связанный с ними и центральными районами страны железнодорожной магистралью [18, л. 2]. Однако фактически эти «преимущества» выступили ее недостатками, – территория удалена от угольных баз Сибири, имеющиеся месторождения торфа и бурого угля имели небольшое экономическое значение, область примыкала к слабо развитым районам Свердловской области, Коми АССР на западе, Томской области и Красноярского края на востоке, сельскохозяйственным районам Казахстана на юге, $\frac{9}{10}$ территории было оторвано от железнодорожной сети.

Таким образом, на рубеже 1950-1960-х гг. в экономике Тюменской области отсутствовали сильные факторы, способствующие ее индустриальному обновлению.

На рубеже 1950-1960-х гг. структура экономики Томской области носила более многоукладный характер. С одной сто-

роны, в народном хозяйстве сложился сектор традиционных отраслей – лесная, пищевая, рыбная, легкая промышленность, определявших экономический облик территории, но с другой, в структуре промышленности Томской области сложились машиностроение, химическая промышленность. В Томске насчитывалось 24 крупных предприятия союзного и республиканского подчинения, не считая предприятий местной промышленности [19, л. 76; 10, с. 145]. Основная проблема этих предприятий заключалась в том, что большинство из них были эвакуированы в Томскую область в годы Великой Отечественной войны, располагались в старых и непригодных помещениях и требовали реконструкции [20, л. 12, 13, 18, 19].

В 1955 г. наибольшая доля промышленных рабочих была занята в лесной промышленности – 41,6%, машиностроении и металлообработке – 28,4%, пищевой промышленности – 10,2%, на остальные отрасли приходилось – 23,8% рабочих [21, с. 7]. К концу десятилетия структура распределения промышленных рабочих осталась прежней.

Фактором, оказывающим существенное влияние на размещение промышленности в Томской области, являлась транспортная неосвоенность территории и неразвитая железнодорожная связь с другими регионами.

Особенностью промышленности Томской области являлось наличие высокотехнологического предприятия военно-промышленного комплекса – «Сибирский химический комбинат» [21, с. 205]. Однако, как известно, атомные объекты представляли собой «государство в государстве», функционировали изолировано от территории, обеспечивая решение задач несвязанных с нуждами местной экономики [22, с. 267].

Более важным фактором, оказывающим положительное влияние на социально-экономическое развитие Томской области, и в особенности г. Томска являлось то обстоятельство, что в середине 1950-х гг. «в Томске было размещено 6 вузов, 6 научно-исследовательских институтов, 20 техникумов с количеством студентов свыше 30 тысяч человек», работало более полутора тысяч научных работников. В 1957 г. при обсуждении в Бюро ЦК КПСС по РСФСР вопроса о размещении Сибирского отделения АН СССР Томск рассматривался как «крупный научный центр с большими результатами в области исследовательской деятельности» и как возможное месторасположения нового крупного научного центра в Сибири [23, л. 58].

Таким образом, экономико-географическое положение Томской области в конце 1950-х гг. было противоречивым. С одной стороны, выгодное географическое положение области на границе Западной и Восточной Сибири, вблизи угольных и металлургических районов Кузбасса. Наличие крупных промышленных предприятий и научно-образовательного комплекса создавали определенные условия для создания в Томской области территориально-производственного комплекса. Но, с другой стороны, преимущества были ограничены в связи с неразвитостью транспортной инфраструктуры, кроме сезонного водного транспорта, что затрудняло экономическое развитие территории [24, л. 227]. Пограничное расположение области между Западной и Восточной Сибирью сильно ограничивало реализацию каких-либо крупных индустриальных, сырьевых проектов на этой территории. Так как находящиеся рядом Кемеровская, Новосибирская области, уже занимали нишу крупных центров металлургии и машиностроения, при этом их накопленный потенциал превосходил потенциал Томской области.

Таким образом, партийные руководители Тюменской и Томской областей не имея сильной индустриальной базы, и как следствие, имея неразвитую инфраструктуру территории и нерешенные социально-экономические проблемы, уже в начале 1950-х годов начинают выдвигать в качестве приоритета своей региональной политики крупные индустриальные проекты. Они стремятся привлечь капитальные вложения на реализацию этих проектов и заручиться соответствующей под-

держкой в ЦК КПСС, Совете Министров СССР, Госплане СССР, а также во всех заинтересованных комитетах и ведомствах.

В конце 1950-х годов у местных руководителей Тюменской и Томской областей появляется возможность реализовать стратегические варианты регионального развития и улучшить социально-экономические условия своих территорий, через организацию в областях совнархозов. Тюменские и Томские региональные руководители в ситуации формирования этих хозяйственных структур, высказала мнение о необходимости создания совнархозов в рамках их территорий [25, л. 89].

С организацией советов народного хозяйства в административных границах Тюменской и Томской областей, партийные руководители этих территорий, начинают все активнее, в рамках своей региональной политики, выдвигать на центральном уровне стратегические варианты развития, суть которых заключалась в развертывании на этих территориях новых крупных производств и создание территориально-производственных комплексов.

Как следует из докладной записки «О комплексном развитии производительных сил Тюменской области», которая была направлена 28 февраля 1956 года секретарем Тюменского обкома В.В. Косовым и председателем Тюменского облисполкома Д.Н. Крюковым в адрес секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина, в качестве вариантов индустриальных развития территории предлагали ряд альтернативных проектов. Руководители Тюменской области предлагали создание новой угольно-металлургической базы в регионе на основе Северо-Сосьвинского бурого угольного бассейна, ориентировочные запасы которого исчислялись в 50 млрд. тонн, развитие энергетики на базе открытых бурых углей Северного и Полярного Урала, газовых месторождений Березовского района и гидроресурсов рек Иртыш и Обь, на которых должны были быть возведены гидроэлектростанции, обеспечивавшие в дальнейшем электроэнергией весь Урал, Печору и новый угольно-металлургический бассейн Тюменской области [26, л. 1-7]. Фактически эти же предложения В.В. Косов изложил в статье в «Правде» 26 апреля 1957 г., в которой обосновывал необходимость создания совнархоза в административных границах Тюменской области [27, с. 3].

14 января 1959 года партийно-советским руководством Тюменской области была подписана докладная записка «Об освоении естественных богатств и заселении малообжитых районов Тюменской области». Записка была подготовлена с целью включения хозяйственных проектов области в будущий семилетний план развития народного хозяйства по федерации. Она была направлена заместителю председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А.Б. Аристову, председателю Госплана СССР И.И. Кузьмину, председателю Совета Министров РСФСР Д.С. Полянскому, председателю Госплана РСФСР В.Н. Новикову.

В этой докладной записке конкретизировались ранее выдвинутые предложения.

Во-первых, следует отметить предложение об организации промышленной эксплуатации газа Березовского газового месторождения и усиления разведки на нефть в этом районе. Анализируя данный пункт записки можно заметить возрастание приоритетности данного предложения, в связи с увеличением ресурсов обеспечивающих его реализацию с 4 млрд. кубометров в 1956 г. до 21 млрд. в 1959 г. с перспективой дальнейшего роста [28, л. 3-4].

Во-вторых, появляется предложение о строительстве в регионе Нижнее – Обской ГЭС мощностью 5-6 млн. кВт в районе г. Салехард. Как отмечается в записке, «эта ГЭС находясь рядом с Уралом и Печорским бассейном, а отсюда близко к северным промышленным районам сыграет огромную роль в их развитии, и, она необходима даже более, чем строящаяся Братская ГЭС на реке Ангара» [28, с. 5].

В данных докладных записках проявилась особенность проводимой партийными руководителями области в конце 1950-х гг. региональной политики, заключавшаяся в сильной ориентации на промышленную базу Урала и Печоры, иногда, как в случае с Нижнее – Обской ГЭС, даже в ущерб интересам области.

Данное положение объясняется тем, что в конце 1950-х гг. руководство Тюменской области, и в частности, первый секретарь обкома В.В. Косов, в ситуации когда Госплан СССР и министерства не были заинтересованы в реализации крупных индустриальных проектов в тяжелых природно-климатических условиях региона и ограничивались обычно принятием постановлений и отводом земельных участков под промышленные площадки, стремилось за счет усиления экономической интеграции с более сильным регионом, каким являлась Свердловская область, и даже в какой то мере путем ограничения своих хозяйственных и управленческих прав, реализацией не всегда выгодных проектов, улучшить экономическое положение своей области, хозяйственно привязав ее к более сильной территории. Так в одной из докладных записок на имя первого секретаря Н.С. Хрущева В.В. Косов просил при «окончательном рассмотрении вопросов экономического районирования и организации территориальных управлений промышленности и строительства отнести Тюменскую область к Свердловскому управлению, так как территориально и экономически область связана с Уралом» [29, л. 19].

Тем не менее, с начала 1960-х годов в качестве основного стратегического варианта развития области стал рассматриваться нефтегазовый вариант. Данный выбор был связан как со сменой партийного руководства в Тюменской области, вместо отправленного в отставку В.В. Косова, в 1961 г. первым секретарем Тюменского обкома стал Б.Е. Щербина, так и с происходившими в народном хозяйстве СССР объективными процессами и достижениями геологов в поиске нефти и природного газа в Тюменской и Томской областях.

Усилились потребности народного хозяйства СССР в большом объеме нефти и природного газа. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. усилился дефицит нефтепродуктов и природного газа. Уже в середине 1950-х гг. в ряде экономических районов Северо – Запада, Юга и Сибири рост промышленного производства и развитие транспорта вызвали напряженность в энергетическом балансе [30, л. 34, 35]. По данным Государственного научно-экономического совета, к началу 1960-х гг. в Уральской, Кузбасской, Иркутской, Красноярской, Карагандинской, Центральной, Южной, Ленинградской, Прибалтийской, Кольской и Карельской энергетических системах создалось напряженное положение с обеспечением электроэнергией народного хозяйства [31, л. 2].

В Тюменской области наблюдался постоянный рост разведенных запасов нефти и природного газа. В Западной Сибири за 1961-1964 гг. было открыто 27 нефтяных месторождений и подготовлены запасы нефти промышленных категорий, выявлены крупнейшие месторождения природного газа. У нефтегазового варианта развития территории в Западной Сибири в конце 1950-х – начале 1960-х гг. не было конкурентов, так, как региональные власти тех областей Западной Сибири, где шла разведка на нефть и природный газ, т.е. Новосибирской и Омской, без инициативы относились к подобным проектам, занимаясь развитием оборонных предприятий, перебазированных в годы войны с запада и оставшихся в Новосибирске и Омске [32, с. 50]. Руководство Томской области, на севере которой располагались потенциальные запасы нефти и природного газа, серьезно не занималось развитием этого проекта.

Наиболее существенным фактором являлась поддержка в реализации этого проекта, оказанная заинтересованными в нефтегазовых ресурсах центральных хозяйственных субъектов, способных добиться выделения, на реализацию проекта освоения, необходимых материальных ресурсов. Наиболее

заинтересованными в тюменской нефти и газе в данный период можно считать несколько центральных комитетов и ведомств. Во-первых, это Главгеология РСФСР. Данному ведомству были необходимы новые перспективные территории, которые обеспечили бы выполнение плановых показателей на семилетку. Во-вторых, Главгаз СССР, который в 1957 г. возглавил А.К. Кортуннов, активно отстаивавший необходимость развития самостоятельной газовой отрасли. Для быстрого развития нового ведомства необходимы были проекты обеспеченные промышленными запасами природного газа.

Также и в высшем партийно-государственном руководстве находились влиятельные сторонники освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции.

Таким образом, именно альтернативный подход региональных властей, дал возможность территории, не останавливаясь на одном лишь варианте социально-экономического развития области, выбрать наиболее перспективный. Усиление собственной хозяйственной политики, потребности экономики народного хозяйства в большом объеме эффективных энергоресурсов, постоянный рост разведанных запасов нефти и газа в регионе, отсутствие конкуренции, способствовали сосредоточению внимания на нефтегазовом варианте включения территории в индустриальную сферу, как самом быстром и эффективным, с точки зрения поддержки центральных властей.

Региональные руководители Томской области во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов, как и руководители Тюменской, искали оптимальные варианты развития территории, выдвигаемые проекты промышленного развития преимущественно также носили сырьевую направленность.

Изначально региональные власти в качестве стратегического варианта развития территории избрали развитие горно-металлургического комплекса. Суть, которых заключалась в реализации на территории области комплексных производств по добыче и переработке черных и цветных металлов.

Такая региональная политика была продиктована несколькими обстоятельствами, сложившимися на центральном и региональном уровне.

Директивами XX съезда КПСС было установлено расширить минерально-сырьевые базы всех металлов и, прежде всего в восточных районах страны, а также обеспечить высокие темпы роста производства всей номенклатуры черных и цветных металлов. На Внеочередном XXI съезде КПСС Н.С. Хрущев отметил, что «на строительство и реконструкцию предприятий черной и цветной металлургии предполагается вложить средств больше, чем их было вложено за прошедшие 30 лет». Предусматривалось поднять добычу железной руды примерно в 2 раза.

К этому моменту на территории области были открыто уникальное Бакcharское железорудное месторождение, с запасами руды в 110 млрд. тонн, из которых 40 млрд. тонн были пригодны для открытых разработок. Также было открыто крупное Туганское промышленное месторождение цветных металлов, с утвержденными запасами 58 млн. тонн.

У избранного варианта, как предполагали региональные власти, существовало мало конкурентов, особенно в восточной части страны. Обоснование этого тезиса отчетливо прослеживается в записке направленной первым секретарем Томского обкома В.А. Москвиным 11 сентября 1957 года министру геологии и охраны недр СССР П.Я. Антропову: «Томская область располагает крупнейшей минерально-сырьевой базой, развитие которой, безусловно, еще необходимо и потому, что область является своеобразным форпостом, от которого ведется завоевание таежно-болотистых слабо заселенных обширных пространств, простирающихся на запад, север, северо-восток. Ни одна другая из соседних областей, (исключая Кемеровскую, богатую полезными ископаемыми), пока не имеет таких необходимых промышленных полезных ископаемых, как Томская область» [33, л. 205].

Так же как и руководители Тюменской области, партийные лидеры Томской области для реализации своих проектов старались заручиться поддержкой центральных комитетов и ведомств. 3 декабря 1958 года при обсуждении тезисов Н.С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг.» в Томской области был выдвинут ряд дополнений и предложений к семилетнему плану как в целом для Сибири, так и в отношении хозяйства области. Данные предложения можно рассматривать, как стратегические планы региональных властей в отношении собственного хозяйства. В частности, наряду с предложением об усилении изучения Западно-Сибирской низменности, было внесено предложение о развертывании «работ по детальной разведке Бакcharского железорудного месторождения Томской области. Форсирование разработки Туганского месторождения и строительство на его базе обогатительного комбината» [34, л. 377, 378]. Руководители Томского совнархоза основой развития области также видели горно-металлургические предприятия.

В перспективном плане развития народного хозяйства Томской области на 1959-1965 годы от 8 января 1957 года, в разделе капиталовложения, планируемые в городе Томске и Томской области, было замечено, что «наиболее значительными стройками в области является сооружение рудника и обогатительного комбината титано-циркониевых руд в Туганском районе и строительство горно-обогатительного комбината с вводом ориентировочно к 1965 году в Бакчаре» [19, л. 4-4об].

Следовательно, в качестве стратегических вариантов развития области партийные и хозяйственные региональные власти окончательно остановили свой выбор на горно-металлургических проектах. Предпринятые региональными властями мероприятия по продвижению Туганского проекта остались без результата. Госплан СССР сообщил в письме от 2 апреля 1962 года председателю Томского совнархоза Н.С. Гридину о переносе сроков строительства комбината за пределы 1965 года [35, л. 90].

После четкого ответа центральных властей о бесперспективности дальнейшего продвижения Туганского проекта, региональные власти области продолжили лоббировать второй крупный проект Бакcharского месторождения железных руд.

14 марта 1964 года окончательно решился вопрос о реализации Бакcharского проекта. Как говорилось в официальном ответе: «Учитывая неблагоприятные горно-геологические условия, невысокое качество руд, а также наличие в Сибири крупных разведанных запасов железных руд, которые в настоящее время не осваиваются, Госгеолком СССР не может считать производство разведочных работ на Бакcharском месторождении первоочередной задачей службы на ближайшие годы» [36, л. 36].

Только после утвердительного отказа Совета Министров СССР и Госплана СССР поддержать реализацию горно-металлургических проектов, региональные власти перешли к продвижению нефтегазового варианта развития области, который к тому моменту был наиболее обеспечен ресурсами. За 1962-1964 гг. на территории области было открыто 3 крупных газовых и 7 нефтяных месторождений. Это свидетельствовало о реальной возможности создания в области нефтегазодобывающей промышленности.

24 апреля 1965 года партийные власти направляют записку председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину с просьбой рассмотреть проект постановления Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии геологоразведочных и организации подготовительных работ к промышленному освоению открытых газовых и нефтяных месторождений в Томской области», в котором была изложена целая система мер призванная обеспечить промышленное развитие области на основе добычи нефти и природного газа [37, л. 120-126]. 27 мая 1965 года был получен официальный ответ Совета Министров СССР. В нем говорилось: «Создание нового нефтегазо-

добывающего района на базе месторождений Томской области потребует значительных капиталовложений. В то же время ограниченность средств, которые могут быть выделены в 1966-1970 гг. на развитие нефтяной и газовой промышленности, вызывает необходимость концентрировать их и планировать добычу нефти и газа в районах Западной Сибири, в первую очередь, в Тюменской области, где уже открыты и подготовлены к разработке крупные нефтяные и газовые месторождения» [37, л. 132-137]. Госплан СССР посчитал принятие специального постановления Совета Министров СССР по этому вопросу преждевременным. Так как появилась бы угроза распыления средств, планируемых на развитие нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири.

Аналогичная участь постигла идея Томского обкома о строительстве в восьмой пятилетке (1966-1970 гг.) на территории Томской области нефтехимического комбината. В Госплане СССР посчитали, что «на основании прогнозных запасов начинать проектирование комплекса является преждевременным» [38, л. 10].

Таким образом, проводимая партийными и хозяйственными руководителями Томской области политика по реализации территории с помощью реализации горно-металлургических проектов была полностью провалена. Слабое развитие хозяйства Томской области способствовало тому, что бурное развитие промышленного освоения открытых месторождений в соседней Тюменской области, постепенно, в какой то мере, подчиняло экономику Томской области нуждам усиленно развивающегося соседнего региона. Такая ситуация еще сильнее ограничивала дальнейшее развитие новых производств в народном хозяйстве территории.

Можно сделать вывод, что формирование региональной политики тюменскими партийными и хозяйственными властями, заключавшейся в выдвижении альтернативных вариантов развития, дало возможность, слабо развитому в промышленном отношении региону, в условиях расширения своих хозяйственных возможностей и установления взаимовыгодных хозяйственных связей с центральными комитетами и ведомствами, вывести регион на новый этап динамичного индустриального развития.

Безальтернативная региональная политика, проводимая партийными и хозяйственными деятелями Томской области, по реализации горно-металлургических проектов на своей территории, оказалась неэффективной в долгосрочном периоде. Целое десятилетие было потрачено на продвижение и лоббирование проектов, которые в условиях сильной конкуренции с уже существующими подобными предприятиями, обладавшими более экономичными месторождениями и расположенными в более благоприятных природно-климатических условиях, при слабых позициях регионального руководства в центральных органах, не смогли бы быть реализованы в ближайшие десятилетия в СССР. Все это привело к сдерживанию интенсивного развития производительных сил, замедлению или даже стагнации экономических показателей традиционных производств хозяйства области, слабому изменению в социальной и урбанизационной структуре населения.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проекты «Индустриальная модернизация регионов Севера Западной Сибири в 1950-е – первой половине 1960-х гг.», № 10-06-90713 и «Методологические проблемы применения концепций и методов синергетики в анализе индустриальной модернизации регионов Сибири», № 11-06-90735.

Библиографический список

1. Бакулев, Г. Совершенствование организационных форм руководства и развитие топливной базы // Вопросы экономики. – 1957. – № 4.
2. Шестаков, В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. – М., 2006.
3. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.). – Тюмень, 2002.
4. История Сибири. – Л., 1969. – Т. 5.
5. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14-25 февраля 1956 г.: Стеногр. Отчет: в 2 т. – М., 1956. – Т. 1.
6. Taubman, W. The Khrushchev period, 1953-1964 // The Cambridge History of Russia. The Twentieth century / ed. R.G. Suny. Cambridge. – 2006. – Vol. III.
7. Хрущев, С.Н. Никита Хрущев: Реформатор. – М., 2010.
8. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. – Т. 2. – М., 2006.
9. Шестаков, В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. – М., 2006.
10. Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957-1961 гг.): Сборник документов. – Новосибирск, 2007.
11. Народное хозяйство Тюменской области и города Тюмени. Стат. сборник. – Омск, 1958.
12. Народное хозяйство Томской области. Стат. сборник. – Томск, 1957.
13. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М., 2003.
14. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.). – Тюмень, 2002.
15. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИ ТО). Ф. 124. Оп. 54. Д. 6.
16. Там же. Ф. 124. Оп. 134. Д. 88.
17. Очерки истории Тюменской области / под ред. В.М. Кружинова. – Тюмень, 1994.
18. ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 117. Д. 80.
19. Государственный архив Томской области. Ф. Р-1591. Оп. 1. Д. 295.
20. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607 Оп. 1 Д. 2676
21. Тимошенко, А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. – Новосибирск, 2007.
22. Быстрова, И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е годы). – М., 2006.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2526.
24. Там же. Д. 3353
25. ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 117. Д. 80.
26. Там же. Оп. 98. Д. 80.
27. Косов В. Полнее использовать природные богатства Тюменской области // Правда. – 1957. – 26 апреля. – № 116.
28. ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 134. Д. 88.
29. Там же. Оп. 117. Д. 78.
30. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 184. Оп. 1. Д. 62.
31. Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 814.
32. Гурари, Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазовая провинция – открытие века! – Новосибирск, 1996.
33. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2676.
34. Там же. Д. 2811.
35. Там же. Оп. 31. Д. 15.
36. Там же. Оп. 1. Д. 3440.
37. РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 388.
38. Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 370.

Bibliography

1. Bakulev, G. Sovershenstvovanie organizacionnykh form rukovodstva i razvitie toplivnoy bazih // Voprosi ehkonomiki. – 1957. – № 4.
2. Shestakov, V.A. Socialno-ehkonomicheskaya politika sovetского gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov. – M., 2006.

3. Gavrilova N.Yu. Socialnoe razvitiye neftegazodobihvayuthikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964-1985 gg.). – Tyumenj, 2002.
4. Istoriya Sibiri. – L., 1969. – T. 5.
5. KhKh sjezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, 14-25 fevralya 1956 g.: Stenogr. Otchet: v 2 t. – M., 1956. – T. 1.
6. Taubman, W. The Khrushchev period, 1953-1964 // The Cambridge History of Russia. The Twentieth century / ed. R.G. Suny. Cambridge. – 2006. – Vol. III.
7. Khruthev, S.N. Nikita Khruthev: Reformator. – M., 2010.
8. Prezidium CK KPSS. 1954-1964. – T. 2.- M., 2006.
9. Shestakov, V.A. Socialno-ehkonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov. – M., 2006.
10. Sibirskoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk: sozdanie (1957-1961 gg.): Sbornik dokumentov. – Novosibirsk, 2007.
11. Narodnoe khozyaystvo Tyumenskoy oblasti i goroda Tyumeni. Stat. sbornik. – Omsk, 1958.
12. Narodnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti. Stat. sbornik. – Tomsk, 1957.
13. Senyavskiy A.S. Urbanizatsiya Rossii v KhKh veke: Rol' v istoricheskom processe. – M., 2003.
14. Gavrilova N.Yu. Socialnoe razvitiye neftegazodobihvayuthikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964-1985 gg.). – Tyumenj, 2002.
15. Gosudarstvenniy arkhiv socialno-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti (GASPI TO). F. 124. Op. 54. D. 6.
16. Tam zhe. F. 124. Op. 134. D. 88.
17. Ocherki istorii Tyumenskoy oblasti / pod red. V.M. Kruzhinova. – Tyumenj, 1994.
18. GASPI TO. F. 124. Op. 117. D. 80.
19. Gosudarstvenniy arkhiv Tomskoy oblasti. F. R-1591. Op. 1. D. 295.
20. Centr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti (CDNI TO). F. 607 Op. 1 D. 2676
21. Timoshenko, A.I. Proekti socialno-ehkonomicheskogo razvitiya Sibiri v KhKh v.: koncepcii i resheniya. Istoricheskie ocherki. – Novosibirsk, 2007.
22. Bihstrova, I.V. Sovetskij voenno-promishlenniy kompleks: problemih stanovleniya i razvitiya (1930-1980-e godih). – M., 2006.
23. CDNI TO. F. 607. Op. 1. D. 2526.
24. Tam zhe. D. 3353
25. GASPI TO. F. 124. Op. 117. D. 80.
26. Tam zhe. Op. 98. D. 80.
27. Kosov V. Polnee ispolizovat' prirodniye bogatstva Tyumenskoy oblasti // Pravda. – 1957. – 26 aprelya. – № 116.
28. GASPI TO. F. 124. Op. 134. D. 88.
29. Tam zhe. Op. 117. D. 78.
30. Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv ehkonomiki (RGAEh). F. 184. Op. 1. D. 62.
31. Tam zhe. F. 7. Op. 3. D. 814.
32. Gurari, F.G. Zapadno-Sibirskaya neftegazovaya provinciya – otrikhtie veka! – Novosibirsk, 1996.
33. CDNI TO. F. 607. Op. 1. D. 2676.
34. Tam zhe. D. 2811.
35. Tam zhe. Op. 31. D. 15.
36. Tam zhe. Op. 1. D. 3440.
37. RGAEh. F. 355. Op. 1. D. 388.
38. Tam zhe. F. 70. Op. 1. D. 370.

Статья поступила в редакцию 19.08.11

УДК 902

Cherloyakov I.G. **ABORIGINAL NORTH ALTAI AND THE ALTAI SPIRITUAL MISSION IN THE SYSTEM OF GOVERNMENT POLICY IN XIX CENTURY.** Based on an analysis of published and archival sources in the article the role of the Altai Spiritual Mission in the government policy regarding Aboriginal Northern Altai.

Key words: Russian state, "extension" to the east, Siberia, Northern Altai, local Aborigines, the province, managing "aliens", the Altai Spiritual Mission, joining "foreigners" to Orthodoxy.

И.Г. Черляков, аспирант ГАГУ, г. Горно-Алтайск, E-mail: mns@gasu.ru

АБОРИГЕНЫ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ И АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В XIX В.

На основе анализа опубликованных и архивных источников в статье рассмотрена роль Алтайской духовной миссии в системе правительственной политики относительно аборигенов Северного Алтая.

Ключевые слова: Русское государство, «расширение» на восток, Сибирь, Северный Алтай, местные аборигены, губерния, управление «инородцами», Алтайская Духовная миссия, приобщение «инородцев» к православию.

Включение северных алтайцев в состав Русского государства в XVII в. и последующие административные преобразования, касавшиеся Сибири, не изменили систему управления аборигенами на протяжении XVIII в. [1, с. 44]. Тем не менее, в начале XIX в. русские власти образовали новую административно – территориальную единицу в Сибири – Томскую губернию [2, с. 247]. В состав её Бийского уезда и вошли черневые татары (распределившись между шестью волостями: Кергежской, Комляжской, Кузенской, Южской, Верхне-Кумандинской и Нижне-Кумандинской). Их административное деление отражало ранее сложившуюся этническую структуру. Не произошло каких-либо изменений в ней и в «системе» их проживания и в последующие годы, что зафиксировали ученые и путешественники, посетившие их в XIX в.

Но инструкции, которыми руководствовались аборигенами Сибири, не могли охватить все вопросы, касавшиеся их жизнедеятельности. В силу этого, в начале XIX в. появились проекты, касавшиеся вопросов управления аборигенами (Г.И. Спасского (1805 г.), Н.И. Трескина. (1812 г.). Общей их чертой

было одно – сохранение прерогатив инородческой знати, опоры правительства на местах [3, л. 608, 610-612]. Этим последняя пользовалась в полной мере: она укрепляла и свою власть, и своё экономическое положение. Не чуралась при этом она и «злоупотреблений». Они-то и понудили правительство заняться «сибирскими делами». Первым делом был уволен сибирский генерал-губернатор. В марте 1819 г. И.Б. Пестеля сменил М.М. Сперанский. Его «ревизия» вскрыла вопиющую картину злоупотреблений и правительственных чиновников, и инородческих начальников [4, л. 99].

Чтобы «оптимизировать» управление Сибири, Сперанский представил свой проект правительству. Обсудив его, оно утвердило 22 марта 1822 г. «Устав об управлении инородцев», призванный регламентировать их экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую жизнь. В его основу был положен принцип деления «инородцев» на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Алтайцы Бийского уезда, в т.ч. и северные, были отнесены к кочевому разряду, управление которых состояло из трех ступеней: низшей (ро-

довое управление- управление улусами и стойбищами), средней (иностранная управа) и высшей (степная дума). Власть иностранной управы распространялась на объединение нескольких улусов и стойбищ. Дума же, согласно закону, управляла всем племенем.

Основу административной и экономической единицы составил, как и прежде, род. Сохранение же родовой общины не лишало родоначальников бывшего рычага внеэкономического воздействия на своих соплеменников.

Главная «забота» нового «Устава» состояла в своевременной и бездомочной уплате «иностранцами» ясака и натуральных повинностей. Меньше всего «заботился» он о распространении среди «иностранцев» хлебопашества и скотоводства, о своевременной подаче ими сведений о численности населения и заключении им торговых сделок. Со временем натуральный ясак был заменен денежным. Главной причиной этого стало падение роли пушного промысла в «иностранческом» хозяйстве и набиравший силу процесс развития товарно-денежных отношений в крае. В этой ситуации только так можно было обеспечить максимальное поступление налоговых платежей в казну, ибо введение дополнительных налогов на «иностранцев» запрещалось [5, № 29126].

Заметно ограничил «Устав» и полицейско-судебные функции родоначальников. Отныне они могли разбирать лишь незначительные гражданские дела, не затрагивавших интересов высшей власти. Политические же и уголовные дела были отныне делом царских чиновников.

Чтобы «не обидеть» родовую знать, Устав сохранил ей почетные звания, правда, с оговоркой: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Оставило правительство за собой право и утверждения родоначальников в должности.

По мере укрепления Русского государства в Южной Сибири и в Северном Алтае, в частности, происходит и втягивание аборигенов в систему общерусских государственных связей. Именно это и продемонстрировал Устав 1822 г. Однако включение «северян» в состав России не изменило нормы их обычного права, чего нельзя сказать о их религиозных представлениях и обычаях. Тут свой вклад внесла Русская Православная церковь [6, с. 126-127], что стало одним из следствий целенаправленной деятельности М.М. Сперанского. Благодаря ей, «Сибирь стала на общий уровень русской жизни...». «Устав» же предоставил «иностранцам» широкие возможности для их общения с русскими, их культурой, бытом, способами ведения хозяйства, что привело «иностранцев», в конечном итоге, и к их образу жизни [7, с. 89].

Говоря о религиозных воззрениях, следует отметить, что «Устав» предоставил «иностранцам» свободу вероисповедания, не понуждая принимать господствующее в России православие, что способствовало «скреплению» малочисленных народов страны в единое целое [8, с. 24-31]. Но, «даруя это», Церковь не забывала и о распространении православия среди «иностранцев».

Несмотря на неудачный опыт второй половины XVIII в., она реанимировала в конце 20-х гг. XIX в. идею приобщения алтайцев к православию. В 1828 г. Православная церковь настойчиво ходатайствует перед правительством о «дозволении» ей вести целенаправленную миссионерскую деятельность среди «иностранцев» Алтая. Получив «добро», Святейший Синод предписал Иркутскому, Казанскому и Тобольскому епископам организовать при епархиях специальные миссии и подобрать людей, способных вести миссионерскую работу. Благодаря этому предписанию, и была учреждена 28 августа 1830 г. Алтайская Духовная миссия (АДМ) [9, № 21].

Начало ее деятельности связано с именем архимандрита Макария Глухарева. О его жизни, деятельности и истории созданной им миссии написано много, что освобождает нас от их освещения. Поэтому остановим свое внимание на «деле», которое стало для архимандрита «делом всей его жизни», т.е.

на «приобщении к вере Христовой иностранцев» Горного Алтая. Приобщая их к ней, Макарий пытался добиться для «новокрещенных» некоторых льгот, в частности, соблюдения положения Госсовета от 17 июля 1826 г. «о сложении с иностранцев, принимающих Святое крещение», на три года ясака и других податей и повинностей [10, с. 915-916]. Наряду с этим, он пытался создать (но безуспешно) особую волость для «новокрещенных», которая была бы независима и от зайсанов, и от госчиновников [11].

Словом, именно ему были обязаны «северяне» появлению у них первого миссионерского стана – Улалинского, открытого в 1834 г. [12, с.43], в ведение которого входили селения, айлы и займки, населенные «черневыми татарами» (как крещеными, так и некрещеными), а также русскими крестьянами [13, л. 9-10].

Отъезд о.Макария (в связи с болезнью) в 1843 г., мало что изменил в жизни миссии. Возглавивший её о. С. Ландышев всецело придерживался позиции и взглядов своего учителя. Учитывая обширность края, разбросанность по нему северных алтайцев, новый начальник продолжает работу по устройству новых станов миссии. Благодаря его усилиям, в 1854 г. открывается Макарьевский, а в 1857 г. – Кебезенский станы [14, л. 2-3].

Такая работа миссии по расширению сети станов не осталась незамеченной инспектирующим епископом Томским Парфением. Он «нашел «многотрудную апостольскую работу» миссионеров «весьма успешной», благодаря «коей многие идолопоклонники приобщились к вере», а край, «доселе слабозаселенный, покрылся... миссионерскими селениями, населенных новокрещенными алтайцами» [15, с. 69-78].

Представленный им отчет получил в июне 1857 г. «Высочайшее определение»: «1. В виду успешного действия АДМ на идолопоклонников и магометан..., обитающих в Томской губернии,... увеличить сверх существующих число миссионерских станов. 2. В каждом стане иметь миссионера, причетника, толмача и ...одного причетника ...для письмоводства. 3. Станы подчинить ведению начальника Миссии. 4. На случай болезни его, отлучек и других подобных обстоятельств, назначить ему двух сотрудников, старшего для участия в управлении и младшего для спешествования в проповеди,...не освобождая ни того, ни другого от общей миссионерской обязанности...» [16, л. 18].

Высокая оценка воодушевила миссионеров на новое подвижничество в деле приобщения северных алтайцев к «вере Христовой». Однако последние отнеслись к этому неоднозначно. Одни «иностранцы» принимали крещение добровольно. Это делали в большинстве своем (по нужде) – бедняки и калеки. Иеромонах Дометиан приводит случай крещения «слепого иностранца Комдожской волости Кереспес Янушевой с тремя малолетними детьми – сиротами», которые были «совсем наги, истомлены голодом» [17, с. 3]. Такого рода крещений призывал и сами миссионеры. В одном из отчетов прямо говорится, что «переход в христианство начался с бедных, бесприютных и загнанных» [15, с. 69-78].

Наряду с таковыми, была еще одна категория алтайцев, которая соглашалась на добровольное крещение. Но, прежде чем его исполнить, они требовали от миссионеров выплаты им материальной «компенсации». Подобные «добровольцы» своим иждивенчеством вызвали неприязнь миссионеров. Такие новокрещенные, по их мнению, редко меняли свои взгляды. В миссии они видели лишь источник для своего дальнейшего безбедного существования [18, с. 910-911].

И, наконец, были «иностранцы», которые ни под каким предлогом не желали креститься. Когда отдельных из них же удавалось окрестить, то «идолопоклонники ополчались» и шли против «новокрещенных». Так, о. Дометиан (Коновалов) писал, что «мать – язычница, узнав, что дочь окрестилась, схватила ее за горло и начала душить. Лишь вмешательство соплеменников избавило девушку от смерти». В другом слу-

чае, «некрещенные кебезенцы в качестве мести за крещение сожгли у новокрещенной женщины юрту со всем имуществом» [19, с. 45]. Он же окрестил однажды тубаларку Тану. Но об этом не знал ее муж – Карын. Когда он узнал об этом, то тут же прискакал в Кебезень и бросился на коне в окно избы новокрещенного инородца И. Соколова, укрывшего у себя его жену. Требуя «выдачи» жены, он избивал плетью хозяина дома, пока его не схватили крещенные кебезенцы. Остыв от гнева, он пришел к о. Дометиану, который не только успокоил его, но и сумел склонить Карына к крещению [19, с. 18].

В ответ на подобные акции, миссия принимала меры по защите новокрещенных. В одних случаях, она переводила их в русские селения или в деревни крещенных алтайцев, ходатайствовала перед властями о «предотвращении туземного произвола». Последние лишь увещевали родовых правителей, чтобы их подчиненные не препятствовали желающим креститься и не судили бы без крещенных новокрещенных инородцев» [16, л. 18].

Вмешательство миссии во «внутренние дела инородцев» было не по душе их родоначальникам, не желавшим терять своего монопольного влияния на сородичей. Потому-то зайсаны и баштыки постоянно противодействовали крещению алтайцев, не останавливаясь, порой, перед наказанием «самовольцев». Но, несмотря на это, они видели, что их власть над соплеменниками слабеет. Потому-то они ненавидели миссию и негативно относились к ее деятельности [20, с. 63].

Той же «монетой» платила им и миссия. Уже при С. Ландышеве она стала добиваться, чтобы зайсаны и баштыки были выборными, притом из числа крещенных алтайцев. «Зайсаны, – указывали миссионеры, – имеют для себя особенный интерес держать массы единоплеменников во мраке язычества... они опасаются... потерять свое обаяние власти. Звание зайсанов у инородцев наследственно и сохраняется пожизненно, а потому и власть... их – неограниченна и подчиненные относятся к ним с раболепием, боясь и думать о протесте на несправедливые действия своего начальства. Под влиянием зайсанов инородцы... оказывают порой упорное сопротивление проповеди христианской... для устранения этого... враждебного отношения зайсанов – язычников к проповеди Евангелия, желательно... чтобы должность зайсанов на... Алтае была выборная на известный срок, при этом в... волостях, где есть достаточное количество инородцев, выбор начальника должен производиться непременно из числа крещенных... Если... не изменится порядок и образ местного инородческого управления на Алтае, миссия будет встречать великие препятствия со стороны тех самых инородцев, просвещение и обрусение которых составляет ее коренную задачу» [21, с. 3-4].

Однако Томское губернское правление идею миссии о реорганизации инородческого управления на Алтае не поддержало. Встретив непонимание губернских властей, миссионеры с особым рвением продолжили крещение инородцев, полагаясь в только на собственные силы [19, с. 45].

Но, окрестив «язычника», миссия все делала для того, чтобы освободить его от уплаты ясака. Но сделать это было нелегко: этому мешали многие препятствия. Одно из них – несовпадение официальных имен и фамилий «новокрещенных», записанных в ревизские сказки, и их повседневных имен и кличек. Именно в силу этого, миссии удавалось добиться льгот лишь малой части новокрещенных [22, с. 43].

Выше уже упоминалось, о категориях населения, решивших принять крещение. Но без личного желания «инородца» и элементарного понятия у него о вере, крещение его не осуществлялось. Так, макарьевский миссионер о. Александр (Гусев), соблюдая два этих принципа, окрестил за время своей службы в АДМ 740 человек, а о. Дометиан за 37 лет своего миссионерского служения – только 418 язычников [23, с. 137-138].

Крестя алтайцев, миссионеры понимали, что без закрепления веры у них – все их труды пойдут «прахом». «Укрепить» же новую паству в ней, можно было лишь поселением

«новокрещенных» в миссионерские селения, в которых имелись церкви, которые являлись главными опорными пунктами распространения Православия в Северном Алтае. Благодаря «жертвователям» (частично на средства Миссионерского общества), миссия и возводила здесь свои «опорные пункты».

Где и когда появился таковой в Бийской черни? Первым, согласно источнику, стал храм во имя преподобного Макария Египетского (небесного покровителя родоначальника АДМ – Макария Глухарева) появился в 1854 г. Спустя три года, – в 1857 г., церковь (во имя Покрова Божьей Матери) появилась в Кебезени [24, л. 3-4]. Были они деревянными. Внешне и внутренне они выглядели скромно и не имели никакой декоративной отделки. Именно такой «нашел» в с. Кебезени («свою церковь» о. Дометиан. Более того, она находилась «в жалком состоянии»: пол её прогнулся, отчего покосились печи, потолок закоптился потолок из-за неисправности дымоходов. Через окна, с выбитыми градом стеклами, в храм несло осеннюю сырость. От нее обветшал полотняный иконостас, а вместе с ним – и ризы на престоле, и на жертвеннике, заменить которые было нечем. Но больше всего пострадали в таких условиях богослужебные книги. Церковная утварь состояла из оловянных сосудов и деревянных подсвечников, обтянутых колеником» [24, с. 3]. Кое-как устроившись в притворе «своей церкви», иеромонах Дометиан (вместе с причтом) «подправил» ее и даже установили новые иконы («Спасителя, Божией Матери и святителя Николая»), пожертвованные причетником барнаульского купца Морозова – М. Савельевым.

А тем временем, миссия всё дальше углублялась в просторы Северного Алтая. С учреждением в 1869 г. Ыныргинской церкви (в честь «Казанской иконы Божией Матери»), устроенной на средства представителей «Товарищества торгового дома С.П. Петрова и П.В. Михайлова», под ее контролем оказалась значительная часть Правобережья Бии и территории, прилегающая с юга и запада к Телецкому озеру [25, с. 6].

К концу 70-х гг. миссия добились-таки поддержки своих «идей». Теперь православные (русские и алтайцы) проживали только в миссионерских селениях. Изъятые из рук некрещенных зайсанов и баштыков новокрещенные алтайцы, управлялись теперь сельскими старостами, выбиравшимся (на три года) из числа новокрещенных и утверждавшиеся губернскими властями. Но так это выглядело на бумаге. Фактически же новокрещенными алтайцами «заправляла» миссия. Решительное ее вмешательство в административное управление северными алтайцами нанесло чувствительный удар старой системе управления инородцами, но особенно по прерогативам родовой верхушки [24, с. 3-4].

Из вышесказанного, становится ясно, что идея инициаторами реформы в административном устройстве «черневых татар Алтая» стали миссионеры, которых поддержали губернские власти. Немало потратил сил на это помощник алтайского отдельного заседателя И.С. Ландышев (сына протоиерея С.Ландышева), а также исправник А.К. Поршенников. Успех реформы в немалой степени зависел и от самих «северных алтайцев», которые, по свидетельству нынешнего служителя Алтайской Духовной миссии о. Георгия (Крейдуна), «отличались мягкостью характера и без препятствий согласились на замену родового правления выборным, а также на замену некрещенных зайсанов – крещеными» [12, с. 43]. Правда, светские исследователи, в частности, Н.А. Тадина считает, что это было следствие их русификации [26, с. 90-94].

Начало 80-х гг. XIX в. внесло новый штрих в деятельность Алтайской Духовной миссии. Трагические события 1 марта 1881 г. заметно ужесточили внутреннюю политику правительства. В 1883 г. центр миссии был переведен в г. Бийск. Произошли изменения и в ее руководстве Миссии. В 1884 г. ее начальником стал о. Макарий (в миру – Михаил Андреевич Невский (Парвицкий) – носитель промонархических взглядов. К концу XIX в. руководимая им миссия превратилась, по сути дела, в проводника правительственной политики правительст-

ва в крае. «Алтайская миссия, – гласило одно из ее заявлений, – совершает не только церковное служение, но и государственное» [26, с. 90-94].

Заметно активизировалось в 80-х гг. строительство новых храмов в отделениях Северного Алтая. Так, в 1880 г. «гшанием инородца селения Маймы – Андрея Семеновича Софронова-Чендекова», в благодарную память об... архимандрите Макарии была возведена новая церковь. В этом же году, на месте Сайдыпской часовни, на средства миссии и пожертвования, был сооружен молитвенный дом, во имя Святителя Николая Чудотворца [27, л. 4]. В то же время появился новый храм, «устроенный усердием о. Дометияна, прихожан и благотворителя – купца П. Тренкина», в Кебезени [27, л. 5].

Подобного рода изменения произошли не только в миссионерских селениях «северян», но и в русских деревнях. К примеру, в селе Никольском. В 1885 г. здесь появился молитвенный дом, построенный на средства мещанина Л.И. Огорова [28, с. 3-4]. В следующем году – «усердием новокрещенного баштыка Комдожской волости Михаила Васильевича Тобокова» открылся молитвенный дом в деревне Карасук. Он же построил в 1891 г. в Паспауле (после пожара) новую церковь. Через два года, жителями д. Салганда был построен молитвенный дом [29, с. 42].

Возросшее число церквей и молитвенных домов позволило миссии создать система богослужебных учреждений, ставшей определять организационную структуру деятельности станом (отделений), которые, в свою очередь, превратились в системообразующие звенья Алтайской Духовной миссии в Северном Алтае, состоявших из «самостоятельных» церквей (бывших главными в стане) и «приписанных» к ним храмов, молитвенных домов и часовен. Первые имели свой причт, состоявший из священника, дьякона и псаломщика. При них велись метрические книги, исповедные росписи, церковная летопись, приходно-расходные книги и др. [30, с. 148]. В приписных храмах и молитвенных домах ничего этого не было, как неполагавшегося по положению [31, с. 76-77].

Заключая всё вышесказанное, отметим, что в XIX веке Алтайская Духовная миссия превратилось в «специальное учреждение Русской Православной церкви, выступающее активным проводником политики правительства. Она способствовала закреплению за Россией национальных окраин, в т.ч. и Северного Алтая. Ее миссионерские станы (с храмами и молитвенными домами) стали опорными пунктами в приобщении аборигенов к православию. Одним из препятствий, стоявшим на этом пути, было общественно-административное устройство Северного Алтая и родовая верхушка, не желавшая терять свои былые привилегии и влияние на соплеменниками.

Библиографический список

1. История Сибири. – Л., 1968. – Т. 2.
2. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993.
3. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1416.
4. Российский исторический государственный архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 476. Д. 594.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Изд. 1. Т. 38.
6. Храпова, Н.Ю. Православное миссионерство на Алтае/ Храпова Н.Ю. //Русская идея. – Барнаул, 1992.
7. Владимиров, В.Н. Алтайцы во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. //Очерки истории Алтайского края. – Барнаул, 1987.
8. Бородавкин, А.П. М.М. Сперанский и Алтайская Духовная Миссия / А.П. Бородавкин, Н.Ю. Храпова // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 1994.
9. Вербицкий, В.И. Краткие сведения об Алтайской Духовной миссии (АДМ) // Томские Епархиальные ведомости. – 1886. – № 21.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1831. – Т. VII.
11. Носов, С.К. Русский миссионер // Звезда Алтая. – 1992. – 13 марта.
12. Крейдун, Георгий, свящ. Алтайская духовная миссия в 1830 – 1919 годы: структура и деятельность. – М., 2008.
13. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. 164. Оп. 1. Д. 138.
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 1.
15. Отчет АДМ за 1888 г. – Томск, 1889.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 440. Д. 1255.
17. Записки Кебезенского миссионера Алтайской Духовной Миссии иеромонаха Дометияна за 1864 г. // Душеполезное чтение. – 1864. – октябрь.
18. Записки алтайского миссионера иеромонаха Дометияна за 1861-1862 гг. // Странник. – 1863. – ноябрь.
19. Отчет АДМ за 1886 г. – Томск, 1887.
20. Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ). Коллекция М.Д. Хмырова.
21. Природа и население Алтая//Томские епархиальные ведомости. – 1891. – № 4.
22. Отчет АДМ за 1896 г. – Томск, 1897.
23. Алтайская Церковная Миссия. Посвящается основателям первого в Отечестве Миссионерского Общества. – СПб., 1865.
24. ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 3.
25. Клировая ведомость Ыныргинского миссионерского стана за 1906 г. – Томск, 1907.
26. Тадина, Н.А. Тип «крещеных» алтайцев в прошлом и настоящем//Христианский мир: религия, культура, этнос (матер. конф.). – СПб., 2000.
27. ГAAK. Ф. 164. Оп. 1. Д. 46.
28. Отчет АДМ за 1887 г. – Томск, 1889.
29. Справочная книга по Томской епархии за 1902-1903 гг. – Томск, 1904.
30. Алтайская Духовная Миссия // Православный благовестник. – 1900. – № 4.
31. Ледебур, К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск, 1993.

Bibliography

1. Istoriya Sibiri. – L., 1968. – T. 2.
2. Istoriya Khakasii s drevneyshikh времен do 1917 g. – M., 1993.
3. Gosudarstvenniy arkhiv Altayskogo kraia (GAAK). F. 1. Op. 2. D. 1416.
4. Rossiyskiy istoricheskiy gosudarstvenniy arkhiv (RGIA). F. 468. Op. 476. D. 594.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). Izd. 1. T. 38.
6. Khrapova, N.Yu. Pravoslavnoe missiонерство na Altae/ Khrapova N.Yu. //Russkaya ideya. – Barnaul, 1992.
7. Vladimirov, V.N. Altajciy vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX vv. //Ocherki istorii Altayskogo kraia. – Barnaul, 1987.
8. Borodavkin, A.P. M.M. Speranskiy i Altayskaya Duhovnaya Missiya / A.P. Borodavkin, N.Yu. Khrapova // Kulturnoe nasledie Sibiri. – Barnaul, 1994.
9. Verbiцкий, V.I. Kratkie svedeniya ob Altayskoy Duhovnoy missii (ADM) //Tomskie Eparkhialnihe vedomosti. – 1886. – № 21.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). – SPb., 1831. – T. VII.
11. Nosov, S.K. Russkiy missioner // Zvezda Altaya. – 1992. – 13 marta.
12. Krejydun, Georgiy, svyath. Altayskaya dukhovnaya missiya v 1830 – 1919 godih: struktura i deyatel'nostj. – M., 2008.
13. Gosudarstvenniy arkhiv Altayskogo kraia (GAAK). F. 164. Op. 1. D. 138.
14. Gosudarstvenniy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO). F. 184. Op. 1. D. 1.
15. Otchet ADM za 1888 g. – Tomsk, 1889.
16. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 796. Op. 440. D. 1255.
17. Zapiski Kebezenskogo missionera Altayskoy Duhovnoy Missii ieromonakha Dometiana za 1864 g. // Dushepoleznoe chtenie. – 1864. – oktyabrj.
18. Zapiski altayskogo missionera ieromonakha Dometiana za 1861-1862 gg. // Strannik. – 1863. – noyabrj.
19. Otchet ADM za 1886 g. – Tomsk, 1887.
20. Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka (GPIB). Kollekcija M.D. Khmihrova.

21. Priroda i naselenie Altaya/Tomskie eparkhialjnihe vedomosti. – 1891. – № 4.
22. Otchet ADM za 1896 g. – Tomsk, 1897.
23. Altajskaya Cerkovnaya Missiya. Posvyataetsya osnovatelyam pervogo v Otechestve Missionerskogo Obchestva. – SPb., 1865.
24. GATO. F.184.Op.1.D.3.
25. Kirovaya vedomost' Ikhinginskogo missionerskogo stana za 1906 g. – Tomsk, 1907.
26. Tadina, N.A. Tip «kretsenikh» altajcev6 proshloe i nastoyatee//Khristianskiy mir: religiya, kul'tura, ehtnos (mater. konf.). – SPb., 2000.
27. GAAK.F.164.Op.1.D.46.
28. Otchet ADM za 1887 g. – Tomsk, 1889.
29. Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1902-1903 gg. – Tomsk, 1904.
30. Altajskaya Dukhovnaya Missiya // Pravoslavniy blagovestnik. – 1900. – № 4.
31. Ledebur. K.F. Puteshestvie po Altajskim goram i dzhungarskoy Kirgizskoy stepi. – Novosibirsk, 1993.

Статья поступила в редакцию 07.08.11

УДК 902

Zavialov A. A. THE ACTIVITIES OF THE TOMSK REGION OF RAILWAYS IN THE ALTAI REGION (OB AREA) IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES. The article, based on published and archival documents attempts to highlight the history of the Tomsk region of Communications (his work on the content and development of waterways in Siberia in 1895-1917.). We also consider it especially the organization of management of waterways in the Siberian region, the improvement of "navigable conditions in the province) development of new areas of the waterways, navigation and surveillance for the accumulation of gathering statistical information about the waterways of Siberia in the period of interest here.

Key words: Western and Eastern Siberia, railways, river navigation, the Ministry of Railways, the Siberian Railway.

А.А. Завьялов, аспирант Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: zamnmr@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОГО ОКРУГА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА (ОБСКОЙ УЧАСТОК) В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье на основе опубликованных и архивных документов предпринята попытка осветить историю Томского округа путей сообщения (его деятельности по содержанию и развитию водных путей Сибири в 1895-1917 гг.). Рассмотрены также в ней особенности организации управления водными путями в сибирском регионе, улучшение «судоходных условий в крае», разработка новых направлений водных путей, надзор за судоходством и накопление сбор статистических сведений о водных путях Сибири в интересующий нас период.

Ключевые слова: Западная и Восточная Сибирь, пути сообщения, речное судоходство, министерство путей сообщения, Сибирская железная дорога.

Проблема путей сообщения в любом государстве, в его отдельно взятом регионе всегда составляла и по сей день составляет довольно сложную проблему. Не стал исключением в этом плане и Российское государство и в частности, Сибирь. Первая попытка устройства здесь «организующего начала» на водных путях относится, согласно документам, к 1809 г., когда высочайшим манифестом в стране было учреждено 10 округов путей сообщения. Территория Сибири вошла тогда в ведомство 10-го округа [1, с. 220-221]. Однако 22 июля 1822 г. последний был упразднен, а управление путями сообщения перешло под надзор Главных управлений Западной и Восточной Сибири. По решению Департамента шоссейных и водных сообщений, упразднение округа было обусловлено преобразованием гражданского управления в Сибири. Впредь полагалось иметь в Западной Сибири только «особых начальников над сообщениями», с некоторым штатом. Главное внимание стало уделяться отныне сухопутным сообщениям. Все изыскания, съемки и наблюдения по устройству водных путей, строительство гидротехнических объектов (каналов, мостов, пристаней) предполагалось производить «временными комиссиями», а надзор за судоходством и сбор официальной информации (весьма ограниченной) вменялись в обязанность местным полицейским учреждениям.

Иначе говоря, до 90-х гг. XIX в. непосредственной организацией речного судоходства в Сибири практически никто не занимался. В ведомстве путей сообщения считалось, что содержание сибирских речных путей является прерогативой владельцев речного флота, который являлся их частной собственностью, «коей ими управляется и эксплуатируется». Влияние ведомства путей сообщения на работу судовладельцев состояло лишь в регламентировании правил плавания судов и

безопасного содержания судовых силовых установок. Несмотря на важную роль, которая принадлежала речному транспорту в Сибири (до развития здесь железных дорог) правительство принимало все меры для ограждения прав и интересов судовладельцев.

Наблюдение же за судоходством являлось, как было сказано выше, обязанностью местной гражданской полиции, которая, по отзывам официальных лиц, не справлялась с этим делом. «К сожалению, – признавался в 1877 г. представитель Министерства путей сообщения, – в Министерстве вовсе не имеется сведений о размере производящегося по рекам Западной Сибири судоходства» [2, л. 29-32 об.].

Между тем, развитие последнего здесь достигло к этому времени довольно значительных успехов [3]. Данное обстоятельство понудило местную администрацию ходатайствовать перед Министерством путей сообщения об образовании «необходимого учреждения для управления местными водными путями» (инспекции). Однако в силу финансовых затруднений в стране, таковая не была учреждена. Вместо нее, в 1881 г. в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири были выделены два инженера путей сообщения «для описания рек и дорог» [3, л. 131].

В 1882 г., после упразднения Главного управления Западной Сибири, непосредственное заведование местными водными путями перешло к Министерству путей сообщения [4, с. 10]. Однако его представители не располагали необходимыми возможностями в Обь – Иртышском бассейне. В силу этого, они, начиная с 1884 г., неоднократно обращаются в Министерство финансов, чтобы оно выделило необходимые средства для расширения своей деятельности, в частности, «для организации судоходного надзора» [4, л. 80]. Однако их

деятельность была несколько расширена лишь в конце 80-х гг. XIX в., когда министр путей сообщения санкционировал «учреждение Тобольского и Омского судоходных участков» с местопребыванием их начальников (инженеров Бельского и Чернышева) соответственно в Тюмени и Омске. Некоторое время последние находились в подчинении у правления Казанского округа путей сообщения [5, л. 1].

Только с сооружением Сибирской железной дороги, реки стали рассматриваться как естественные подъездные пути к ней. Это вызывало необходимость упорядочения управления «водными сообщениями». Положением от 30 июня 1893 г. было учреждено Западно-Сибирское управление внутренними водными путями (с двумя участками). Спустя два года (в марте 1895 г. – А.3.) был учрежден Томский округ путей сообщения, штат которого стал действовать с 1 июля 1895 г. Одновременно с этим, были упразднены временное Управление Западно-Сибирскими водными путями и Управление Обь – Енисейским водным путем.

В соответствии с новым положением, в состав Томского округа путей сообщения «вошли: р. Обь с притоками (Ница, Тура, Тобол, Иртыш, Чулым, Томь) и «Обь-Енисейский соединительный водный путь». Система первого охватывала «8328 верст естественных рек, 93 версты шлюзованных рек и соединительный канал протяженностью в 7 верст» [1, с. 193-194].

Томский округ речных путей сообщения отличался от аналогичных округов Европейской России тем, что имел большие финансовые и административные права [6, с. 149]. Его создание (взамен бывших временных управлений, ведавших лишь основными частями водных путей) имело большое значение для более правильной организации судоходства. В частности, уже в первый же год существования Томского округа путей сообщения был «обставлен фарватер р. Оби» и «устроено нам нем 76 водомерных и метеорологических станций и постов», составлявших «положенные бюллетени о горизонте воды» [7, с. 132-133].

Главной же целью деятельности Томского округа путей сообщения являлось содержание и развитие «местных водных путей» с учетом требований развивающегося сибирского судоходства.

Для реализации этой, поставленной цели было создано Управление округом, которое решало следующие задачи:

- а) гидротехническое строительство и обеспечение воднотранспортных соединений (строительство соединительных каналов, содействие строительству мостовых переходов и оборудование пристаней);
- б) организация судоходной обстановки и дноочистительных работ (разметка фарватера, установка на реках бакенов и фонарей, удаление камней и корчей);
- в) развитие дноуглубительных работ (в частности, землечерпание);
- г) развитие служебных средств передвижения (приобретение и эксплуатация пароходов, барж и др.);
- д) надзор за судоходством (техника безопасности плавания на реках, врачебно-санитарный надзор и т.д.);
- е) исследование и описание водных путей, сбор статистических сведений и других сведений.

9 ноября 1895 г. начальником Томского округа путей сообщения был назначен тайный советник, инженер путей сообщения, барон Б.А. Аминов, который находился на этой должности до 1 июля 1912 г. Его помощником начальника округа стал М.С. Чернышев – статский советник, инженер путей сообщения. Старшим инженером, заведующим инспекторско – технической части Управления округа, был назначен коллежский **ассессор**, инженер путей сообщения, Г.Н. Сидоренко. Управление округа, было располагалось в г. Томске. Его штат состоял в 1908 г. из 8 чиновников. В 1910 г. их число увеличилось до 12 человек. Кроме этого, имелись в управлении и должности «начальников пристанских постов». Ими были назначены: Ф.С. Смирнов (в г. Бийске), Н.И. Изосимов (в г. Барнауле), В.С. Ка-

линовский (в с. Камень), А.И. Мелешкин (в г. Новониколаевске) и В.А. Варен (в г. Томске) [8, с. 1-2].

С 1 июля 1912 г. по 1 января 1915 г. Томский округ путей сообщения возглавлял Н.В. Попов, надворный советник, инженер путей сообщения [9, с. 83-84], с 14 августа 1915 г. по 27 июля 1917 г. – А.А. Никитин.

В 1895 г. Томский округ путей сообщения был разделен, как известно, на следующие участки: 1. Обский участок (начальник участка К.М. Стрижев, его резиденция располагалась в г. Томске). В его «ведение» входили рр. Обь, Томь и Чулым. 2. Иртышский участок (начальник участка в г. Тюмени) – рр. Ница, Тура, Тобол, Иртыш. 3. Обь-Енисейский участок (начальник участка С.А. Жбиковский, в г. Томске) – р. Кеть, Озерная, Ломоватая, Малый Кас, Большой Кас, а также шлюзованные части рр. Ломоватой, Язевой, оз. Большое, Обь-Енисейский канал и часть р. Малый Касс [10, л. 2]. Одной из главных задач Томского округа путей сообщений стало гидротехническое строительство и обеспечение местных воднотранспортных соединений.

В 1900 г. сибирские пароходчики ходатайствовали перед властями о расширении сферы деятельности Томского округа путей сообщения. Они предложили им развивать буксирное пароходство вверх по р. Томи до г. Кузнецка [11, л. 2]. Развитие воднотранспортных путей сообщения рассматривалось ими, как средство поднять экономику Сибири. И в этом плане инициаторы данной идеи уделяли немалое внимание возведению Обь-Енисейского канала, истории строительства которого посвятили свои работы многие авторы [12]. Его введение в строй должно было вылиться в непрерывный путь по линии Обь – Енисей [13, с. 37].

Управление округа, в принципе поддержало эту идею и стало оказывать «поддержку» местным органам власти, но, главным образом, «рекомендательного и консультационного характера» в вопросах, проектирования и устройства речных мостов, паромных переправ, пристаней и т.д. Подобного рода позиция Управления округа объяснялась тем, что организация указанных работ находилась в ведении органов городского общественного управления и уездных распорядительных комитетов. Эти гидротехнические объекты имели местное значение, что и определяло их подчиненность, как в ходе их строительства, так и при их эксплуатации. Управление могло лишь вносить предложения по улучшению качества строительства и содержания речных переправ.

Исходя из вышеизложенного, Томский округ путей сообщения организовал в 1913 году изучение опыта создания паромов и перевозов через судоходные и сплавные реки Енисейской губернии [14, л. 5]. Велась такая работа и по Томской губернии. Таким образом Управление пыталось выяснить спрос «в потребности новых мостовых сооружений». Он же выявил, что самое большое количество мостов требовалось на Обском участке Томского округа путей сообщения [15, л. 17].

В 1913-1914 гг. его Управлении рассмотрело вопросы строительства моста и подъездных путей к пристани у г. Барнаула. В 1913 г. представители Кабинета Е.И.В., Главного управления Алтайского округа и Барнаульской городской думы направили в г. Томск свои проекты и расчеты, обосновывавшие необходимость переоборудования городской пристани, не имевшей хороших подъездных путей, что сдерживало подвоз товаров, особенно в непогоду [16, л. 21].

Другим не менее важным направлением деятельности Томского округа путей сообщения являлось обеспечение «судоходства и дноочистительных работ на вверенной ему территории. Как известно, правила обозначения фарватера реки на мелких местах бакенами (с правой стороны по ее течению – красного цвета, с левой – белого) были введены еще 1867 году. Бакены расставлялись на расстоянии не более одной версты один от другого, а в изгибах реки это расстояние сокращалось так, чтобы на всяком судне, подходящем к мели, ясно были видны направление и изгибы фарватера. Отдельные

опасные камни обозначались вежами-крестами (с красным или белым флагом). Кроме того, в ночное время предписывалось устанавливать обязательное освещение «береговых обстановочных знаков», а бакенов – на мелях и перекатах. Последние освещались в то время керосиновыми фонарями и должны были всегда исправными, что, к сожалению, не всегда соблюдалось.

На смену старым «указаниям», пришли 17 февраля 1878 г. новые «Правила обстановки рек и озер предостерегательными судоходными знаками», а 24 июня 1878 г. – «Правила для плавания по внутренним водным путям», действие которых распространялось на все реки и озера Российской Империи. В новых правилах, кроме старых «обозначений судоходного хода плавучими или береговыми предостерегательными знаками», вводились новые: обозначающие глубину воды на перекатах (об этом теперь полагалось объявлять и на пристанях); сигналы для обозначения свободного хода судов в порогах и знаки на пролетах мостов; обозначение входов в истоки и устья рек, мелей и отдельных опасностей на озерах, а также извещения судов о наступлении бури.

Одновременно были установлены и единые образцы знаков, заготовка которых, а также другого «обстановочного имущества» производилась техническими участками.

Внедрение и развитие «судоходной обстановки» способствовало некоторому упорядочению «пользования водными путями». Однако кардинально улучшить его, они были не в состоянии.

К сожалению, перечисленные выше меры по улучшению водных путей и упорядочению судоходства на реках относились главным образом к речным бассейнам Европейской России, в частности, к бассейну Волги. В Сибири же все осталось, по-прежнему. Наблюдение за водными путями здесь формально осуществляли местные губернские управления. В 1880 г. на содержание двух инженеров путей сообщения при Главном управлении Западной Сибири было ассигновано 7 тыс. руб. Однако в 1882 г. последнее было упразднено. Появление в 1895 г. Томского округа путей сообщения ситуацию, конечно же, не изменило, ибо судоходство на реках Сибири контролировали три инспектора, которые, естественно, не в силах были обеспечить безопасность местного судоходства. Поэтому-то и писал в 1903 г. журнал «Русское судоходство», что «на каком-нибудь неудобном перекате капитан парохода, вало, поставит несколько тычек, кои и служили какое-то время указателями,.. потом первый же едущий на лодке мимо этих жалких указателей, считал неперменным своим долгом вырвать эти тычки, чтобы не мешали» [17, с. 25]. Таким образом, отсутствие заботы о содержании водных путей порождало большие затруднения для развития судоходства в Сибири.

Сооружение Транссибирской железной магистрали внесло некоторое оживление в работу судоходных предприятий. Однако водные пути не были готовы к освоению возросших объемов всего необходимого для ее строительства. Поэтому-то эту задачу пришлось сначала решать строителям дороги. С этой целью Комитет Сибирской железной дороги отпустил в 1903 г. 1146 тыс. руб. на улучшение «судоходного хода на реках для подвоза материалов к строительству». На используемых для этой цели участках Туры, Тобола, Иртыша, Оби и Томи были устроены водомерные посты и метеостанции, поставили несколько «регуляционных водостеснительных сооружений», приобрели 2 землечерпательных снаряда, 2 камнеподъемных крана «минимально необходимый служебный путевый флот». Все остальное, на реках Сибири, решал Томский округ путей сообщения.

С момента своего основания его Управление сразу же занялось «устройством судоходной обстановки». Уже в 1895 г. был «обустроен 471 перекаат». К 1911 г. протяженность водных путей сообщения Томского округа возросла до 8040 км, а число знаков на них – до 5746. Спустя два года было «обустроено» уже 1313 перекаатов, а общая протяженность судо-

ходных путей достигла 9554 км. Однако при огромной протяженности водных путей Сибири, этого было мало.

Но надо было не только налаживать не только новые судоходные пути, но и во время ремонтировать их. Были случаи, когда речные суда портили «плавзнаки», установленные на мелях и перекатах. К примеру, 29 июня 1896 г. пароход купца Морозова, шедший с тремя баржами сверху р. Оби, зашел на перекаат, а баржи зашли за красный бакен и встали на мель. В результате, фарватер реки был перекрыт ею. К ней течение нагнало песок и тут образовался затор, а бакен был помят баржею [18, л. 14].

В общей сложности за всю навигацию 1896 г., на Обском участке было утрачено инвентаря на 454 руб. 32 коп. [18, л. 84-85об.]. Ремонт и изготовлением последнего занималась в 1897 г. мастерская И.И. Батуева, располагавшаяся в Томске (ул. Магистральная, в доме Крюгера). Изготовление, к примеру, бакенного фонаря обходилось в 3 руб., самого бакена – 3 руб., фонаря лодочного – 90 коп. и рупора – 2 руб. 50 коп. [10, л. 36].

Важными мерами в деле организации судоходства являлись систематические замеры глубин на участках рек, а также создание службы «судоходной обстановки». Однако они не могли кардинально изменить гидрологическую характеристику рек, мелководье, препятствовавшее нормальной работы флота. Требовались активные меры, к примеру, для увеличения габаритов «судоходного хода», путем шлюзования, что требовало огромных затрат. Для этого нужно было углубление рек с помощью «землечерпания», однако в первой половине XIX в. речники не располагали еще ни опытом, ни теоретической базой в этом деле.

В марте 1909 г., при Министерстве путей сообщения была образована особая межведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водных сообщений в Российской империи. По распоряжению Министра двора, в ее состав был введен представитель от Кабинета Е.И.В.. В его обязанности входило «высказывать пожелания об осуществлении работ по водным сообщениям» в Алтайском и Нерчинском округах. В связи с этим, начальник Алтайского округа доложил 26 марта 1909 г., что «существующее пароходство по Оби и Иртышу... оставляет желать много лучшего» [18, л. 1-2]. Однако кардинально решить эту задачу,

Томский округ путей сообщения был не в состоянии, из-за «своей оснащенности». Как явствует из документа, он имел в 1904 г. всего 7 землечерпательных машин, из которых работали только три. Их общая производительность землечерпательного каравана составляла 900 м³/ч, что для Сибири было явно мало. К 1913 г. число землечерпалок возросло до 9, а их общая производительность – до 1450 м³/ч [19, л. 3].

Словом, к концу XIX в. состояние судоходства в Сибири было «не на высоте». Его развитию препятствовало мелководье на реках. Землечерпание же, как метод углубления судоходного хода и ликвидации препятствующих судоходству перекаатов многими специалистами отрицалось. А потому развитие «землечерпательного флота» шло медленно. Естественным итогом этого были недостаточные темпы развития судоходства в регионе.

Невелик был и «сибирский флот». В 1900 г. Томский округ путей сообщения имел в наличии всего 6 казенных пароходов («Томск», «Обь», «Сибирский Первенец», «Тобол», «Бийск», «Томь») [12, л. 20-21об.]. К 1913 г. их число возросло до 32 пароходов. Кроме того, в распоряжении округа имелось 6 грунтоотвозных шаланд, 5 каречкранов, 9 брандвахт, баржей и пазуквов и 6 морских лихтеров. Вот с таким «потенциалом» и намеревался Томский округ путей сообщения «организовать правильное движение пассажирских и грузовых пароходов в соответствии с расписанием» С этой целью его Управление обязало сибирских судовладельцев предоставить ему расписания движения паровых и непаровых судов по Обскому участку [19, л. 19]. Однако большинство судовладель-

цев не сделали этого, сославшись на то, что они занимаются собственными грузовыми перевозками и определить время отправления и прибытия «оних не могут», ибо это зависит от времени погрузки или разгрузки, погодных условий, туманов, мелководья и т.п.

Расписания своих легко-пассажирских судов предоставили только пароходные компании Е.И. Мельниковой, В.Е. Ельдештейн, и «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли». Их пароходы отходили из Томска, Ново-Николаевска и Барнаула от собственных пристаней. Продажа билетов и прием багажа производилась в местных кассах, пристанских конторках и на пароходах. Заблаговременно билеты «выдавались» только в Томске (в конторе В.Е. Ельдештейн, по Иркутской улице), а в Барнауле – в собственном доме П.П. Никольского. Плата с пассажиров и за багаж взималась по таксе. Дети до двух лет ехали бесплатно (если они не занимали отдельного места), а от 2-х до 8 лет – провозились за половину таксы соответствующего класса. Провоз собаки (под наблюдением проводника) осуществлялся на месте указном командиром парохода, с оплатой (без корма) как за 2 пуда багажа. В пассажирские помещения 1 и 2 класса вводить собак не разрешалось.

Пассажиру разрешалось иметь при себе подушку и саквояж весом не более 30 фунтов. За багаж, хранящийся на руках пассажиров, пароходство и служащие не несли ответственности.

Лица, не предъявившие билетов при контроле, должны были купить их от начального пункта, с уплатой вдвое дороже против таксы. Пассажиры с лодок принимались и высаживались по усмотрению командира. Пассажиры 1 и 2 классов, взявшие билеты на проезд туда и обратно, пользовались 10-ти процентной скидкой.

Такие правила действовали в пароходстве В.Е. Ельдештейна, являвшегося хозяином двухэтажного легко-пассажирского (американского производства) парохода «Евгений» и легко-пассажирского парохода «Любимец», совершавших два раза в неделю рейсы (по расписанию) между Томском, Ново-Николевском и Барнаулом.

В начале XX века на Обском участке курсировали как пассажирские, так и буксирно – пассажирские пароходы, принадлежавшие Богословскому горнозаводскому обществу, И.Н. Корниловой, В.А. Горохову, Г.И. Фуксману, В.Г. Бодунову, Н.А. Олюнину и И.К. Платонову. Большинство пароходов были буксирными, поэтому они совершали рейсы без расписаний, в зависимости от грузов, подлежащих к перевозке.

В 1903 г. было произведено освидетельствование судов Томского округа путей сообщения. Его произвел Комиссия во главе с начальником Обского участка г.Стрижевским. Освидетельствованию подверглись все речные суда, курсировавшие по Бии, Оби, Чулыму и Томи [20, л. 42 об. – 43].

В 1905-1908 гг. были проведены «санитарные осмотры пассажирских пароходов», которые были вызваны участвовавшими случаями заболеваний пассажиров. Судовладельцам, получившим замечания «санитарной комиссии», было предписано устранить их «в срочном порядке» [21, л. 9].

Особое место в налаживании судоходства занимали навигационно-описные партии, изучавшие топографию и гидрологию речного бассейна. Наряду с этим, им полагалось собирать материал о характере перевозимых грузов и загрузке судов, перевозке пассажиров, изучать «сопротивление потока движению судна» и др. Не обходили они и вопрос наличия в район местных строительных материалов, которые могли быть

использованы для нужд путевого хозяйства, рабочей силы и возможности ее использования для нужд флота и т.п. Словом, навигационно-описная партия в Томском округе путей сообщения была одним из важнейших его подразделений, ибо она давала исходные данные не только для прогнозирования путевых мероприятий, но и для изучения перспектив развития водных путей в регионе.

Однако главную роль в округе играла «Описная партия Обского участка», ведшая большую работу на пристанских постах. Она составляла протоколы инвентаризации речных пристаней и постов, ведомости о судах, прошедших по Обскому участку, вела учет непаровых судов, журналы их движения через пристанские посты. Благодаря ее работе, в Управлении накапливался различный статистический материал, который затем обрабатывался и публиковался [22, с. 188, 267].

Безопасность судоходства во многом зависела от многих факторов, в частности, от уровня воды в реке и его «временных колебаниях». Эти данные всегда служили основой для проектирования путевых мероприятий и расстановки навигационных знаков и ограждений. О значимости этой работы говорил еще 19 марта 1876 г. председатель навигационно-описной комиссии Департамента шоссейных и водных сообщений П.А. Фадеев. Тогда он впервые изложил развернутую программу организации водомерных наблюдений на реках России. В том же году была разработана «Инструкция по производству» таких наблюдений. На ее основе были тогда созданы водомерные посты и осуществлен наем водомерщиков. Собираемая ими информация сыграла немалую роль в деле упорядочения движения речных судов, в определении правильной загрузки судов (в зависимости от состояния глубины рек, что заметно сократило простои судов у обмелевших участков рек). Сообщение этих данных на пристанях официально было введено перекатов в 1878 г. Со временем всем этим стала заниматься специальная служба – технический отдел Департамента водных и шоссейных путей сообщения, ставший печатью необходимую для пароходств и капитанов информацию. Сначала (с 1897 г.) это были «Дополнения к телеграфным сообщениям», а с 1912 г. (если брать интересующих нас регион, то) — «Известия Томского округа путей сообщения». В них присутствовали сведения о погоде и опасных метеорологических явлениях, о состоянии уровней воды и габаритах пути, важнейшие директивы округа и Министерства путей сообщения, сведения о происшествиях на водных путях и пристанях, объявления о торгах на производство строительных работ и строительство флота. С 28 июня 1913 г. циркулярным распоряжением были введены в них и штормовые предупреждения [23, с. 103].

Подводя итог всему сказанному выше, можно констатировать, что по мере роста в регионе объемов путевых работ и расширения функций органов управления водными путями, формировалась и структура управления путевым хозяйством. Надо заметить, что в системе государственного управления царской России ведомство водных путей сообщения было одним из наиболее бюрократических и консервативных, а это довольно существенно тормозило развитие водных путей и судоходства в стране, в том числе и в Сибири. Но, несмотря на это, прогрессивные идеи и начинания в деле развития водных путей сообщения пробивали себе дорогу, а пробив, содействовали развитию и совершенствованию речного транспорта в Сибири, заметно повышали его роль в укреплении экономики региона и страны в целом.

Библиографический список

1. Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет существования (1798-1898 гг.). – СПб., 1898.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.174. Оп.1. Ч.1. Д.687.
3. Большаков В.Н. Техническое перевооружение на речном транспорте Западной Сибири в XIX в. // Вопросы истории дореволюционной Сибири. – Томск: ТГУ, 1986.
4. Чернышев, М.С. Иртыш. Гидрографическо-навигационный очерк. – СПб., 1887.

5. Об учреждении на реках Западной Сибири надзора по обстановке путей // Русское судоходство. – 1889. – № 95.
6. Особый округ путей сообщения // Русское судоходство. – 1895. – № 159.
7. Томский округ путей сообщения // Русское судоходство. – 1897. – № 180.
8. Памятная книжка Томской губернии 1908 г. Ч. II. – Томск, 1908.
9. Памятная книжка Томской губернии 1913 г. – Томск, 1913.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.134. Оп.2. -Д.1.
11. ГАТО. Ф.134. Оп.1. Д.12.
12. Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири, XIX век. – Новосибирск: Наука, 1991.
13. Жбиковский, С.А. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. – СПб., 1908. – Вып. II.
14. ГАТО. Ф.134. Оп.1. Д.205.
15. Там же. Д.91.
16. Там же. Д.163.
17. Русское судоходство – 1903. – № 250.
18. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф.4. Оп.1. Д.343.
19. ГАТО. Ф.134. Оп.1. Д.8.
20. Там же. Д.15.
21. Там же. Д.39.
22. Статистические материалы о движении грузов и пассажиров по водным путям, состоящих в заведывании Томского Округа Путей Сообщения, за навигации 1904-1910 гг. / Сост. М.И.Цитович. – Томск: Тип. Дет. Приюта и Дома Трудолюбия, 1913. – с. 188, 267.
23. Краткое описание исследований реки Оби от г. Бийска до юрт Тяговых, произведенных Обскою описною партией в 1897-1900 гг. под начальством инженеров Степанова и Стрижева / Министерство путей сообщения. – СПб.: Отд. статист. и картогр. МПС, 1905.

Bibliography

1. Kratkiy istoricheskiy ocherk razvitiya i deyatel'nosti vedomstva putey soobsheniya za sto let sushchestvovaniya (1798-1898 gg.). – SPb., 1898.
2. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F.174. Op.1. Ch.1. D.687.
3. Bol'shakov V.N. Tekhnicheskoe perevooruzhenie na rechnom transporte Zapadnoy Sibiri v XIX v. // Voprosih istorii dorevolucionnoy Sibiri. – Tomsk: TGU, 1986.
4. Chernyshev, M.S. Irtish. Gidrograficheskoe-navigatsionniy ocherk. – SPb., 1887.
5. Ob uchrezhdenii na rekakh Zapadnoy Sibiri nadzora po obstanovke putey // Russkoe sudokhodstvo. – 1889. – № 95.
6. Osobiy okrug putey soobsheniya // Russkoe sudokhodstvo. – 1895. – № 159.
7. Tomskiy okrug putey soobsheniya // Russkoe sudokhodstvo. – 1897. – № 180.
8. Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii 1908 g. Ch. II. – Tomsk, 1908.
9. Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii 1913 g. – Tomsk, 1913.
10. Gosudarstvenniy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO). F.134. Op.2. -D.1.
11. GATO. F.134. Op.1. D.12.
12. Bol'shakov V.N. Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri, XIX vek. – Novosibirsk: Nauka, 1991.
13. Zhbikovskiy, S.A. Materiali dlya opisaniya russkikh rek i istorii uluchsheniya ikh sudokhodnykh usloviy. – SPb., 1908. – Vihp. II.
14. GATO. F.134. Op.1. D.205.
15. Tam zhe. D.91.
16. Tam zhe. D.163.
17. Russkoe sudokhodstvo – 1903. – № 250.
18. Gosudarstvenniy arkhiv Altayskogo kraya (GAAK). F.4. Op.1. D.343.
19. GATO. F.134. Op.1. D.8.
20. Tam zhe. D.15.
21. Tam zhe. D.39.
22. Statisticheskie materialii o dvizheniiy gruzov i passazhirov po vodniym putyam, sostoyathikh v zavedivanii Tomskogo Okrug Putey Soobsheniya, za navigatsii 1904-1910 gg. / Sost. M.I.Citovich. – Tomsk: Tip. Det. Priyuta i Doma Trudolyubiya, 1913. – s. 188, 267.
23. Kratkoe opisanie issledovaniy reki Obi ot g. Biiyska do yurt Tyagolovikh, proizvedennikh Obskoyu opisnoyu partieyu v 1897-1900 gg. pod nachal'stvom inzhenerov Stepanova i Strizheva / Ministerstvo putey soobsheniya. – SPb.: Otd. statist. i kartogr. MPS, 1905.

Статья поступила в редакцию 05.08.11